ПИОНЕР

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1960 г.

Вот она, новая Москва широких улиц, нарядных домов, просторных площадей, нескрещивающихся дорог!

Мчатся сверкающие автомобили по Садовой, а здесь, у площади Маяковского, они ныряют в туннель, ведущий под улицу Горького, по которой над ними мчится наперекрест такая же полноводная автомобильная река.

ПИОНЕРСКАЯ ДВУХЛЕТКА — ВКЛАД В СЕМИЛЕТКУ

СТАРТ ПИОНЕРСКОЙ ДВУХЛЕТКИ

Новое слово в один миг облетело всю страну. «Двухлетка»! Пионерская двухлетка!

2 октября, в день сорокалетия речи Владимира Ильича Ленина на третьем съезде комсомола, фанфары, прозвучавшие по радио, возвестили о двухлетке. Начинается! Четырнадцать с половиной миллионов рёбят взяли старт необыкновенного соревнования — кто лучше встретит пионерский юбилей.

В разных дружинах, отрядах условия соревнования могут быть разные, но смысл их один: больше хороших дел для Родины!

На верхнем снимке вы видите ребят из двух московских школ — седьмой и тридцать восьмой,— они заключили между собой договор о соревновании. Снимок был сделан в тот момент, когда ребята обсуждали условия договора.

На снимке внизу пионеры Ленинского района столицы. Сразу после торжественной линейки 2 октября они взялись за лопаты и посадили на улицах района молоденькие рябинки. Пусть рябиновые гроздья алеют, как красные галстуки ребят, пусть всегда напоминают о пионерской двухлетке!

Фото В. Гусева.

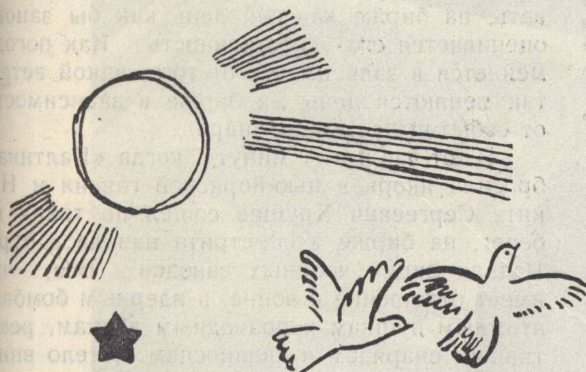

ПИОНЕР

Год издания 37-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

№ 11 НОЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" 1960 ГОД

1917–1960

Великий праздник Октября пришел в нашу страну. В летопись истории записан еще один год Советской власти — сорок третий. Он принес с собой много больших событий. О некоторых из них ты узнаешь в этом номере «Пионера».

Исключительно важной была поездка в Нью-Йорк главы Советского правительства Н. С. Хрущева. Горячо и неутомимо отстаивал Никита Сергеевич дело мира в Организации Объединенных Наций, где посланцы миролюбивых государств дали решительный бой поджигателям войны. Рассказ об этой благородной битве ты найдешь на первых страницах журнала.

Советские люди успешно строят коммунизм. На карте СССР появились новые города, заводы, магистрали. Посмотри рисунки, которые сделал художник Марк Живило. Они познакомят тебя со строительством сибирской железной дороги Абакан — Тайшет. Почитай о нефтяниках Каспия. Это настоящие герои. Они построили в море необыкновенный город на стальных сваях и добывают нефть с морского дна.

В одно прекрасное утро многие ребята Подмосковья проснулись москвичами. Границы Москвы расширились. Любопытные подробности о будущем столицы ты найдешь в очерке «Завтра Москвы».

Замечательные события происходят в нашей стране! Ты, конечно, тоже участвуешь в них.

Твоя дружина начала выполнять план пионерской двухлетки «Пионеры — Родине». О делах твоих товарищей из разных городов и сел ты, как всегда, прочитаешь в «Пионерских известиях».

Мы ждем сообщений и из твоего отряда, твоей дружины!

БИТВА, КАКОЙ НЕ ЗНАЛА ИСТОРИЯ

Всем ребятам, конечно, известно, что в конце сентября в городе Нью-Йорке собралась Ассамблея Организации Объединенных Наций и что двадцать пять дней советскую делегацию на Ассамблее возглавлял Никита Сергеевич Хрущев.

Каждый раз, когда на свете происходят какие-нибудь важные события, читатели пишут нам письма, задают вопросы. Так и теперь. Одни хотят знать подробнее, за что вела борьбу наша делегация на Ассамблее, других интересует, почему американские капиталисты боятся мира и хотят угнетать другие страны. Не перечислить всех вопросов, которые приходят к нам в письмах!

Выполняя просьбу ребят, мы рассказываем здесь о событиях, которые происходили в Нью-Йорке.

«БАЛТИКА» УХОДИТ В ПЛАВАНИЕ

9 сентября белоснежный турбоэлектроход «Балтика» поднял якорь и вышел из гавани города Балтийска. На борту «Балтики» вместе с товарищем Хрущевым и другими советскими делегатами направлялись в Америку главы делегаций Болгарии, Венгрии и Румынии.

Мирный корабль с посланцами мирных стран, воодушевленных мирными целями, еще не успел обогнуть берега Европы и выйти в океан, а в США и других странах капиталистического лагеря поднялась такая паника, словно к ним приближался военный флот, готовый начать нападение. Срочные радиограммы мчались через океан. Встревоженные министры совещались: как быть, что делать, чем предотвратить опасность?

«Опасность? — спросите вы. — Какая же тут может быть опасность? Ведь Никита Сергеевич Хрущев ехал, чтобы договариваться о всеобщем и полном разоружении, о вечном мире на вечные времена!»

Вот именно! Министры капиталистических стран этим и были встревожены. Они ломали голову, как предотвратить «угрозу мира», которая заключалась в советских планах.

Кого же может пугать мир? Об этом читайте дальше.

ПАНИКА НА УОЛЛ-СТРИТЕ

Уолл-стрит — это улица, на которой помещается нью-йоркская биржа... Да, но ведь вы, родившиеся в социалистической стране, вероятно, вовсе и не знаете, что такое биржа. Это — место, где капиталисты продают и покупают ценные бумаги на владение различными предприятиями: заводами, рудниками, нефтепромыслами, железными дорогами. Если даже хозяин какого-нибудь завода или железной дороги и не собирается их продавать, на бирже каждый день как бы заново оценивается его собственность. Как погода меняется в зависимости от того, какой ветер, так меняются цены на бирже в зависимости от событий на земном шаре.

В тот час и в ту минуту, когда «Балтика» бросила якорь в нью-йоркской гавани и Никита Сергеевич Хрущев сошел по трапу на берег, на бирже Уолл-стрита началась буря. Падали акции военных заводов. Все, что имеет отношение к войне, к ядерным бомбам, атомным пушкам и подводным лодкам, реактивным снарядам и авианосцам, летело вниз. Подготовка войны в опасности! Фабрикантам оружия угрожает мир! Если народы договорятся о всеобщем разоружении, — пойдут на свалку все товары торговцев смертью!

Но ведь мы говорили сначала, что встревожились министры, а не только владельцы военных заводов. Министрам-то чего было бояться? Министры боялись за своих хозяев. А это как раз и есть владельцы военных заводов. В капиталистических странах вообще, а в США особенно сила в руках тех, у кого больше денег. Но даже среди миллионеров самые богатые — фабриканты оружия. Вот почему они и командуют министрами. Приходится министрам думать о выгоде своих хозяев и устраивать в политике такую «погоду», при которой дуют военные ветры и тучи войны темнеют у горизонта.

ДВЕ РЕЧИ

Когда Никита Сергеевич Хрущев предложил, чтобы на сессии встретились руководители всех государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, американский президент генерал Эйзенхауэр, французский президент генерал де Голль и английский премьер-министр Макмиллан отказались от встречи, думая, что таким образом они сорвут

Никита Сергеевич Хрущев на трибуне Ассамблеи.

мирные планы советской делегации. Но тут выяснилось, что Никита Сергеевич Хрущев все равно поедет. Один за другим объявили о своем намерении ехать руководители социалистических стран, новых стран Африки и Азии и других нейтральных государств.

В смешное и глупое положение попали те, кто отказался от встречи: им пришлось пойти на попятную. Вот как получилось, что американский президент Эйзенхауэр все-таки выступил с речью на Ассамблее. Но какая это была речь! Даже буржуазные газеты насмешливо назвали ее самым крупным поражением генерала Эйзенхауэра.

Ведь все люди на земле хотят мира и ждут, чтобы правительства навсегда положили конец войнам. А что предложил в своей речи Эйзенхауэр? То, что давно предлагают его подчиненные, американские дипломаты: вместо разоружения контроль над вооружением. Дескать, вооружайтесь на здоровье, только пусть каждая страна позволит другим странам проверять, сколько у нее накоплено всякого оружия.

После такой речи всем на свете стало ясно, что президент совсем не хочет разоружения, хотя он и клялся в этом с трибуны Ассамблеи.

А на другой день от имени великого двухсотмиллионного советского народа говорил Никита Сергеевич Хрущев. Он сказал, что пока существует оружие, с помощью которого можно воевать, люди на земле не будут знать покоя, народы не будут доверять друг другу и, опасаясь внезапного нападения соседей, будут по-прежнему, как и сейчас, наперегонки запасать новое и новое оружие, все более страшное и смертоносное.

Он предложил самый надежный способ покончить со всем этим: раз и навсегда отказаться от войн, раз и навсегда запретить применение силы в спорах и разногласиях между государствами. Он предложил государствам договориться о всеобщем и полном разоружении, уничтожить все запасы оружия, распустить все армии, чтобы и воевать-то было некому и нечем. А что касается идеи Эйзенхауэра установить лишь контроль над вооружением, — товарищ Хрущев сказал, что

это будет открытый шпионаж, а шпионажа ни одна страна у себя не допустит.

В своей речи глава советской делегации выдвинул еще один вопрос величайшей важности: он предложил покончить с позорной системой колониализма и предоставить независимость всем странам Африки и Азии, которые сейчас еще находятся под властью колонизаторов, европейских или американских. Он призвал ООН так же решительно выступить против всех видов и разновидностей колониализма, как в прошлом веке передовые страны выступили против рабовладения.

ГОЛОС ЧЕРНОГО КОНТИНЕНТА

Несколько лет назад молодое африканское государство Гану можно было назвать новорожденным, потому что его народ только что получил независимость, освободился от колонизаторов. Сейчас в зале, где заседает Ассамблея, к флагам восьмидесяти пяти государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, прибавилось еще четырнадцать, и тринадцать из них — это флаги совсем молодых африканских государств. Многим не исполнилось еще и года. Гана — их старшая сестра. Кваме Нкрума, президент Ганы, выступил в один день с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Нкрума говорил, и казалось, это говорит сама Африка.

— Мы не требуем смерти своих угнетателей, не желаем злой участи тем, кто владел нами, как рабами. Наш голос гремит через океаны и горы, над холмами и долинами, в пустынях и на обширных пространствах, населенных людьми. Он требует свободы Африке. Многие и многие годы Африку попирали колониалисты. На севере и на юге, на востоке и на западе ее сыны изнывали в цепях рабства и унижения, а самозванные властители топтали нашу землю, не зная пощады, стыда и чести.

Так говорил сын Африки — президент маленькой черной республики Ганы. Он напомнил Объединенным Нациям, что есть еще в Африке угнетенные племена и народы, что до тех пор, пока в Африке хотя бы одна пядь земли останется под чужеземным господством, весь земной шар не будет знать мира.

У маленькой Ганы нет ни водородных бомб, ни авианосцев, ни военных баз на чужих землях. Но в словах ее президента звучала сила и уверенность, какую дают не авианосцы, а жажда свободы; сила и гнев черного континента, народы которого один за другим сбрасывают цепи рабства.

«ТРУБКА МИРА»

Американский ученый-археолог У. Пирс вручил Никите Сергеевичу большую старинную трубку. Оказалось, что это «трубка мира» индейского племени черноногих. Когда-то вожди племени, сидя у костра, затягивались по очереди из «трубки мира», скрепляя этим обычаем свои добрососедские отношения.

«Трубка мира» была подарена Н. С. Хрущеву в начале сессии, а незадолго до его отъезда пришло письмо из Канады:

«Я пишу Вам от имени племени индейцев канавага, входивших в свое время в объединение шести великих индейских племен Северной Америки. Мы приветствуем Вас на земле наших предков и приглашаем Вас посетить нашу резервацию в Канаде. Мы, индейцы, были первыми, кто провозгласил идеи мира на этом континенте. И сегодня мы просим Вас принять нашу моральную поддержку Ваших усилий в борьбе за мир. Во имя мира мы протягиваем Вам нашу руку дружбы и желаем Вам успехов.

Мафью Лазар, вождь племени канавага, по поручению народа».

Так пишет вождь когда-то могучего индейского племени, почти истребленного и вытесненного из своих владений колонизаторами.

Таких людей, которые обращают к Никите Сергеевичу слова привета, дружбы и благодарности, на свете много, и это не нравится правительству США. Оно запретило товарищу Хрущеву, а также другим делегатам социалистического лагеря переступать границы острова Манхеттен, где находится Организация Объединенных Наций. При этом правительство США сделало вид, что причина запрещения — желание защитить Никиту Сергеевича от враждебных выходок, которые будто бы ему угрожали в Америке.

Но оказалось, что это ложь на кривых, коротких ногах, она не смогла уйти далеко, ее сшибли, опрокинули сами американцы.

Никакая полиция (а ее пригнали в Нью-Йорк побольше) не сумела помешать американцам улыбаться Никите Сергеевичу, толпами приходить на остров Манхеттен, чтобы приветствовать его, присылать ему сотни писем.

«...Пусть мое письмо будет рукопожатием двух рабочих! Знайте, что простые люди мира любят Вас. Они никогда не пойдут против Вас».

«...Три раза я пыталась увидеть Вас и приветствовать, но, промокнув под дождем, должна была уйти».

Одна американка в письме просит извинения у Никиты Сергеевича за грубое поведение своего правительства, а шофер грузовика Аллен Шеппер пишет из Нью-Джерси:

«Меня в нашем городке называют Хрущевым. Я на Вас совсем не похож, рост у меня другой и нос, как у итальянского цыгана, а все равно называют. Знаете, почему? Однажды пьяный парень шел по улице

и выстрелами из пистолета сшибал со столбов фонари. Все испугались, а я вышел к нему навстречу, сперва уговаривал бросить пистолет, а потом дал ему в нос и отобрал оружие. Так сказать, разоружил. Вот меня и прозвали Хрущевым. Я не обижаюсь, а горжусь.

А Вас, мистер Хрущев, я был бы рад видеть у себя в гостях. Мне нравится Ваша прямота и откровенность. Мы с Вами мирные люди, но буянам можем дать в нос по-рабочему».

Письма эти, присланные из всех городов Америки, грудами лежали на столах нашего представительства в ООН. Так Америка, честная Америка простых людей, сама перешагнула границы Манхэттена, чтобы высказать свои задушевные мысли, свою любовь к справедливости. Эта Америка рано или поздно возьмет верх над своими генералами и будет жить в мире со всеми народами земли.

СЕМЕНА ДАДУТ ВСХОДЫ

Знаете ли вы что-нибудь об «американской машине голосования»? Эта совсем особая и притом вредная машина не имеет ничего общего с благородными и полезными стальными помощниками человека. Но объясним все по порядку.

Прежде было так: каждый год, когда Объединенные Нации собирались на Ассамблею, делегаты разных стран по очереди выступали на заседаниях, а в зале было почти пусто. Все знали, что выступления можно и не слушать: когда настанет время, большинство делегаций проголосует так, как им велят американцы. Ведь многие маленькие страны зависят от Америки. Представителям этих стран известно: если они поднимут руку по совести, Соединенные Штаты пошлют через их границу танки, самолеты, свергнут правительство и поставят другое, более послушное. США могут отказаться покупать у них фрукты, сахар, олово или еще что-нибудь, чем держится маленькая страна, — и опять беда всему народу. Вот так, угрозами, обещаниями, нажимом, Соединенные Штаты заставляют представителя независимой с виду страны выполнять их волю, а не волю пославшего его народа. Это и называлось «американская машина голосования».

Сколько зла уже причинила эта вредная «машина»! С ее помощью американским генералам удалось флагом Объединенных Наций прикрыть свое разбойничье вторжение в Корейскую Народно-Демократическую Республику. С ее помощью вот уже десять лет американцы не пускают великий Китай в ряды Объединенных Наций.

«Машина голосования» действовала безотказно полтора десятка лет. И вот на последней Ассамблее разгорелась борьба вокруг колониального вопроса. Споры были такими горячими, выступления такими резкими, что председатель, сторонник колонизаторов, со злости так хлопнул по столу своим молотком, что он разлетелся на куски.

«Машина» явно испортилась. Вопреки всем уловкам и хитростям американцев большинство делегатов не позволило оттеснить важный вопрос об освобождении колоний «на задворки», передать его в какой-нибудь комитет. Делегаты постановили обсудить вопрос о колониях на пленарном, на общем заседании, как и предлагал товарищ Хрущев.

Правда, американцам удалось и на этой Ассамблее добиться своего с Китаем, снова не допустив его в ряды Объединенных Наций. А важнейший вопрос о разоружении, вопрос жизни и смерти народов, они-таки запрятали в комитет, где его и без того давно обсуждают и, подобно лебедю, раку и щуке, не могут сдвинуть с места вот уже который год. Но каждому, кто сидел в зале Ассамблеи, было ясно, что старая американская «машина» на этот раз сработала с большим скрипом.

Что же произошло? А то, что у слабых государств теперь исчезает страх перед колонизаторами. Исчезает он потому, что соотношение сил на земле меняется.

В 1945 году, когда создавалась Организация Объединенных Наций, социалистические страны были в меньшинстве, их было только две: Советский Союз и Монгольская Народная Республика. Теперь более трети населения планеты объединено под знаменем социализма. Образовалась большая группа новых государств: стали независимыми от колонизаторов Индия, Индонезия, Объединенная Арабская Республика, Гана, Нигерия и многие другие страны. Это значит: больше чем треть человечества откололась от лагеря войны и угнетения. Она хочет жить по-своему и не подчинится прежним поработителям.

Если до сих пор охотникам греметь оружием удавалось правдами и неправдами собирать большинство голосов в ООН и мешать народам договориться о разоружении, о мире и освобождении угнетенных, то скоро наступит день, когда народы расправят свою спину и захотят быть настоящими хозяевами положения. Так говорил Никита Сергеевич Хрущев на Ассамблее. А вернувшись из-за океана, на многотысячном митинге москвичей он сказал:

— Мы верим, что здравый смысл победит, правда восторжествует, добрые семена дадут обильные всходы.

Чаша гладиатора

Главы из нового романа

Лев КАССИЛЬ

Рисунки Н. Шеберстова.

ЧИТАТЕЛЯМ ОТ АВТОРА

Дорогие друзья! Вы прочтете здесь отрывок из нового романа «Чаша гладиатора», который я недавно закончил после нескольких лет работы... Чтобы вам были понятны события, о которых говорится ниже, я вам коротко скажу, о чем идет речь в моем романе. «Чаша гладиатора» — это книга о дружбе, которая связывает крепко все поколения нашего народа, старых и малых, отцов и детей, дедов и внуков. В книге рассказывается о трудной и путаной жизни знаменитого русского богатыря-силача Артема Ивановича Незабудного, бывшего чемпиона мира по борьбе, долгие годы скитавшегося за рубежом и под старость сумевшего вернуться на родину, в степной поселок Сухоярку, где он когда-то, до революции, работал шахтером. Здесь он не только увидел совсем новую для него жизнь, которую создали советские люди, но и приобрел новых юных друзей: шоферского сына Сеню Грачика, пионерку Ксану Тулубей, дочку Героя Советского Союза Григория Тулубея, погибшего во время войны. Сухоярские ребята заботливо отнеслись и к старому чемпиону и к его приемному сыну Пьеру, русскому мальчику, которого подобрал в одном из европейских приютов Незабудный и вернул на родину. Незабудный подружился с пионерами из школы имени Тулубея и предложил им в качестве приза, разыгрываемого между школами в районе, свой самый дорогой и памятный кубок-чашу, назвав его кубком имени Григория Тулубея.

О том, что произошло после исчезновения этого кубка, вы, если вас заинтересуют эти события, узнаете из книги «Чаша гладиатора», которую к концу этого года выпустит для вас Детгиз.

БОЛЬШОЙ ВОДЕ НАВСТРЕЧУ

В тот день Сеня Грачик вместе с Ксаной Тулубей, Пьером, Суриком и Милой Колоброда опять поднялись на террикон. Они теперь ходили сюда каждый день. Но сегодня они забрались не зря: сверху сквозь легкое закатное марево, плывшее над степью, они впервые увидели вдали у горизонта еще неуверенную, прерывисто мерцающую серебряную полоску. Она то пропадала в сизоватой дымке, то снова проблескивала. И оттуда дул какой-то совсем по-новому пахнувший ветер. Ребята широко раздутыми ноздрями старались втянуть неуловимый и будоражащий сердце влажный ветер, который еще никогда не залетал в Сухоярку.

На другой вечер, едва кончились уроки, они снова прибежали сюда и вскарабкались на крутой конус террикона, боясь, что вчерашнее видение исчезнет. Но нет, оно не исчезло. Сегодня оно уже уверенно поблескивало вдали. И когда стемнело, огни строительства вдруг как бы сдвоились. Каждый теперь отразился в зеркале воды, которую скрыла темнота.

И тут уже никто не выяснял отношений, и забыты были все обиды и распри. Ребята прыгали и носились по террикону, и плясали, и кричали: «Вода! Вода! Вода! Вода...» — пока снизу не заругался сторож и не прогнал всех.

А через день на уроке Елизаветы Порфирьевны за окном класса вдруг мелькнуло что-то белое, метнулось, исчезло, снова появилось. И все, оторвавшись от тетради очередной контрольной, увидели: за окном косо взлетала, то как бы съезжая по невидимому наклону, то вновь взмывая, никогда не виданная в этих краях острокрылая птица. Она присела на гребень крыши сарая и побежала, тяжело приседая, раскачиваясь, разлапистая, странно неуклюжая на бегу, с большим клювом, утолщенным к концу и слегка загнутым вниз. И вдруг снова взлетела легко и как бы повисла в воздухе на распростертых белых снизу крыльях, лишь едва-едва шевеля ими.

— Товарищи дорогие... Ребята,— сказала Елизавета Порфирьевна и встала. Как зачарованная приближалась она к окну.— Честное слово, это же чайка!

Вода приближалась. Она уже подходила к самой Сухоярке. Все в поселке готовились к встрече с водой. Ее ждали, как невесту в доме. Перед ней все раскрывалось, все прихорашивалось, готовясь к встрече с желанной. Старик Зелепуха поставил на овражке, куда уже зашли первые струи приближающейся воды, рейку с поперечными синими полосками. Каждое утро и вечер приходил он, чтобы отметить, насколько поднялась вода. Он уже выкопал и пересадил из района затопления деревцо, из тех, что по-местному звали раинками, которое когда-то росло возле его дома. И раинка перебралась на возвышенность к новому жилью своего хозяина, к собранному на новом месте срубу. Уже закончено было переселение в красивые новые дома, которые успели возвести в районе Первомайской. Уже строилась, пока еще на сухом месте, лодочная станция. Ее устанавливали как раз в том районе, где и должна была разыгрываться пионерская эстафета в честь праздника воды.

Сначала вода появилась в домах, в новых кварталах, сложенных из желтого отесанного плитняка. На строительстве пустили фильтровальную станцию. Засипели водопроводные краны. Закурлыкало что-то в трубах, к которым давно уже припадали нетерпеливым ухом сухоярские ребята; при каждом шорохе мчались они на кухню, чтобы повернуть кран над раковиной. Вот однажды из него сперва капнуло раздругой, потом прыснуло. Вытекла струйка, короткая, жиденькая, как косичка первоклассницы. И вдруг, сперва отфыркиваясь, а затем ровной тугой струей ударила вода. Водопровод! Водопровод! Люди теперь приходили в гости к счастливчикам, уже поселившимся в новых домах, чтобы полюбоваться, как идет вода из крана. И она бежала, прохладная, кристально чистая, без той проклятой мути, с которой тут давно примирились, била звонко в дно кружки или стакана, пузырилась и, казалось, пьянила лучше всякого шампанского. Люди наведывались друг к другу, звонили по телефону:

— Ну как, у вас идет? У нас что-то перестала. Говорят, на нашей линии авария. Выключили временно. Обещали к вечеру.

И все понимали, что речь идет о воде.

А многие чересчур заботливые матери сперва не на шутку перепугались, решив, что ребята их объелись чем-то и приболели животом, потому и бегают бесперечь в тот уголок новой квартиры, где так интересно было дернуть за ручку, чтобы сверху из бачка с шумным клокотанием, балабоня, обрушилась вода...

Две недели лившие до этого дожди ускорили приближение воды. Она прибывала, намного опережая ранее намеченный график. И Сеня с Суриком каждый вечер тоже теперь ставили вешку у ее кромки и радовались утром, когда прутик оказывался уже далеко в воде.

Вода подступала уже к откосам дамбы, которую возвели вокруг школьного холма. И чем ближе подходила вода, тем больше начинали тревожиться многие родители, которым предстояло отпустить ребят на островное житье. Неутомимая Ирина Николаевна ходила из дома в дом и уговаривала:

— Простите... В лагерь, я спрашиваю, в лагерь пионерский вы бы их отпустили? Ведь ездили они у вас в лагеря? Ну и считайте, что это будет учебный лагерь, временный интернат, причем у вас прямо на виду, на глазах, как говорится.

— Так то ведь, милая, на сухом месте было, а тут вода... Боязно как-то.

Но так или иначе, а всех удалось уговорить. Провели специально родительское собрание в помещении школы, и понемножку отцы и матери успокоились. Действительно, ну будут жить, как жили прошлым летом в лагерях, только на этот раз даже ближе будут и на виду. Да и власть грядущей воды была так велика, так ласкала взор и душу все приближающаяся с каждым днем к поселку прохладная гладь, что трудно было противиться.

А вода поднималась. Вода большая, всенасыщающая, утолительная, мощная в своем тугом застывшем покое. Она заливала все мелкие неровности. Она все утопила под собой: мусор, свалки,— заровняла буераки и бугры. И пошла растекаться сверкающей, почти безбрежной далью до самого горизонта. Так загаданное приходит наконец и поглощает все, что противилось ему, и стираются понемногу неказистые приметы прошлого.

Удивительным образом обновлялось все вокруг. Даже весеннее, по-южному жаркое солнце теперь светило не так, как прежде, когда оно сквозило через белесое марево, обычно в эту пору еще вспользавшее на небо. Воздух стал чище, и солнце было ясным, словно смывшим с себя прежнюю муть.

Неба в Сухоярке всегда хватало. Неба тут было много. Степного, открытого неба, голубого в куполе, палевого к горизонту. Но теперь небо стало еще как будто в два раза больше. Голубизне его снизу вторила светлая гладь водохранилища. И мир как будто стал выше, так как он теперь невольно отмеривался по отвесу от облаков, всплывавших к зениту, до их отражения, опрокинутого в зеркале вод.

«Было высоко, а стало глубоко»,— как изрек, к ужасу Елизаветы Порфирьевны, Сеня Грачик.

Во многие воды на свете гляделся Артем Незабудный. И в большие и в малые. Но ни в одной не приходилось ему отражаться с такой отрадой, как в этой, желанной, давно загаданной и пришедшей на зов самых заветных дум.

Первыми у воды появились трава и мальчишки. Трава, словно чувствуя приближение утоляющей влаги, лезла из всех пор, пробивалась между камнями с тем, чтобы быть завтра же затопленной. А мальчишки уже пускали бумажные кораблики, учились бросать камешки, задрав штаны, бегали по мелким местам и рассуждали о капризах морской погоды и превратностях жизни матросской.

За мальчишками явились собаки. Сперва, поджав хвосты, опасливо приближались они к воде, которой никогда еще в своей недолгой собачьей жизни не встречали в таком обилии. Припав на передние лапы у самой кромки берега, с удивлением смотрели на свое отражение, никогда прежде не виданное, отпрянув на секунду, снова подходили, пробовали языком и потом принимались лакать с судорожной

жадностью — поселковые собаки, вечно умиравшие от жажды.

Потянулись сюда и коровы. Они заходили в воду и долго стояли там, поводя раздутыми боками, испытывая неведомое им прежде наслаждение.

На перекрестках забили, как бубен, ведра под туго скрученными струями водопроводных колонок — там, где трубы еще не вошли в дома.

Поливальщики стали по утрам нахлестывать улицы водяными бичами из брандспойтов, прибивая пыль, от которой всегда житья не было в поселке с первых же сухих дней. Сухоярка утоляла свою вековую жажду.

Только Милица Геннадиевна, квартирная хозяйка Грачика, не разделяла общего настроения.

— А что мне ваша вода? — говорила она Сене.— К морской твоей жизни я никогда вкуса не имела. А чай пить да постираться мне и так хватало. С водовозом хоть поговорить было можно, новости, какие есть, узнать. А что мне ваш крантик?

Но Незабудный утешил Сеню, когда тот пожаловался ему на несознательность Милицы.

— Да ты чего ее слушаешь? — сказал Артем Иванович.— Я же тебе говорю, она, как от всего беглая, живет, хуже, чем наш брат-эмигрант был. Мы хоть сослепу да с перепугу, правды не видя, драпанули тогда. А эта тут забилась за свой комод, за ширмочку, заставилась розанами бумажными и не видит, что люди вон какой живой цвет растят. Уж верно сказано: таким хоть вода не теки...

Вода, вода! Она бежала, прохладная, чистая...

Тем временем вода текла, прибывала и уже обходила школьный холм. И ребята с гордостью утверждали, что они уже учатся на полуострове. Всем хотелось не упустить момент, когда слева и справа обходившие холм воды сольются и окончательно отрежут школу от городка.

Уже закончилось переселение, уже малышей перевели на «Большую землю», как Сеня и Сурик окрестили теперь возвышенность в районе исполкома. Уже были повешены на дверях освобожденных классов дощечки с надписями: «Спальня мальчиков 6-го класса», «Спальня девочек 7-го класса».

Уже состоялась первая ночевка в школе. А, как известно, место, где хотя бы раз пришлось переспать ночь, кажется наутро уже обжитым. Но все же это был пока еще полуостров. Небольшая узкая гряда, тянувшаяся от возвышенности, еще соединяла холм с «Большой землей». А, как сказано в учебнике географии, лишь часть суши, со всех сторон омываемая водой, зовется островом...

На третий день после переселения, как ни старались учителя сохранить обычный порядок, никому уже не сиделось за партами. То и дело в тех классах, которые были обращены окнами к оставшейся перемычке, ребята приподымались, тянулись с места, старались заглянуть — как там вода...

— Грачик! Ступина! Чего вы там не видали? — сердился Глеб Силыч, ведя урок в шестом классе.— Вы что, на воду еще не нагляделись? Сидите спокойно. Не понимаю, что вам не сидится сегодня. Кажется, уже переехали, перебрались, так все равно, кругом же вода. В конце концов, что изменится от того, что вон та полоска земли уйдет в воду? Ведь отпуска на берег я уже отменил позавчера.

Но и этот день прошел еще на полуострове. Несколько раз вставал ночью Сеня, тайком выглядывал в окно. Нет, полоска земли еще тянулась от берега к школе. Оставалось совсем немножко, метра полтора, когда перед рассветом Сеня снова высунулся в окно, чтобы посмотреть. Но дежурный Витя Халилеенко велел ему немедленно вернуться на койку и не мешать всем спать. А когда проснулись наутро...

Остров! Настоящий остров! Школа стояла на островке. Перемычка уже целиком ушла под воду. Со всех сторон была вода. Она плескалась за окнами, ветер гнал легкую рябь, и мраморные отблески бежали по стенам и потолку класса.

А через два дня Ремка Штыб выловил первую рыбу. Повезло парню! На простую муху, насаженную на заостренную проволочку, он выудил какого-то малька. Все ходили в шестой класс смотреть эту маленькую рыбешку. И Ремка Штыб был героем дня.

Еще до переезда у Сени состоялся разговор с Ремкой и Пьером. Он был примерно такой.

— Ребята,— заявил Сеня.— Вам, надеюсь, говорили? Я назначен вас подтягивать.

— Прямо уж! — протянул Ремка.

— Да. И вам придется нажать. Я помогу.

— Уж сейчас!..

— Не хотите, не надо. Но имейте в виду, в команду вас не поставят иначе.

— Стой! Это уже не тавэ!

— Ну, тогда не валяйте дурака.

— А? Пьерка? — Ремка повернулся к своему приятелю.— Пойдем навстречу.

— Пожалуйста! Куда? — не понял тот.

— В том-то и штука, что податься некуда,— ответил Ремка сердито.— По занятиям выравняться велят. Потеть придется. Ясно?

Пьер кивнул. Неизвестно, как по русскому языку успевал Пьер, но тот дурацкий, так называемый стильный язык, которым изъяснялся с ним Ремка, он уже постиг полностью.

— Закэ,— сказал он пренебрежительно, что означало: «законно».

— Покэ! — заключил Ремка, прощаясь.

Постепенно устраивался быт островитян. С берега перевозили на большой лодке-дощанике обед в

огромных кастрюлях, судках и термосах. Дежурные девочки под руководством Ирины Николаевны разогревали его на кухне. Домашние задания — они теперь были не совсем домашние, а тоже школьные, классные — готовили сообща. И ребята заметно подтянулись. Только с Ремкой Штыбом не было сладу. Он не являлся на занятия. Сидел с самодельной удочкой, свесив ноги наружу, на подоконнике, там, где вода подходила к самым стенам школы. Да и Пьерку он подбивал, чтобы тот не занимался. Сколько ни бился с ними «общественный репетитор», как назвал шутя кто-то из учителей Сеню, у обоих — и у Пьерки и у Ремки — красовались еще в дневнике двойки по математике и по русскому. Иногда хотелось плюнуть на все и отказаться.

— Не стану я вас больше подтягивать,— заявлял в сердцах Сеня.— Не могу я вас силком тащить. Не хотите, не надо, получайте очередную пару!

— Ну и тю-тю кубок Тулубея! Увезут его — будь здоров,— насмехался Ремка Штыб.

— Да, если нас нет, кубок адьё! — спешил поддакнуть Пьер.— Фини!

— И если будешь очень артачиться,— угрожал Ремка,— так мы мигом Ксанке скажем, что ты отказываешься выполнять пионерское поручение. Слушай, Сенька, ну чего ты, правда, зря с нами время тратишь? Ты нам лучше реши задачку, когда контрольная будет, подсоби, и все будет в порядке! И сочинение, когда будет. Все от тебя самого зависит.

А Ксана спрашивала то и дело:

— Ну как они у тебя, двигаются?

— Я сам бы их двинул! — угрюмо отвечал Сеня.

— Смотри, Грачик, мы на тебя рассчитываем. Они же такие невыдержанные, что на тебя вся надежда. Имей в виду.

Через день команду участников эстафетного бега свозили на лодках на берег для тренировки. Иногда приходил смотреть на подготовку к соревнованиям Незабудный. Присаживался на скамеечку, смотрел внимательно и частенько досаждал советами физкультурнику Дмитрию Антоновичу. Не сиделось старику на месте. Он все вставал, собираясь что-то заметить, сам на себя сердито махал рукой, садился, но через минуту не выдерживал опять:

— Тут, извиняюсь, надо бы ему рывок чище отработать!

На лодочную станцию привезли новенькую, легкую, пустотелую, как мандолина, байдарку. И Сеня теперь под руководством Дмитрия Антоновича тренировался ежедневно, так как для этого не надо было ехать на берег. Байдарку разрешили каждый день пригонять к школе.

Тут и объявился снова Махан. На время он куда-то исчезал, и все надеялись, что он теперь совсем уже сгинул после позорного столкновения с Сеней и Незабудным... Но подобно тому как разлившаяся вода иной раз приносила то пустую полузатонувшую жестянку, всплывшую где-то на пустыре, то дохлого суслика, то расколотое корыто или еще какую-нибудь дрянь, так и Славку Махана неожиданно принесло на берег водохранилища. На земле ему уже, видно, не было подходящего места. Нашлось у воды.

Когда-то Славка Махан служил две недели в Николаеве на пристани, в память чего постоянно носил полосатую тельняшку, широченные матросские клеши со вставными клиньями во шву и всем показывал вытатуированный на руке якорь. Людей, знакомых с пристанями и лодками, в Сухоярке было еще очень мало. Пришлось принять услуги Махана. Он стал работать на лодочной пристани.

Приезжали тренироваться к лодочной пристани школьники из райцентра. Делали прикидку на этапах, где будет разыгрываться эстафета. Это были рослые, уверенные ребята. И девочки были под стать — все крепенькие, высокие. И, глядя на них, Сеня решил, что действительно без Пьера, отлично показавшего себя на тренировках, и без Ремки Штыба, давно уже завоевавшего славу одного из лучших бегунов школы, не видать тулубеевцам почетного приза.

А тут еще физкультурник Дмитрий Антонович вдруг забеспокоился: хорошо ли умеет Сеня плавать? Без этого ведь было рискованно участвовать в эстафете на этапе байдарок. Легкое, ненадежное суденышко всегда могло перевернуться. До последних дней вода была холодная, и купаться еще не разрешалось. Но теперь южное солнце уже согрело верхние слои воды. Физкультурник решил попробовать. Сеня успокоил его, он-де давно уже знает все способы плавания. «Теоретически»,— еле слышно добавил Сеня, так как малый он был честный.

— Теоретически! — только и протянул Дмитрий Антонович.

ИСПЫТАНИЯ НА ВОДЕ И НА СУШЕ

В одном из пустых классов Сеня попробовал повторить на полу все движения, давно уже перенятые из учебника плавания. На полу получалось великолепно. Если завтра на воде он повторит то же самое, все будет в порядке. Но надо было попробовать сперва самому. Все складывалось отлично, так как Сеня был в этот вечер дежурным. И когда все в интернате на островке легли, он вышел на откос дамбы, разделся до трусов и стал припоминать все, что затвердил из учебника по плаванию. Но как было попробовать в первый раз?

Сеня уже давно выписал из того же «Домашнего секретаря-наставника», тайно взятого у Милицы Геннадиевны, один полезный практический совет по части плавания.

«Знаменитый ученый Франклин,— утверждал «Домашний секретарь-наставник»,— дает такой совет желающим научиться плавать: надо выбрать неглубокое место реки или моря, около берега, раздеться, взять в руки яйцо и, войдя в воду, отойти на некоторое расстояние от берега. Затем надо бросить на несколько шагов от себя яйцо в воду. Оно станет немедленно погружаться на дно. Теперь пусть бросивший попытается, наклонившись к воде всем туловищем, достать яйцо, опустившись на известную глубину: он тотчас убедится, что опуститься в воду переднею частью не очень легко и для этого нужно усилие. И явление это ему докажет, что вода способна держать его тело, если он смело ляжет на живот, на что ему тем легче рискнуть, что он на неглубоком месте, где можно стать на ноги».

В учебнике по плаванию, который наизусть знал Сеня, о таком способе ничего не говорилось. Но зато там имелось твердое указание, что учиться нужно непременно под руководством опытного инструктора или хотя бы хорошо плавающего товарища. Найти яйцо было значительно легче, чем подыскать в частном порядке опытного инструктора, тем более что Сеня не хотел бы осрамиться при ком-нибудь. Ведь в классе давно знали, что он лучший теоретик по плаванию. Яйцо же выдали накануне за завтраком. Сеня не съел его и спрятал. А сейчас прихватил яйцо с собой на дамбу под школьным окном. Ночь была светлая. Луна в три четверти стояла прямо над водохранилищем. Серебряная дорожка, легонько виляя, протянулась по водной глади.

Раздевшись, Сеня попробовал ногой воду. Она показалась ему ледяной. На мгновение его охватила нерешительность: может быть, не стоит? Не лучше ли завтра пойти вместе с Дмитрием Антоновичем, поделиться с ним своими теоретическими соображениями, признаться, что плавать еще Сене не приходилось, и сделать при учителе первый опыт?

Но Сеня тут же сбросил с себя это краткое оцепенение. Сначала осторожно вошел в леденящую воду и, стиснув зубы, втянув живот, стал осторожно передвигаться, постепенно заходя все глубже и глубже.

Теперь надо было бросить яйцо, которое Сеня крепко держал в руке. Сеня слегка нагнулся и пустил яйцо по воде. Но то ли яйцо было болтуном, то ли и тут наврал «Секретарь-наставник»,— яйцо не тонуло. Зато, едва ступив к нему еще один шаг, ушел в воду с головой Сеня. Вопреки поручительству «Домашнего секретаря-наставника» вода не держала переднюю часть туловища. Дно ушло из-под ног мальчика. Очевидно, оно обрывалось здесь круто в глубину. Сеня потерял упор, забарахтался, кувыркнулся, наглотавшись холодной, пахнувшей чуточку какой-то гнилью и, как ему казалось, жирной воды. На мгновение Сене удалось всплыть на поверхность. Он, судорожно раскрыв рот, старался вдохнуть воздух. Вот тут проклятое яйцо и полезло ему прямо в открытый рот, так что он чуть не захватил его губами. Сеня с отвращением отогнал тыкавшееся ему в рот яйцо и почувствовал, что пальцы его ног касаются дна. Он стоял на цыпочках. Вода доходила ему лишь до подбородка, если задрать голову повыше. Достаточно было немножко опуститься, стать на всю ступню, и рот уходил под воду. Тут Сеня, болтая руками, наткнулся на что-то твердое, схватил, сделал судорожное движение, чтобы выбраться на поверхность, и в свете луны увидел, что он держится за большую вешку, которую ребята когда-то поставили здесь, отмеряя наступление воды. Обеими руками уцепившись за вешку, он пытался подобраться поближе к дамбе. Но вода так и норовила перевернуть его. Ноги вело кверху, а голова и плечи то и дело уходили под воду. И вешка гнулась. Надо было звать на помощь. Ничего не поделаешь.

— Сурик! — закричал Сеня не очень громко, боясь перебудить всех. Ему казалось, что верный друг его первый и во сне должен услышать зов приятеля, оказавшегося в беде.

Но никто не откликался. Сеня начинал застывать.

— Эй, Сурик! — повторил Сеня уже погромче.

И вдруг он услышал, как раскрылось окно спальни и кто-то выпрыгнул над самой головой Сени.

— Это кто есть? Ты чего? Алло! — услышал Сеня и сразу узнал голос Пьерки. Только этого недоставало!

— Ты зачем там? — спросил Пьер.— Вот Глеб Силыч узнает, он тебе... Не велели же!

— Я т... т... только т... т... так, хотел глубину пром... м... м... рить,— заблеял бедный Сеня, у которого уже зуб на зуб не попадал.

— Отчаянный ты! — сказал Пьер и уселся на берегу.— А вода холодная?

— Н... н... не очень чтоб-б-б,— пробубнил Сеня, уже совершенно коченея.

Вешка гнулась, стоять на цыпочках было невыносимо больно. Сводило пальцы на левой ноге. Но как Сене было признаться, что он не мог сам выбраться из воды? Пьер сидел, почесываясь, потягиваясь. Потом посмотрел на окна школы.

— Хитерг ты! — с некоторым восхищением произнес он.— Вызвался дежургным быть, а сам купаться. Не думал я, что ты такой отчаянный. А может быть,

— Ты зачем там! — спросил Пьер.— Вот Глеб Силыч узнает, он тебе... Не велели же...

и мне искупаться? И до каких пор нам запрещать будут? Температургa уже вполне... Как, по-твоему, температургa воды?

— Нормальная,— забулькал несчастный, так как нечаянно опустил подбородок.

— А что это там плавает около тебя?

— Яй-ц-цо...— Зубы у Сени так и цокали.

— Это, наверно, утиное,— не спеша размышлял вслух Пьер.— Вряд ли здесь будет кургиное. Это утка, наверное, снесла. А ну, подгони его ко мне, я тебе сразу скажу — кургиное или утиное. Утиное, оно обычно есть немножко... немножко плю гран... кргупнее и чуточку пргодолговатее и скорлупка немножко шершавая.

Неизвестно, сколько бы времени еще Пьер продолжал толковать о различии между куриными и утиными яйцами, но вдруг голова его слушателя ушла под воду и тотчас появилась с громким бульканьем. Сеня отчаянно отплевывался.

— Нырять учишься? — спросил Пьер.— Надо уши пальцами зажимать и ноздрги.

— Пьер,— вдруг тихо взмолился Сеня.— Я что-т-т-то никак не выйд-д-ду.— Тут спасительная мысль пришла ему в голову, неукоснительно уходившую под воду.— У меня судорога.— Сеня слышал не раз о том, что судорога случается даже у самых лучших пловцов, и признаться в этом совсем непредосудительно.

— О-о-о, судоргога — это очень плохо. Ложись сразу на спину,— скомандовал Пьер,— и уколи себя в икргу, если у тебя есть булавка.

— Я б-без бу-булавки плаваю,— признался совсем уже безнадежным голосом Сеня.

— Напргасно, совершенно напргасно,— поучитель-

но прокартавил Пьер,— в прохладной воде лучше купаться, всегда имея при себе булавку на всякий случай. Воткнул бы в пояс тргусов. Что она тебе, плавать бы помешала? Ты, между прргочим, осторгожней, если судоргога. Тут глубоко и может дно затягивать.— Пьер шагнул к самой кромке воды.— Ох, скользко как! Давай на всякий случай ргуку.

Сеня изо всех сил уцепился за руку соперника, чуть не стащив его в воду. И тот, видно, почувствовал, что дело неладно. Он стал очень серьезным.

— Держись крепко, Грачик,— проговорил он.— Не тргусь.

Он помог Сене вскарабкаться на берег. Ему пришлось тащить его изо всех сил, так как Сеня совсем ослаб. Собравшись в комок, обхватив свои трясущиеся плечи ладонями, Сеня присел на корточки и тихонько попросил:

— Т-ты никому не рассказывай, ладно?

— Какой ргазговорг! — ответил Пьер.

— А то неудобно.

— Еще бы, дежургный,— понял его Пьер.

— Спасибо т-тебе,— продолжал Сеня.— Я бы сам в жизни не вылез.

— Чего там спасибо! Пустяки! — Пьер помедлил и принялся обеими руками растирать задрогшую спину Сени.— На контргольной рассчитаемся, тоже поможешь вылезти.

И они вернулись в школу, где все давно уже спали.

Мог ли он после всего этого не послать решения задачки Пьеру, а заодно уж и Ремке Штыбу во время контрольной? Он понимал, что это не очень-то хорошо. Не такое пионерское поручение давали ему. Но ведь приз надо было выиграть. Ксана, как казалось Сене, не пережила бы, если бы приз имени ее отца с первого же раза ушел в другую школу. Да и как было не помочь Пьеру, у которого, когда он оглянулся со своей парты на Сеню, было выражение, какое бывает у тонущего! Сеня не знал, какое выражение лица было у него самого в ту ночь, но он теперь хорошо понимал, что испытывает человек в подобном положении...

★

Пьер получил за контрольную пятерку. А Ремка, тот даже при готовом решении не мог заработать больше тройки — такую мазню он развел в задаче. Но тройка — это все-таки был уже балл, при котором допускали в команду эстафеты. Теперь надо было выправить обоих бегунов по литературе. И у Пьера и у Ремки одинокие четверки и кучковавшиеся тройки перемежались двойками. С такими отметками неумолимая Ирина Николаевна не допустила бы ни того, ни другого к участию в состязании. Дело могло спасти домашнее сочинение, которое задала всему классу Елизавета Порфирьевна. «Моя любимая книга» — такова была тема. Хуже уже нельзя было придумать. Любимые книги! Легко сказать!.. Пьер читал до приезда в Сухоярку главным образом детективные романы, всякие бульварные дешевые выпуски в аляповатых обложках, на которых литографированные бандиты стреляли в сыщиков, девушки выпрыгивали из ванны с кинжалом в руке и человек в маске прижигал концами оголенных электрических проводов бородатого человека без маски.

Хорошенькое будет дело, если он принесет Елизавете Порфирьевне сочинение, в котором будет утверждать, что его любимая книга — «Приключения кровавого Фантамаса», «Любовь на дне ада» или «Убийство в полночь»! Что касается Ремки Штыба, то ему уже сама постановка вопроса казалась издевательской. Самая любимая книга! Он вообще терпеть не мог книг. Ему приходилось кое-что читать по обязанности, но любить это занятие казалось ему делом, недостойным настоящего парня. Если бы хоть еще насчет кино спросили!..

— Ну, в конце концов,— обратился Сеня к обоим приятелям, когда уже приблизился срок сдачи домашних работ,— «Молодую гвардию» в кино ты же видел?

— Ну, видел,— сказал Ремка.— Это как одна там дроби бьет, цыганочку танцует, Любка... А на самом деле она против фашистов действует с этим, как его... Тюлениным, что ли?

— Вот, вот, это самое!

— Это можно,— сказал Ремка.— Пиши, что это моя любимая.

— Ну а ты? — обратился Сеня к Пьеру.

— Жюль Верна можно? — спросил Пьер.

— Конечно, можно.

— Ну, тогда это пусть будут «Дети капитана Гранта»,— согласился Пьер.

— Стой! Это и я тоже в кино видел,— откликнулся Штыб.— Ты лучше пиши мне про это.

— Нет уж,— сказал Сеня,— ему простительно, он недавно к нам приехал. Вот пускай и пишет про Жюль Верна. Тем более что француз.

— Нет, писать это ты будешь,— уточнил Ремка.

— Я тебе помогу, Пьер,— попытался было вразумить товарищей Сеня,— но надо, чтобы ты сам. А то ведь будет заметно. И потом лучше бы сразу уж про три книжки. Они ведь друг с дружкой связаны — «80 тысяч километров под водой», «Дети капитана Гранта» и «Таинственный остров».

Судья вручает жезлы эстафеты двум первым бегунам.

— Я «Таинственный остров» уже немножко забыл,— сказал Пьер.

— Ну, я тебе напомню. Помнишь, как они на ост-

рове оказались, и там им все время кто-то помогал, спасал их, а оказалось, это капитан Немо.

— Давай, давай про них,— милостиво согласился Пьер.— Я вообще морское люблю. Пиши.

Праздник воды был назначен на воскресенье. День выдался словно на заказ. Солнечный, не жаркий, по-весеннему пахучий. Он словно посмотрелся в зеркало разлившейся под Сухояркой воды и, прихорашиваясь, становился с каждой минутой все прекрасней. Последние облака канули за горизонтом, очистив небо, которое теперь сияло всей своей голубой лазурью. Ветерок погуливал по глади водохранилища, мелодично наигрывал что-то на проводах стоявших у воды мачт электропередачи и перебирал, как клавиши, цветные флаги, развешанные над лодочной станцией. И все дышало запахом, которого еще никогда прежде не знали эти места,— запахом просторной воды, уже прогревшейся на солнце.

Шахтеры Сухоярки и других рудников, гости из райцентра с семьями, нарядные, веселые, возбужденные, заполнили места для зрителей, отделенные канатом, укрепленным на стойках вдоль берега, который здесь полукругом охватывал залив водохранилища. В самом центре береговой излучины была сколочена из досок трибуна. Над ней ветер тоже пробегался по пестрым флажкам свода морских сигналов, или, как объяснил хорошо осведомленный во всех морских делах Пьер, флагами расцвечивания. Там собрались товарищи из Совета и партийного комитета Сухоярки и почетные гости из райцентра.

Через четверть часа старт.

Участники обеих команд — тулубеевцы в голубых и ребята из районной школы в красных майках — выстроились перед трибуной. Там же перед трибуной, на столике, крытом алым сукном, стоит заветный приз, приз памяти Героя Советского Союза Григория Тулубея, учрежденный чемпионом чемпионов. До слепящего блеска начистил своего гладиатора Артем Иванович. Солнечные лучи делают полупрозрачным оливин на плите, которую могучей серебряной рукой приподнял маленький атлет, и играют в прожилках камня на чаше, подъятой восставшим из могилы.

Кому-то достанется сегодня этот приз?..

Галина Петровна, председательница горсовета, с трибуны говорит несколько кратких приветственных слов и желает победы достойному — пусть победит сильнейший!

Участники эстафеты расходятся по своим этапам. В последнюю минуту перед тем, как расстаться и уйти на свои места, Ксана подходит к Сене.

— Сенечка! — говорит она и все посматривает на кубок, сверкающий там, посреди стола.— Сенечка! Я тебя так прошу, я тебя просто умоляю!.. Ты старайся.

Сеня ничего не говорит. Он пытается локтем прикрыть то место на своей голубой майке, которое вчера, когда гладила, прожгла Ксана. Видно, задумалась и оставила на минуту горячий утюг на майке. Не о нем, не о Сене, верно, она вчера задумалась...

— Ты же сама знаешь... Я все время стараюсь.— Больше он ничего не говорит.

Поет сирена. Десять минут до старта. Все по местам! Дмитрий Антонович на своем маленьком красном мотоцикле с коляской, в которую взгромоздилась куча мала — его питомцы, развозит их по этапам дистанции.

— Ну,— говорит он,— ну, ребятки...— и похлопывает неловко всех по очереди.— Вы, главное, спокойнее. Техника бега у нас лучше. Поверьте мне. Ступина, ты только не задерживайся при передаче. Сеня, помни! Работай ровно, ударяй коротко. И потом веди плавно. Помнишь, как я тебе говорил?

— Помню.

Пожалуй, больше всех волнуется сам учредитель кубка. Он же главный судья. Он в клетчатых чулках и спортивных брюках гольф. Каждая штанина с хороший аэростат. Тонкий вязаный пуловер спортивного фасона с красным кантом, идущим вокруг шеи, и острым углом на груди. На голове у него смешной пестрый картуз. Он смотрит на часы, проверяет секундомер. Осматривает жезлы эстафеты и вручает их двум первым бегунам — Ремке Штыбу и низенькому загорелому крепышу из районной школы.

Двенадцать. Все проверяют часы. Судья смотрит на секундомер. Стартер поднял клетчатый флаг. Судья на старте выкинул руку с пистолетом.

Выстрел. Пошли!..

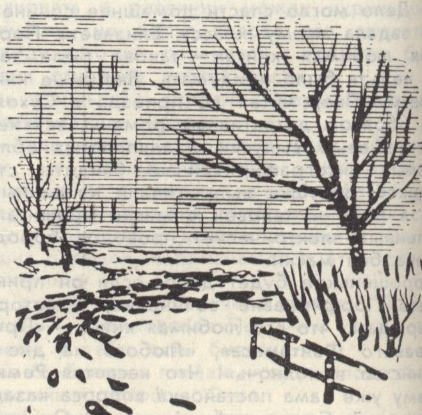
Сеня у старта своего этапа, у лодочной пристани, видит, как Ремка, чуточку засидевшись на старте и упустив вперед маленького прыткого противника, уже настигает его. Нет, где там тягаться с Ремкой! Сейчас обо всем забыл Сеня. Ему надо только одно — чтобы Ремка пришел первым, первым передал заветный жезл уже прыгающей от нетерпения, пританцовывающей на своем этапе Кате Ступиной. Давай, давай, Ремка! Хорошо! Молодец, Ремка! Нет, куда им, районным! Ай да Ремка, ай да Штыб!.. Сейчас Сеня гордится им, сейчас все, что есть в

Первый снег

Юрий СМИРНОВ

Первый снег, как разведчик,
До победы не дожил.
Он погиб в теплый вечер
Под ногами прохожих.
Что ж, на всякой войне
Есть победы и жертвы.
Я люблю первый снег,
Потому что он — первый.

Сене, все за него, за Штыба. И под возгласы зрителей, свист и хлопки Ремка, намного опередив соперника, первым передает волшебную палочку эстафеты уже как бы убегающей от него, лишь протянувшей к нему назад за свое плечо руку Кате Ступиной. И Ступина идет неплохо. Конечно, не так, как Ремка,— куда ей, девчонке! — но все же идет хорошо. Так, теперь палочка уже на третьем этапе. Ее принял Витя Халилеенко. Все хорошо. Все идет, как надо. Молодец, Витя!

Только сейчас палочка районной школы вышла на этот этап, а Витя Халилеенко уже заканчивает его на аллее нового городского парка, недавно посаженного, молодые деревца еще не сомкнули листву над аллеями. И зрители, повернувшиеся теперь спиной к водохранилищу, видят, как проходят там бегуны.

И вот палочка уже вложена в руку Милы.

Сеня прыгает на дощатом настиле лодочной пристани.

Сейчас он примет у Милки жезл, бросится в байдарку, воткнет палочку в специальное гнездышко и — левой, правой, одним концом двухлопастного весла, другим — помчится по гладкой воде... Ах, Милка, какая неповоротливая! Вот толстая растяпа, неужели не может быстрей? Ух, копуша!

Махан, завинвентарем пристани, уже держит за корму две байдарки — одну с красным флажком, другую с голубым — и выжидательно смотрит в сторону приближающихся соперниц.

Сеня подпрыгивает от нетерпения, выскакивает на берег, оглядывается на байдарку, отскакивает назад. Тут надо все рассчитать, чтобы не терять ни одной доли секунды. Ну, давай!

Но вот влажная от многих рук, согретая ими волшебная палочка со следами чернил, неотмытых после тренировки, с силой впечатывается ему в ладонь. Он стискивает ее как можно крепче. И разом прыгает он в лючок байдарки и втыкает жезл в специальное гнездо. Махан толкает лодку в корму и кричит насмешливо вслед:

— Полный ход! Ни пуха, ни пера, ни дна, ни покрышки! Счастливого плавания!

Но Сеня не слышит, что кричат ему с берега из-за каната зрители. Он знает только одно: надо как можно скорее и первому домчаться вон до того плотика у берега, где стоит легконогая, тоненькая фигурка, которую ни с кем нельзя спутать. Да, там ждет Ксана. И как ждет! Эх, если б она всегда так ждала его! Надо скорей передать ей жезл эстафеты. И он не подведет. Он не даст себя обогнать.

Что это такое, однако, происходит с байдаркой? Она словно стала тяжелее. Что-то холодное сперва сочится, а сейчас уже хлещет на ноги Сене. Вот так история! Что за чертовщина? Байдарка течет! Она явно наполняется водой. А только вчера вечером ее проверяли они вместе с Дмитрием Антоновичем, и все было в порядке. Уж не Махан ли натворил что-нибудь?!

Дмитрий Антонович подбегает к самой кромке воды, что-то кричит в рупор. Один из судей делает ему замечание: тренер не имеет права вмешиваться посреди этапа. Но на берегу уже тоже заметили, что у Сени происходит что-то странное. Лодка все глубже и глубже погружается в воду. Вот она уже чуть ли не по самую палубу в воде. А осталось каких-нибудь десять метров. И тут, на этих последних десяти метрах, долговязый, длиннорукий парень, которого Сеня приметил еще на берегу, легкими гребками двухлопастного весла посылает свою байдарку вперед.

Ну, еще немножко!.. Семь метров... пять... Красный флажок уже за плечом. Вот уже не надо поворачивать голову, чтобы увидеть его. Вот красный флажок уже поравнялся с голубым. Гребец из районной школы делает обгон под восторженные крики ребят, приехавших с других рудников. Он обходит Сенину байдарку, которая уже почти не видна над водой. И бедная Ксана, мечущаяся у края мостика с маленькой простертой к нему рукой, верно, вообще уже не получит палочки эстафеты, так как выронить ее — все равно, на землю или в воду — это значит, по условиям состязания, окончательно проиграть... И вот уже волночки перемахивают через легкую, тонкую палубу, и уже Сеня сам по пояс в воде. Только голубой флажок еще движется над поверхностью. К Сене наперерез от берега мчится моторка. Но он кричит:

— Не надо, не надо!.. Я сам.

И, выхватив из гнезда жезл, держит вытянутую руку над водой. Каких-нибудь полтора метра остались до плотика. Но ведь недаром же он изучал так долго теорию плавания, а теперь уже неделю занимался под руководством Дмитрия Антоновича, и не так, как советовал «Домашний секретарь-наставник», а так, как следует действовать в воде на самом деле! И, выкарабкиваясь из люка ушедшей из-под него байдарки, оттолкнувшись ногами, он свободной рукой дотягивается до края плотика, цепляется за него и видит прямо над собой полные смятения и благодарности глаза Ксаны и ее тоненькую руку, вырывающую у него эстафету.

Но длиннорукий уже за минуту до этого передал палочку своей партнерше. И Сеня видит стремглав уносящуюся спину ее в алой майке.

— Давай, давай скорей, Ксана!

Ксана мчится вдогонку за своей соперницей. Видно даже издали, как она отчаянно частит, выкладывая все свои силы. Но красная майка не приближается. Красная майка все еще впереди. Еще метр, другой — и палочка районной школы уже перешла первой через стартовую линию последнего этапа.

Последний этап! Приняв жезл эстафеты, бегун из райцентра рванулся по прямой к финишу, к победе, к призу!

Но вот и палочка тулубеевцев проносится над чертой, отделяющей последний этап. Она сейчас уже в руках у Пьера, который принял жезл на несколько секунд позднее. Все сейчас зависит от Пьера. Все смотрят с надеждой на Пьера.

— Давай гони, жми, Кондратов!..

— Пи-ер-квадрат! Пи-ер-квадрат! — хором подбадривают бегуна, кричат школьники с трибуны.

Встал во весь свой огромный рост Артем Иванович Незабудный. Стоящие сзади зрители уже не кричат ему: «Гражданин, отойдите, не видно...» Потому что все понимают: никто сейчас не будет отходить. И за Незабудным образуется в толпе пустота, целый коридор. Зрители стараются выглянуть из-за его локтей и плеч слева и справа. Да, теперь уже все стоят, никто не садится. Встали почетные гости на трибуне.

Вперед, вперед! Пьер, дорогой! Ну еще!..

Расстояние между несущимся вперед Загорным и Пьером вдруг стягивается, как резинка. Оно делается все меньше и меньше. И вот оно уже просто исчезло. Пьер вплотную приблизился к бегуну в красной майке. Нет, товарищи, нет, дорогие, это правда! Они бегут уже вровень. Загорный пробует сделать рывок. Ему удается это, и он идет чуть впереди, слегка косясь через плечо на противника, продолжающего бежать вплотную за ним. Снова на несколько секунд резинка расстояния, упруго связывающая обоих бегунов, вытягивается. Но Пьер словно держится за невидимую, влекущую его впе-

ред упругую связь с соперником, и расстояние начинает опять сокращаться, сжиматься, и Пьер снова бежит плечом к плечу с Загорным. А у того уже больше нет сил для нового рывка. Он не может оторваться, уйти вперед на решающих метрах пути. Перед ними уже трепещет в ветре белый серпантин финишной ленты. И в эту секунду, которой дано решить все, Пьер неожиданно увеличивает и без того широкий, летучий свой шаг. Голубая майка его первой касается ленточки, рвет ее — и палочка тулубеевцев на какую-то долю секунды, на расстояние вынесенной вперед руки опережает у самой черты финиша жезл противника.

А Пьер, не в силах остановиться, пробегает еще несколько шагов навстречу бросившимся к нему ребятам. И обрывок финишной ленточки, прижатой встречным воздухом к его груди, лишь сейчас медленно опадает на землю.

ВСЕ ПРОПАЛО

Хотя кубок был вручен тогда же на берегу после окончания эстафеты, тулубеевцы решили отпраздновать победу самым торжественным образом. Организовали специальный вечер в школе в большом классе, который и раньше служил залом в дни школьных вечеров, а сейчас назывался по-корабельному «салоном». К вечеру, когда клети подняли на поверхность сменившихся шахтеров, много лодок с представителями сухоярских организаций и гостями из районного центра пришвартовались к дамбе у школы. Прибыла из района кинопередвижка. Обещали показать картину «Отряд Трубачева действует». В «салоне» зашторили окна, механик уже налаживал свой аппарат с высоко поднятым над дулом объектива толстым диском. Аппарат, как кто-то заметил однажды, походил на статую дискобола, переделанную в пулемет.

К восьми часам вечера зал заполнился школьниками и гостями. Ждали Незабудного, который в сопровождении представителей местного и районного отделов физкультуры должен был торжественно внести в школу кубок, завоеванный тулубеевцами. Но Артем Иванович почему-то задерживался.

Уже давно выстроилась у дамбы перед входом в школу вся команда — все десять человек, все десять завоевателей кубка — от Ремки Штыба до Пьера. Однако Артема Ивановича все не было.

А задержало его вот что. Он сел к столу побриться перед тем, как отправиться в школу. Брился он по старинке не безопасной, а самой что ни на есть опасной бритвой, размашисто водя ею над плечом, наподобие смычка, безжалостно выскребывая лезвием щеки до безукоризненной гладкости и вытирая снятое мыло о бумагу. И вот, нашаривая в ящике стола старую бумагу, он вдруг обнаружил там два вырванных из тетрадки листка, на которых сверху было написано одной и той же рукой крупно: «Моя любимая книга». Это не была рука Пьера. Оба листка были мелко исписаны совершенно одинаковым, но незнакомым почерком. Это были, несомненно, черновики недавней контрольной работы, написанной для Пьера и, как понял сейчас Артем, для Ремки Штыба кем-то другим, но не самими приятелями. Ясно, что кто-то из школьников постарался за Пьера и Ремку, чтобы дать им возможность участвовать в эстафете.

Артем Иванович стал вспоминать, как шушукались Пьер с Ремкой, когда приезжали «на побывку» две недели назад, вспоминал, как заходил к ним Сеня и они вместе, закрыв плотно дверь, о чем-то тихо переговаривались. Рыцарь спортивной чести, чемпион чемпионов, и прежде презиравший в делах спорта всякий, как он выражался, «фортелизм», Незабудный не мог примириться с этим. В последнее время ему особенно хотелось, чтобы все вокруг совершалось по чести и совести. Недаром же сам он, хоть и поздновато, под конец жизни, как говорится, вышел на прямую. И любая нечистоплотная уловка, если он подмечал ее, обидно задевала его. Надо было немедленно выяснить, совпадает ли шпаргалка с теми работами, которые Ремка и Пьер представили как контрольные домашние задания. Настроение у старика сразу резко испортилось. Он не знал, как ему поступить, если окажется, что отметки, позволившие обоим приятелям оказаться в команде, были добыты мошенническим путем. Значит, кубок выигран нечестно. Но, с другой стороны, ему очень не хотелось огорчать ни Галину Петровну, ни Богдана Анисимовича, ни Ксанку, которая так радовалась...

Ребята, встречавшие на дамбе у школы Артема Ивановича, сразу заметили, что он чем-то расстроен. Впрочем, Незабудный сослался на плохое самочувствие. Сердце, мол, пошаливает. Его сразу хотели провести в зал, где уже все с нетерпением ждали появления знаменитого учредителя приза, но он попросил Сеню, Ремку и Пьера пройти в соседнюю комнату, которая имела дверь на эстраду. Он решил действовать напрямую.

— Твой почерк? — вдруг низко пророкотал Незабудный и подтащил к себе тугим мизинцем, засунутым за пояс гимнастерки Сени, оторопевшего мальчишку.

— Это... это... почерк мой, только...

— Так,— сказал Артем.— Выясняется красивая картина. А ну-ка, Пьер, и ты, Ремка, сбегайте-ка к себе в дортуар, достаньте из тумбочки свои домашние работы, за которые вы, собачьи дети, отметки нахватали. А ну, кому говорю? Или, может быть, ты,— обратился он к Сене,— скажешь все начистоту и по чести, по совести?

— Так я же разве для себя это? — упавшим голосом начал Сеня.

— Я понимаю, что не для себя. Ты для этих вот субчиков двоих. У-у, глаза бесстыжие... Так бы и пришиб обоих. Чего теперь делать станем?

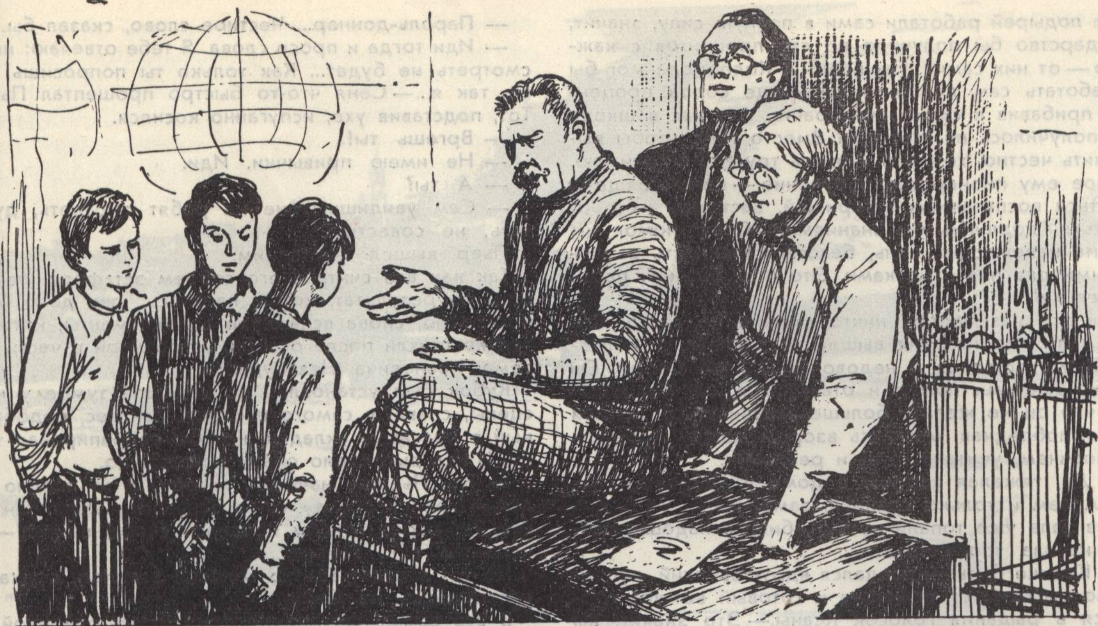
Артем Иванович с устрашающей силой опустил пудовый кулак свой на темя себе.

— А я-то, дурень старый, в дневнике да табеле расписывался. Радовался, что на старости лет и я могу свою фамилию поставить, где значится: «Подпись родителей». Как ни одной афише не радовался... Подпись родителей: А. Незабудный. Под чем же ты мое честное имя выставить дал? А?

— Я же и не для них... Честное слово! — бормотал Сеня.— Меня Ксана попросила... Ей же хотелось, чтобы кубок памяти отца у нас остался. Что же, я не могу помочь? А потом мы все равно их побили, хотя мне какой-то гад и провертел байдарку, так что я чуть не нахлебался.

Да, Артем хорошо знал эту историю с байдаркой. При осмотре ее после эстафеты были обнаружены с обоих бортов по две дырки, просверленные сантиметра на полтора выше ватерлинии и искусно замазанные на время хлебным мякишем, а затем закрашенные сверху мелком. Пока лодка была порожней, дырки эти находились над уровнем воды, немного выше ватерлинии. Но как только Сеня на эстафете прыгнул в лодочку и она под его тяжестью слегка осела, вода стала размывать мякиш, и постепенно лодка начала заполняться. Это был старый подлый трюк, хорошо известный речным хулиганам.

Но в Сухоярке, где вода была в новинку, никто

Артем Иванович грузно сидел на пюпитре парты...

о таких каверзах не слышал. Махан же уверял, что сам он не подходил к лодкам, только сторожил их, но что, мол, какие-то личности действительно, как ему ночью показалось, подплывали к пристани. Когда же он вышел, никого уже не было. Кто знает, может быть, из команды противников... За всем не усмотришь. Мало кто придал значение его объяснениям. Махану уже давно привыкли не верить. Но сейчас он не был пойман за руку. Его только понизили в должности. Он стал заместителем завхоза пристани. Ибо злой умысел был не доказан, а недосмотр оказался налицо.

Но как быть теперь? Артем Иванович грузно сидел на пюпитре парты, положив одну руку на колено, а другой скребя подстриженную ежиком по старому фасону голову.

Пришла вызванная ребятами Ирина Николаевна. А за ней — Глеб Силыч и Елизавета Порфирьевна. Оба были встревожены.

— В чем дело? Почему задержка?

Пришлось и им все сказать.

— Ну вот, извольте радоваться!..— начал Глеб Силыч. Он чуть было не удивился, но остался верен себе.— Я полагаю,— продолжал он уже своим ровным, размеренным, как метроном, голосом,— я полагаю, что все это, хотя и весьма прискорбно и подлежит безоговорочному осуждению с нашей стороны, однако... э-эм... представляется мне делом сугубо внутришкольным. И поскольку вопрос этот ныне решен, вряд ли целесообразно выносить его на посторонний суд, вызывая тем самым нарекания на школу и бросая темное пятно на ее репутацию. Имя, которое до сих пор с честью носила наша школа...

— А что,— приободрился Ремка Штыб,— что тут такого? Спортивная хитрость. Это в футболе называется финт, обманное движение. Про это и по радио говорят, когда футбол передают. И ничего такого.

— И правда! — встрепенулся Сеня.— Ирина Николаевна, ну что же тут такого? Меня попросили помочь. Я взял да и помог товарищам. Это взаимовыручка боевая.

С мудрым молчаливым сожалением посмотрела на Сеню и на двух незадачливых его подопечных старая учительница Елизавета Порфирьевна, которая пока еще ни слова не проронила сама. Но довод Сени поколебал Незабудного. Ведь верно. Ну что тут такого было? Помог человек своей команде, поработал на товарищей. Ну, правда, сам целиком написал за них сочинения. Но уж это его честь и заслуга. А отменять из-за этого результаты соревнований — это и сраму не оберешься да и несправедливо будет.

— Позвольте...— сказала тогда Елизавета Порфирьевна. Опираясь на толстую палку и стуча тяжелым ортопедическим каблуком, она вышла вперед.— Позвольте, друзья мои дорогие, я вам приведу один пример. Ну, возьмем хотя бы шахту. Вот один, скажем, вырабатывает сто двадцать процентов нормы, а другие, кто поленивей,— только восемьдесят. Бывает ведь так?

— Бывает,— согласились ребята. И Артем тоже кивнул головой: как не бывает, случается.

И тогда Елизавета Порфирьевна стала развивать свой пример дальше:

— Вот, скажем, наш прославленный знатный шахтер Никифор Колоброда, чтобы поддержать честь своего участка в шахте, своей бригады, или, как выражается Сеня, выручить товарищей, за каждого выработал еще по двадцать процентов, недостающих. Все как будто в порядке. Ну, может быть, устал только знатный шахтер. Но на его выработке это же не отразилось, он свое выработал. Это уже вопрос его усталости, его личного желания, его собственного благородства и дружеского участия.

— Ну и правильно,— сказал, расцветая, Сеня.— Я вот тоже так соображаю.

— Плохо ты, Грачик, соображаешь,— прервала его учительница, и Сеня завял, не успев расцвести.— Значит, по-твоему, все честно? А? Ты как полагаешь? Ну, хорошо. А если бы те двое лодырей...— Пьер и Ремка опустили головы и покраснели.— Нет, это я в данном случае имею в виду тех лодырей из шахты, а не вас, молодые люди. Я говорю, если бы те

двое лодырей работали сами в полную силу, значит, государство бы получило по сто процентов с каждого — от них самих. Так ведь? А Колоброда мог бы выработать сам дополнительно еще сорок процентов, прибавив к своим полтораста. А у нас в школе что получилось на этот раз? Вместо того, чтобы выполнить честно, хоть это и очень трудно, я понимаю, данное ему пионерское поручение — по-настоящему заняться воспитанием товарищей, заставить их обогатиться подлинными знаниями,— Сеня помог им скрыть невежество, лень, безответственность за добытыми для них отметками. Это что? Это как называется, а?

Как это называется, никто сказать не хотел. Все понимали, что история вышла некрасивая, и молчали. Безмолвствовал и недовольный Глеб Силыч. Он только плечами пожал и отвернулся, как бы показав, что он не желает больше вмешиваться. Бедная Ксана, побледнев, металась взором между Артемом Ивановичем, учительницей и ребятами.

— Да, тяжелая картина в доме у Мартына,— начал Артем и только крякнул, замолчав.

А в зале уже топали ногами, били в ладоши, требуя начала торжества.

— Как же быть? — раздался вдруг звонкий, непривычно высокий от волнения и готовый вот-вот сорваться в рыдания голосок Ксаны.— Это значит, вы думали так всех нас обмануть? И меня, Грачик?

— Ксана, я готов...— начал было Сеня, но она прервала его.

— Замолчи лучше. Любишь везде говорить о чести, совести, а сам! Как тебе не стыдно только? Ведь ты нас всех... ведь ты меня... А говорил!.. Я с тобой теперь никогда в жизни больше дружить и водиться не буду.— Она, чтобы скрыть слезы, повернулась к нему спиной.

— Не расстраивайся, не расстраивайся, Ксаночка,— сказала Елизавета Порфирьевна.— Сейчас мы подумаем, как быть.

— Как быть? — еле слышно проговорил Сеня.— Не слыть, а быть — вот как Ирина Николаевна нас, пионеров, учила. Надо все прямо сказать. Всю правду.

Ксана кинулась к Ирине Николаевне, схватила ее за руки, припала головой к плечу.

— Нет... не надо... ну, пожалуйста, не надо... не надо отдавать кубок. Лучше еще раз устроить эстафету. Ведь у них тоже было нечестно! Вон Грачик чуть не перевернулся. Я вас прошу: не надо!

Сердце Сени так и кромсали на части жалость и сознание непоправимости поступка.

— Ну тогда,— объявила Ирина Николаевна,— тогда надо сказать всем. И пусть сами ребята решают. Пусть поступят пионеры так, как им подсказывает их совесть. Идемте.

Елизавета Порфирьевна согласно закивала белой головой.

И все пошли к лесенке, которая вела через дверь на эстраду зала. Позади тяжко ступал Артем Иванович, обхватив одной рукой заветный кубок.

Пьер попридержал чуточку Сеню.

— Слушай, Грачик... Может быть, лучше мне самому сказать все?

— Я бы на твоем месте, Кондратов, так и сделал.

— Но я не могу. Как же это я выйду... и буду смотреть им в глаза... и говоргить...

— А ты закрой глаза,— посоветовал Сеня.

— Но ребята-то не закргоют... и все меня видеть будут. Вот, если бы можно было, чтобы в это время на меня никто не смотргел...

— Стой! А если бы на тебя никто не смотрел, ты бы сказал?

— Пароль-доннер... Честное слово, сказал бы.

— Иди тогда и проси слова. Я тебе отвечаю: никто смотреть не будет... Как только ты попросишь слова, так я...— Сеня что-то быстро прошептал Пьеру. Тот, подставив ухо, испуганно косился.

— Вргешь ты!..

— Не имею привычки. Иди.

— А ты?

— Сам увидишь. Мне на ребят смотреть, думаешь, не совестно?

Пьер вышел последним.

Так как все считали его героем эстафеты, решившим ее результат, когда, казалось, уже дело было проиграно, снова вспыхнули аплодисменты, которые только стихли после овации, устроенной в честь Артема Ивановича Незабудного.

Кубок был установлен на большой тумбе у края сцены, слева, у самого портала. Занавес, подобранный в красивые складки, как бы задрапировал тумбу. И все выглядело очень празднично.

— Ну, Пьерка, начинай, говори, а то поздно будет,— шепнул соседу из-за занавески Сеня. Он исчез, но через минуту появился снова, шепча: — Ну чего же ты?.. Говори...

Но тот в ответ только головой замотал, с ужасом оглянувшись на Сеню.

В это время фотокорреспондент из районной газеты уже нацелился своим аппаратом на кубок, вскочил на стул, потеснив ребят в первом ряду, и один из мальчиков с гордостью, вызвавшись в этот день быть его помощником, подключил к штепселю тысячесвечовую лампу. Крак!.. Где-то раздался легкий щелчок, и все погрузилось в полную темноту. Должно быть, старые пробки не выдержали.

И в полной темноте, в которую погрузился зашторенный зал, раздался голос Пьера:

— Ребята, погодите! Давайте немножко тихо... Я сейчас все скажу... Ребята, это я здесь, Пьер Кондгратов. Правда, ребята, надо возвгратить кубок.

Зал в темноте грозно закричал, зашумел, но потом пронеслось: «Тс-с-с!»

— Да... Надо отдать... Потому что было неспргаведливо... непргавильно... За меня и за Шибенцова Рему контргольную написал Гргачик. И по математике он решил нам...

Так было темно и тихо в зале, что казалось, будто все ушли из него и закрыли плотно за собой двери и живой души вокруг не осталось. И вдруг разом все закричали, затопали, загремели скамьями.

— Переиграть! — гремела тьма в зале.

— Несправедливо отдавать!

— Неправильно!

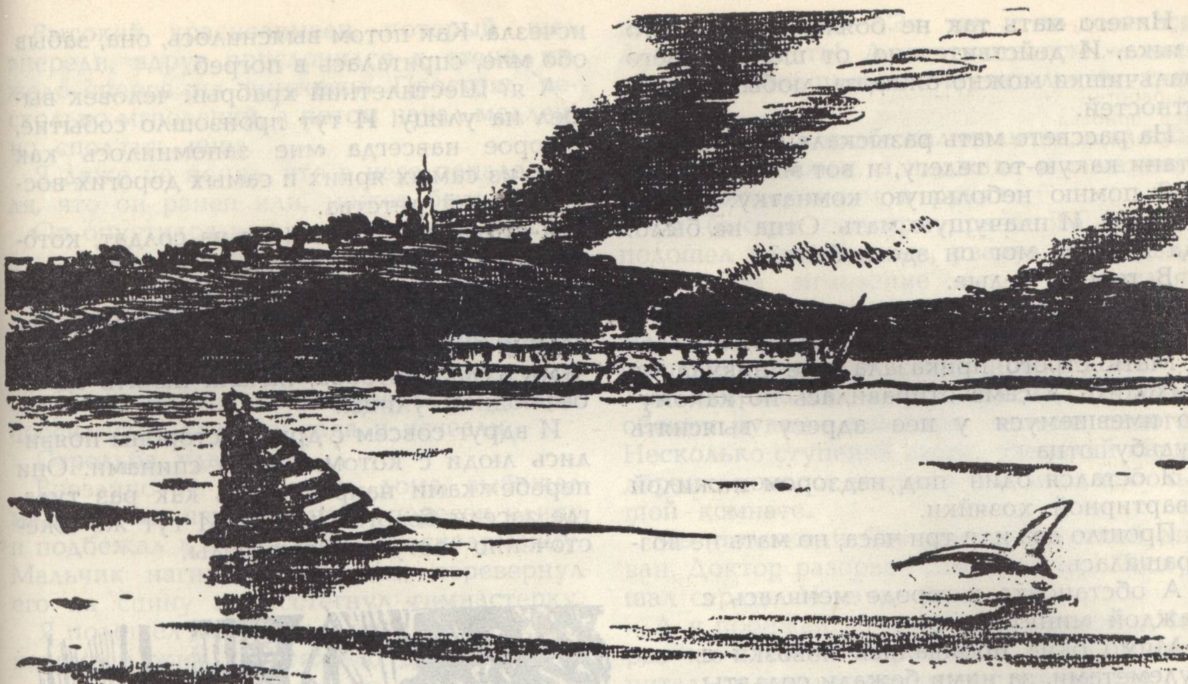
— Переиграть!

Где-то уже загремели спичечные коробки, и даже чиркнули там и здесь огоньки, чиркнули и разом погасли. Были-таки у некоторых про запас спички, но каждый боялся, что его еще, чего доброго, заподозрят в курении.

Послышался топот, скрип дверей, кто-то выбежал в темный коридор. Где-то с грохотом повалили стул, послышались голоса снаружи из коридора. Оттуда блеснул луч карманного фонарика, и вдруг все залил яркий, после темноты нестерпимо слепящий свет. Пробки исправили.

Но пораженный зал снова онемел сначала. А потом все вдруг заполнилось тревожным, круто нарастающим гулом. Все смотрели в левую сторону сцены. Некоторые испуганно моргали и жмурились и снова открывали глаза, словно не верили тому, что видят.

Все вглядывались в тумбочку, на которой только что стоял кубок у края сцены. Кубка там не было.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

А. ВОИНОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Отца вызвали в Смольный, и на другой день он уехал.

Мать сказала:

— Мы поедем к нему на Волгу.

И мы поехали. Поездом до Саратова. В Саратове пересели на пароход.

Мне было всего шесть лет. И от этой поездки в моей памяти сохранилось немногое. Я только помню, что по нашему пароходу стреляли с берега, помню, как на одной пристани его атаковали мешочники и два матроса ударили по ним напряженными струями из пожарных шлангов. Толпа кричала, люди метались, кто-то свалился в воду.

Я помню, как пароход долго стоял, и мать волновалась. Никто не знал, кто впереди: красные или белые.

А пароход плыл и плыл...

Мы ехали в Симбирск. К отцу!

Всех, кто входил на пароход, мать спрашивала, какие власти в Симбирске. Белые или красные? Но никто толком ничего не знал. А пароход «Кавказ и Меркурий» плыл и плыл, шлепая по воде крыльями огромных колес.

Он совершал удивительный рейс.

На берегах менялись власти. То и дело приходили какие-то военные — на палубе начиналось смятение.

— Проверка документов.

Иногда мать брала меня за руку и говорила строго, как взрослому:

— Молчи! А если тебя спросят, говори, что ты из Симбирска, гостил у бабушки в Саратове и едешь назад! Понял?..

Я кивал головой. Я все понял. Я уже давно наизусть выучил все, что должен говорить.

Ночью мы выгрузились на какой-то темной пристани, а пароход ушел дальше.

Мать сказала:

— Мы в Симбирске!

Я думал, что нас встретит отец. Но отца не было. Я заплакал:

— Где папа?

Мать сказала:

— Молчи! Здесь белые...

Ничего мать так не боялась, как моего языка. И действительно, от шестилетнего мальчишки можно ожидать любых неприятностей.

На рассвете мать разыскала вблизи пристани какую-то телегу, и вот мы в городе!

Я помню небольшую комнатку. Цветы на окне. И плачущую мать. Отца не было. Да и разве мог он здесь быть?

В городе белые.

А в полдень за окном началась стрельба.

Из-за Волги стреляла артиллерия.

Мать строго приказала мне никуда не выходить, а сама отправилась по какому-то имевшемуся у нее адресу выяснять судьбу отца.

Я остался один под надзором пожилой квартирной хозяйки.

Прошло два или три часа, но мать не возвращалась.

А обстановка в городе менялась с каждой минутой.

Мимо окна промчались повозки с пулеметами, за ними бежали солдаты в погонах. На перекрестке улиц остановился броневик и послал куда-то несколько отрывистых очередей.

Хозяйка, только что строго оберегавшая меня, метнулась в сени и исчезла. Как потом выяснилось, она, забыв обо мне, спряталась в погреб.

А я? Шестилетний храбрый человек вышел на улицу. И тут произошло событие, которое навсегда мне запомнилось как одно из самых ярких и самых дорогих воспоминаний детства.

Я стоял у ворот, глазея на солдат, которыми командовал молодой белогвардейский офицер. Он за что-то яростно их ругал. Потом они перелезли через забор в соседний сад и, выставив в щели между досками дула винтовок, начали палить вдоль безлюдной улицы.

И вдруг совсем с другой стороны появились люди с котомками за спинами. Они перебежками направлялись как раз туда, где засели белогвардейцы. И тут же ожесточенно застучали выстрелы.

Высокий красноармеец, который шел впереди, вдруг прислонился к стене, тяжело оперся на винтовку. Простоял несколько мгновений, а потом начал медленно сползать вниз.

Я даже не понял, что в него попала пуля, что он ранен или, может быть, убит.

Он опустился как-то очень тихо на ступени крыльца небольшого и ничем не приметного дома.

Из-за угла появился броневик с красной звездой на башне. Стреляя, он двинулся по улице, за ним побежали красноармейцы; солдаты, только что таившиеся у забора, бросились в глубину сада и исчезли.

Стрельба удалялась...

Внезапно из соседнего дома выбежал мальчик лет четырнадцати, пересек улицу и подбежал к лежавшему красноармейцу. Мальчик нагнулся над ним, перевернул его на спину и расстегнул гимнастерку.

Я подошел поближе и увидел, что красноармеец жив. Он тяжело дышал и пытался сесть.

— Подстрелили, собаки! — проговорил он.— Ничего, ничего!.. Буду жив...

Мальчик обернулся ко мне и строго крикнул:

— Ты чего стоишь?.. Помоги человеку!

Я подбежал, и вдвоем мы попытались приподнять раненого. Но, конечно, из этого ничего не вышло. Он был слишком тяжел, а мы слишком слабы. Но все же нам удалось втащить его во двор.

Красноармеец был ранен в грудь. Он задыхался...

Мы стояли над ним в растерянности. Потом мальчик вспомнил, что в соседнем доме живет доктор, и побежал его разыскивать.

Вдруг красноармеец открыл глаза и поманил меня рукой:

— Иди сюда, малыш!..

Я подошел.

— Кто твой отец? — спросил он.— Белый или красный?

— Красный! — ответил я.

Красноармеец помолчал.

— А меня зовут Степан... Фамилия Харитонов... Слушай, малыш... Если я умру...

Небольшой двор, казалось, был безлюден. В окнах светилось солнце.

Степан говорил:

— Вот тут в кармане... партийный билет... Я коммунист... Передай отцу... — Он замолчал; он долго молчал, о чем-то напряженно думая.— Эх, так и не довелось Ленина увидеть! А как хотелось!..— сказал он и закашлялся с мучительным хрипом.

Но тут во двор вбежал мальчик, а за ним пожилой человек, в пиджаке и с маленьким чемоданчиком в руках.

Он быстро осмотрел раненого. Потом подошел к двери дома, рванул ее, сорвал замок. На мгновение исчез. Вернулся. Взял раненого за плечи, приказал нам с мальчиком взять его за ноги. И мы понесли Степана, потерявшего сознание, в дом.

Я напрягался изо всех сил, обнимая обеими руками тяжелые яловые сапоги. Несколько ступеней вверх, узенький коридорчик, поворот направо — и мы в небольшой комнате.

Мы положили Степана на жесткий диван. Доктор разорвал гимнастерку. Послушал сердце. И начал бинтовать.

А я побежал во двор за котомкой... Через час Степана Харитонова увезли в госпиталь, а котомку я принес домой...

К вечеру пришел отец. Он сам разыскал нас. И мать была так счастлива, что забыла наказать меня за непослушание.

Но на этом история не кончилась. Вернее всего, она только началась.

Харитонов не умер. Он выздоровел. Я с отцом часто навещал его в госпитале. И однажды утром Харитонов пришел за своей котомкой.

Он уходил на фронт.

Мы с отцом пошли его провожать.

Проходя мимо дома, где он был ранен, Харитонов остановился.

— Вот тут все и было,— сказал он.

Отец долго смотрел на невысокий приземистый дом и сказал:

— А знаешь, Степан, что это за дом?

Харитонов покачал головой.

— В этом доме жил Ленин!.. Мы в губкоме решили устроить в нем праздник для детей.

Харитонов ушел. И я больше его никогда не видел.

Когда я бываю в Ульяновске и прихожу в дом Ильича, я вспоминаю тот давний день.

Я вырос. И уже немолодой.

Но часто в моих ушах звучат слова Степана Харитонова: «Не довелось Ленина увидеть! А как хотелось!..»

И все же это была моя первая встреча с Лениным, о которой никогда не забыть...

★

Разбуженный край

Мне вспоминается то время, когда с рюкзаком за плечами шагал я от улуса к улусу по знойным степям Хакасии или устало брел по дремучим зарослям тайги в предгорьях Ала-Тау. Пустынная и дикая природа хранила угрюмое молчание. Километры тянулись бесконечно.

Это было сравнительно недавно — три-четыре года назад, но кажется уже далеким прошлым. Ведь там, где я с трудом пробирался сквозь бурелом и нагромождения камней, теперь мчатся экспрессы и тяжеловесные составы поездов. Новая южносибирская магистраль соединила центр Хакасской автономной области Абакан с прославленным городом металлургов Сталинском. Открыто регулярное пассажирское сообщение. По стальным путям к доменным и мартеновским печам Кузбасса идут ценные грузы — абазинская руда и черногорский уголь.

Пройдет немного времени, и колеса поездов застучат на другом участке транссибирского пути — на линии Абакан — Тайшет. Сейчас здесь грандиозная стройка. Мне посчастливилось побывать на ней и познакомиться с замечательными людьми. Это юноши и девушки, приехавшие по комсомольским путевкам.

На стройке я сделал много рисунков. Часть из них перед вами. Может быть, они помогут вам представить этот разбуженный край.

Автодорога через Козинский перевал.

Эти мощные бульдозеры расчищают полотно будущей трассы.

На пути из Абакана. В этом вагончике живут сварщики. Впереди дороги нет, там тайга, болота, скалы. Но скоро они расступятся перед упорством и отвагой людей.

Проходчик-взрывник Николай Утев.

На одном из главных участков стройки...

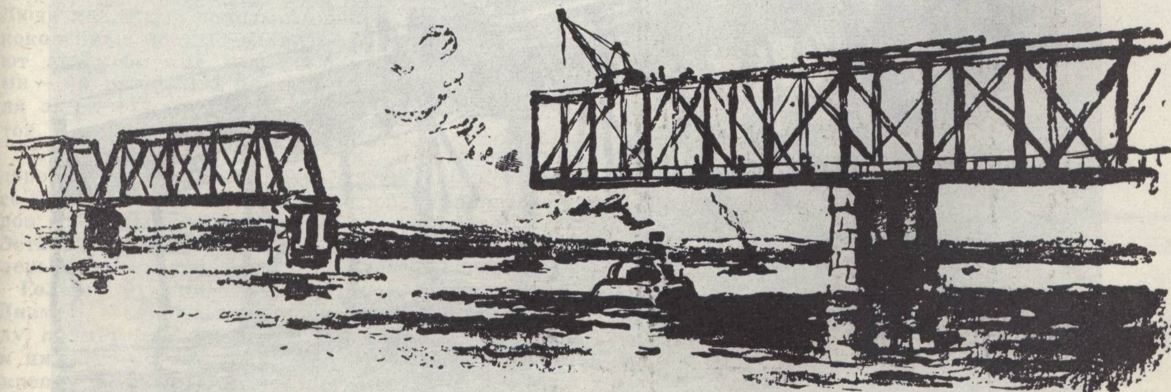
На первом рисунке вы видите кусочек огромной скалы на Козинском перевале. Чтобы убрать ее с пути, был произведен взрыв, равный по силе взрыву атомной бомбы. Свыше 160 тысяч кубометров земли и камней поднялось в воздух. Понятно, такую работу можно доверить только смелым, знающим строителям. Посмотрите на портрет проходчика-взрывника Николая Утева. Он один из тех, кто подготавливал этот взрыв.

Вот еще рисунок — монтаж железнодорожного моста через Енисей. Эта могучая и быстрая река очень коварна. В прошлом году, например, она свалила железобетонную опору в несколько тысяч тонн. Нелегко было мостовикам восстановить ее. Сейчас у них самый ответственный момент — сооружение среднего, самого длинного пролета моста.

Нелегок труд дорожников-строителей. Он требует больших усилий, выдержки, воли. Этими качествами отличаются все, с кем мне приходилось встречаться.

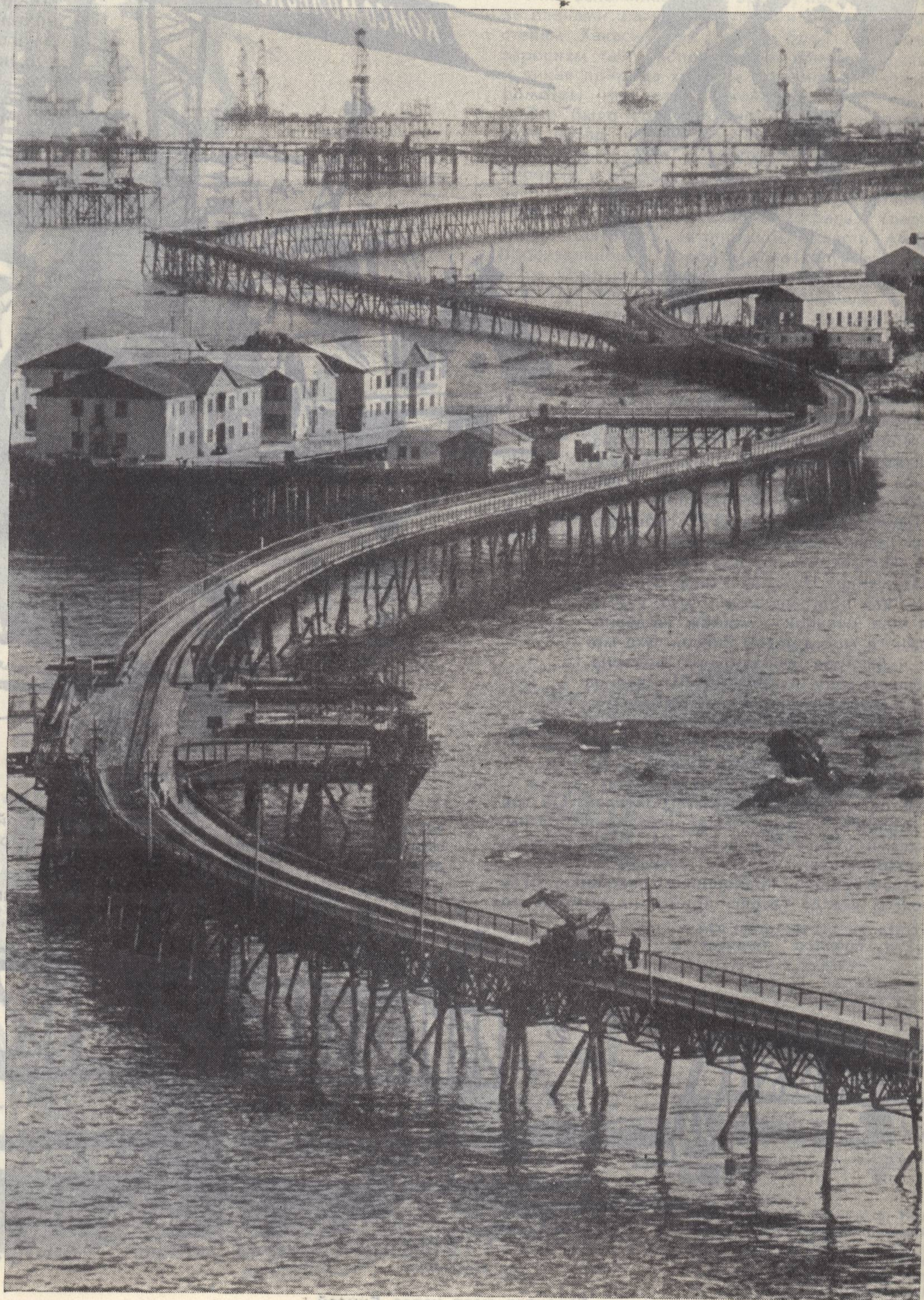
Экскаваторщики, крановщики, сварщики, бульдозеристы всегда готовы прийти на помощь товарищу. Они дорожат честью своей стройки. Недаром она называется комсомольско-молодежной.

Художник Марк Живило

Строится мост через Енисей.

ГОРОД

Вот они, Нефтяные Камни, гигантский стальной остров, созданный советскими людьми.

В МОРЕ

Борис ВОЛОДИН

Морские строители

Живет в Баку маленький человек, зовут его Физулли. Так называли веселого поэта, который жил в Азербайджане в давние годы. Поэт сам придумал себе это имя. Физулли означает «болтунишка». Остроумные стихи поэта народ любит до сих пор. В его честь и назвали родители нашего маленького человека Физулли.

Маленький Физулли Байрамов не болтлив, степенен и неулыбчив, словно копит радость. Он ждет отца. В их доме все ждут: и мама, и бабушка, и старший брат. Ждут целых десять дней. В пасмурную, ветреную погоду мама нервничает: «Снова в море шторм!»

К Байрамовым заходят люди, возвратившиеся оттуда, где работает отец. Приходят и говорят:

— Вам записочка и привет от Ханоглана. Он здоров, невредим, хорошо работает.

Наступает конец десятого длинного дня, и вот дверь широко распахивается, и входит отец — Ханоглан Байрамов, веселый кареглазый человек. У него даже фамилия радостная: «байрам» — по-азербайджански «праздник». Серьезный Физулли улыбается во весь рот и ни за что не хочет слезать с отцовских колен. А отец тормошит обоих своих сыновей, азартно возится с ними. Ханоглан соскучился. Его вахта длилась целых десять дней.

Вахтой моряки называют рабочую смену. Но старший Байрамов работает не на корабле. Он морской строитель.

На Каспии есть удивительное место — Нефтяные Камни, стальной остров, созданный человеческими руками, эстакада. Он возвышается над водой на огромных металлических столбах-сваях, прочно вбитых в морское дно. На стальном острове стоят дома, буровые вышки, мастерские. Люди ходят над волнами пешком, маленькие узкоколейные поезда возят грузы, по эстакаде снуют автомобили с удивительно чистыми шинами — ни пятнышка присохшей земли. Ведь земля здесь только в кадках и ящиках для цветов.

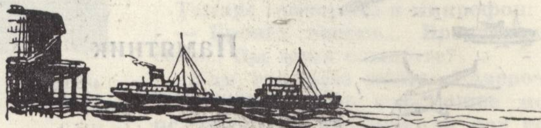
Эстакада ветвится, делится на множество дорог. Если все их вытянуть в одну линию, длина ее будет сто пятьдесят километров. Стальной остров с каждым днем уходит все дальше в море. Эстакаду строит Ханоглан Байрамов, отец маленького Физулли.

Голыми руками такую махину не соорудить. Диаметр стальных свай, поддерживающих эстакаду, полметра, а длина их достигает порой сорока и пятидесяти метров. Огромные сваи нужно так крепко вколотить в морское дно, чтобы их не вымыло из грунта морское течение, чтобы штормовые волны не повалили стальные столбы.

Ханоглан Байрамов — бригадир эстакадостроительного крана, огромной машины, похожей на железнодорожный мост. На этом кране работают четыре человека. С помощью электрических лебедок они поднимают и устанавливают многотонные стальные опоры и ставят на них блоки — куски искусственного острова, изготовленные и собранные на берегу, на заводе...

Пять дней отдыхает на берегу Ханоглан. Потом снова едет на вахту.

Море пахнет нефтью

Около эстакады торчат из воды скалы. Волны накатываются на них, пенятся... Раньше здесь были только скалы и море. Близ скал водится замечательно вкусная рыба берш. Вот рыбаки и приходили сюда на своих баркасах ловить берша. Издалека приходили, даже из-под самого Баку, а до Баку отсюда морем сто десять километров.

Рыбаки первые заметили, что неподалеку от скал то в одном, то в другом месте вода вдруг начинала бурлить, словно закипала огромная кастрюля. Это бушевали подводные газовые фонтаны — «грифоны». Вместе с газом из трещин в морском дне сочится нефть, всплывает на поверхность, растекается по воде радужной пленкой.

Море пахнет керосином...

Здешние скалы из песчаника. Это серый рыхлый камень. Но скалы не серые, а черные, и под солнцем отливают радугой, оттого что в камень въелась нефть. Поэтому и назвали скалы Нефтяными Камнями.

Шесть часов идет пароход от Баку до Нефтяных Камней. А недавно на промысле появилось новое быстрое и удобное средство сообщения — вертолеты.

Геологи давно знали, что под Каспийским морем спрятано много нефти, больше, чем на побережье. Но как добыть ее?

Сначала подобрались к нефти, залегающей близко от берега. Вышки ставили на твердой земле у полосы прибоя, а скважины бурили не отвесно вниз, а наклонно — чтобы пробиться к нефти, спрятанной под морским дном. Потом в бухте Ильича, близ Баку, стали засыпать морское дно землей, отвоевывали у моря куски бухты. Это была большая и дорогостоящая, невыгодная работа. Потом инженеры решили строить недалеко от берега искусственные островки на сваях.

Когда научились возводить стальные острова близ берега и создали машины, строящие эстакаду, и мощные крановые суда, не боящиеся штормовой волны, советские нефтяники двинулись далеко в открытое море.

Памятник

О Каверочкине мне рассказывали разные люди, его помнят на Нефтяных Камнях. Ветераны морского нефтепромысла с гордостью говорят:

— Я работал с Михаилом Павловичем.

Каверочкин был рабочим, буровым мастером.

Буровые скважины бывают разные. Сначала бурят разведочную скважину, с разной глубины

На этом эстакадостроительном кране работает Герой Социалистического Труда Ханоглан Байрамов.

берут пробы породы, чтобы изучить ее строение. Работа идет медленно... Когда доберутся до нефти, начинают бурить промысловые скважины. Промысловые скважины бурятся быстрее. Бурильщики больше зарабатывают.

Каверочкин не думал о большом заработке и всю жизнь бурил только разведочные скважины. Ему хотелось первым узнать: есть нефть на участке или нет,— и первым проложить путь к драгоценным залежам.

С экспедициями геологов-разведчиков он кочевал с одного нового промысла на другой. Когда к черным от нефти камням пароходы привезли первую партию рабочих, первым сошел на скалистый островок пожилой человек с доброй улыбкой — буровой мастер. Возле острова посадили на камни отслужившее свой век судно «Чуванов», вначале на судне жили нефтяники. Островок, с которого начиналась история Нефтяных Камней, и сейчас называют Чуванов — по имени парохода.

На острове соорудили из листового железа домик на высоких сваях — чтобы не захлестывали волны во время шторма. Поставили первую буровую вышку. Каверочкин начал бурить.

Турбобур все глубже и глубже уходил в землю. Глубина скважины достигла тысячи метров, и осенним праздничным днем 7 ноября 1949 года в приоткрытую заслонку выплеснулась из земных недр темная маслянистая жидкость. От радости все, кто был тогда на скалистой площадке, вымазались этой нефтью.

Так началось.

Первые вышки были на острове. Следующие поставили на сваях, в море, где глубина была не больше десяти метров. Потом зашагали дальше.

Одна за другой поднимались новые буровые на стальных площадках. Площадки соединяли эстакадой. Прокладывали нефтепроводы, строили дома, электростанцию, клуб, столовые, почту.

К острову из каспийских портов отбуксировали старые корабли. Затопили полукругом, чтобы получилась искусственная бухта, где пароходы и катера могли бы отстаиваться в шторм. Теперь отсюда танкеры один за другим везут на заводы нефть, отнятую у моря. Тысячи, сотни тысяч, миллионы тонн нефти...

В тихую погоду Каспий малахитово-зеленый, теплый. Плывут обрывки водорослей, похожие на соломинки. Сверкают на ленивых волнах солнечные блики. Тюлень высунул из воды пятнистую собачью морду, греется. Но тихая погода на Каспии — редкость. Двести дней в году дуют пронзительные ветры, два с половиной месяца из двенадцати буянят штормы. Море становится серым, пенистым, бешеным. Когда надвигается шторм, самолеты не выпускают с аэродромов, а корабли — из портов.

Есть такая таблица — «шкала Бофорта». По этой таблице сила ветра измеряется в баллах. Самый сильный, двенадцатибальный ветер дует со скоростью больше двадцати девяти метров в секунду. Это ураган. Он вырывает деревья с корнем, разрушает деревянные дома и поднимает десятиметровые тяжелые волны.

Более сильные штормы, более высокие волны бывают только в океане.

Вначале стальные острова для безопасности строили на высоте двенадцати метров над водой. Люди еще не знали, на что способен Каспий.

...Это случилось ночью 20 ноября 1957 года.

Днем метеорологи передали сводку: «Шторм шесть-семь баллов. К ночи усиление до девяти».

Герой Социалистического Труда буровой мастер Михаил Каверочкин, один из основателей морского промысла «Нефтяные Камни».

Каверочкин был на эстакаде, отдыхал после работы. Узнав о шторме, сел на катер и поехал к своей бригаде на крохотный искусственный островок в открытом море. «Надо помочь ребятам. Там молодой бурильщик остался».

Ветер стал усиливаться. Метеорологи сообщили: «Ночью шторм до одиннадцати баллов».

Буксирный пароход «Узбой» пошел к вышке, чтобы снять рабочих и доставить на эстакаду. По радио связались с Каверочкиным. Он сказал:

— Подойти не пытайтесь. Опасно. Продержимся как-нибудь.

«Узбой» с трудом уполз назад в бухту.

Наступила ночь.

По эстакаде могли ездить только пожарные автоцистерны, доверху налитые водой. Любую другую машину снесло бы ветром прочь. Рабочие-аварийщики ползали по настилу, обвязавшись веревками, проверяли, не порвало ли трубопроводы и электрический кабель. Остальных людей перевели на скалистую площадку — островок Чуванов, его защищали от волн эстакада и насыпной волнорез. Волны били уже не по сваям, а по настилу.

Чтобы избежать пожара от случайной искры, пришлось отключить электростанцию.

Ветер дул сильнее и сильнее: двадцать пять... тридцать... Ураган! Тридцать пять... И, наконец, он достиг скорости сорока метров в секунду. Тринадцатиметровые волны вышибали куски эстакады. Такого на Каспии не видели никогда.

Радиостанция помещалась в рубке затопленного в бухте парохода «Ленкоранец». Света не было. Радиостанция работала от аварийного аккумулятора. Дежурили двое: радистка Тамара и электрик Виктор Русанов.

Тамара, вздрагивая от страха, вызывала буровую Каверочкина.

— Бронза восемь... Бронза восемь... Слышите?

С вышки на эстакаде, самой близкой к буровой Каверочкина, сообщили:

— Видим у Каверочкина свет. Наверно, живы...

В час десять ночью в трубке радиотелефона неожиданно послышался голос Каверочкина:

— Бронза! Я Бронза восемь. Соедините с главным инженером.

— Я не знаю, где он...— растерянно сказала Тамара.— Все на эстакаде...

Трубку радиотелефона взял Русанов.

— Главный инженер на эстакаде, слышите, Михаил Павлович? Как дела у вас?

— Ничего... Держимся... Пока что терпеть можно... Изменения погоды не обещали? — спросил Каверочкин.

И больше ничего не было слышно, кроме треска разрядов и грохота шторма за стеной радиорубки.

В три часа наконец удалось связаться с соседней буровой:

— Свет у Каверочкина видите?

Ответили глухо:

— Нет.

Тамара повторяла в микрофон:

— Бронза восемь... Бронза восемь... Вы меня слышите?

...Там, где была вышка Каверочкина, плескалось стихающее море. Водолазы обнаружили под водой изломанные фермы площадки и вышки. Самолеты и вертолеты долго кружили над морем: высматривали, не плывет ли сорванная волнами будка, где прятались от шторма буровики.

Море было пустынным.

После этого шторма эстакаду и буровые подняли над водой еще на три метра. Стальной остров восстановили. Промысел «Нефтяные Камни» продолжает работать.

На разросшемся морском промысле много молодых нефтяников. Они заменили тех, кто пришел сюда первым. Промыслу сейчас одиннадцать лет. Но из первой скважины все еще идет нефть.

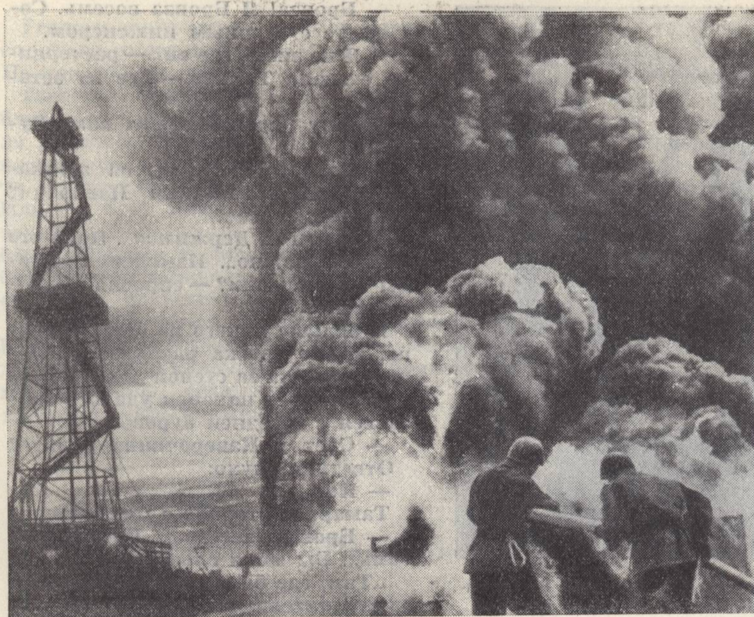
Обычно, когда бурение закончено и скважина соединена с нефтепроводом, буровую вышку снимают и перевозят на другое место. На островке Чуванов не стали снимать вышку над первой скважиной. Рядом с ней стоит обелиск — бетонная плита с надписью: «Первая буровая мастера Михаила Каверочкина, положившая начало морскому нефтяному промыслу «Нефтяные Камни». Дала нефть 7 ноября 1949 года».

Нефть — враг

На тысячу метров, на полтора, на два километра уходит в морское дно турбобур. Нефть лежит в недрах пластами, как повидло в слоеном пироге. Вслед за турбобуром в землю опускают стальные трубы — обсадную колонну. Отсекают нефть от жерла скважины. Когда бурят, в скважину все время накачивают глинистый раствор: он тяжелее нефти и мешает газам выталкивать нефть прежде, чем это нужно.

Когда пробурят все пласты насквозь, в скважи-

К бушующему огненному фонтану пожарные подбирались и с моря и с эстакады, стараясь сбить пламя. Десять дней шел бой с огнем.

ну опускают скважинный пулемет. Включают ток, пулемет простреливает стенки трубы тяжелыми стальными пулями и открывает дорогу нефти из одного пласта. Скважину подсоединяют к трубопроводу, глинистый раствор — утяжелитель — откачивают, и нефть начинает бить в трубы фонтаном, идет по трубопроводу в сборные баки. Когда один пласт опустеет, обсадную колонну снова простреливают пулеметом, добывают нефть из следующего слоя.

Текут по трубам газ и нефть. Чем больше нефти добыто, тем меньше сила давления газа, которая гнала «черное золото» из недр. Есть еще нефть в земле, а сама течь не хочет. На суше в таких случаях над скважинами ставят насосы — «качалки». В Баку их прозвали «богомольцами». Годами кланяется «богомолец», выпрашивает нефть у земли. Нефть идет несильной струей.

На суше так добывать нефть можно, а в море нельзя. Соленая морская вода разъедает стальные сваи. И хотя водолазы под водой покрывают все сооружения защитными веществами, срок жизни стального острова ограничен. Нефть нужно добыть за короткое время. Чтобы она все время била в трубопроводы фонтаном, через специальные скважины в пласт накачивают воду. Вода-то и выталкивает нефть наружу. Трудное дело — добыча нефти в море. И не только штормовой ветер, тяжелые волны и морская соль — враги нефтяников.

Иногда врагом становится сама нефть.

...В море у Нефтяных Камней движение, как на большой городской улице. Тарахтят, прыгая с волны на волну, маленькие катера, везут запасные детали на островки к буровым.

Разворачивается тяжелая «Нахичевань» — водоналивное судно. Оно доставило нефтяникам с берега шолгарскую воду, самую вкусную воду в Азербайджане. Переваливаясь на зыби, медленно отходит от причала маленький океанский теплоход. Да, да, океанский! Он и в плохую погоду поддерживает связь с берегом.

В городе бывает так: пронзительно завоет сирена, тотчас машины и трамваи, словно споткнувшись, замрут на перекрестке, и, срезая углы, промчится алая машина. И здесь, на море, иногда послышится тревожный сигнал, и дорогу буксирам и танкерам пересечет стройное пожарное судно — серые борта, алая палуба, на мостиках алые водометы, похожие на небольшие пушки; у водометов бойцы-пожарники — серые робы, зеленые каски. Бешено пенят воду три винта корабля...

Куда он направился? На пожар? Дыма нигде не видно.

Корабль идет к вышке, где собираются начать опасную работу — прострелку скважины. Если давление нефти и газа неожиданно окажется сильнее утяжелителя, они могут забить фонтаном не в нефтепровод, а в воздух.

...Беда приходит неожиданно...

Июльской ночью турбобур на одной из вышек на дальнем конце эстакады пробурил пласт, где скопилось огромное количество нефтяных газов. Ударил фонтан. Дикой силой вышибло из скважины обсадную колонну. Гигантские трубы взлетели в небо, как спички, подхваченные ветром. Одна из труб ударилась о вышку, высекла искру, и тотчас фонтан превратился в гигантский факел горящего газа семидесятиметровой высоты.

Два пожарных теплохода, «Панфилов» и «Черняховский», рванулись из бухты к месту пожара. Дул пронзительный ветер. Суда швыряло. Струями воды из водометов под давлением в восемнадцать атмосфер охладили раскалившиеся докрасна сваи эстакады, потом по радиокоманде в один и тот же миг направили все стволы водометов на устье скважины. Пламя сбили, и сразу наступила непроглядная южная ночь, непроглядная, такая, какой она и должна была быть в этот час, в эту пору. Однако ночь наступила лишь на мгновение. Фонтан взорвался новой вспышкой. Пожарным двух кораблей не под силу было справиться с факелом.

Шла помощь: пожарные суда из Баку, даже из Астрахани. Десятки водометов били по пламени. А факел продолжал пылать.

Прошло трое суток. Пожарные и нефтяники продолжали бороться с огнем... Шторм утих. Газовый фонтан стал ниже. Казалось, вот-вот наступит конец битвы. И тут началось самое страшное: из расселины и скважины пошла нефть, стала растекаться по воде тонкой пленкой. Загорелось море. Черный смрадный дым повис над промыслом. Чтобы потушить горящую пленку, корабли из солнечного дня входили в непроглядную мглу и вслепую носились среди огненных смерчей. Струи из водометов били по охваченной пламенем поверхности моря. Буруны от судовых винтов разрывали горящую пленку, нефть перемешивалась с водой. Пламя гасло, но фонтан продолжал реветь и выбрасывать новые и новые порции вспыхивающей нефти.

Десять кораблей с разных сторон двинулись на огонь. Погасили пленку, сбили факел, но газ сно-

ва зажегся от одинокой раскалившейся трубы. Тогда разбросали по воде десятки дымовых шашек. На эстакаде поставили бомбометы и расстреляли скважину глубинными бомбами. Взрывом разнесло раскаленные остатки буровой. Черная шапка дыма осадила пламя: огонь задохнулся от нехватки кислорода.

Пожар был потушен.

С тех пор прошло много месяцев, но там, где пылал факел, до сих пор бурлит вода: это газ бьет сквозь трещину в морском дне.

Шагают дальше

На Нефтяные Камни Минира пришла, когда была студенткой. Она работала вначале оператором, а когда закончила институт, ее назначили промысловым геологом. Начальник Нефтяных Камней Бахтияр Мамедович Мамедов сказал ей:

— Помни, товарищ Мамедбейли: если скважина остановилась, у геолога сердце должно остановиться!..

Промысловый геолог — это «доктор нефтяных скважин». Когда бурят скважину, опасны неожиданные нефтяные фонтаны. Пустили скважину, добывают нефть — опасна остановка. Чтобы предотвратить ее, нужно точно знать, сколько нефти дает скважина, не ослаб ли напор в пласте.

Геологу помогают девушки-замерщицы. На эстакаде, там, где сходятся нефтепроводы от многих скважин, стоят высокие мерные баки. Замерщица взбирается по узкой лесенке к мерному стеклу. В руке — секундомер. Она следит, как быстро поднимается уровень нефти, и узнает, сколько тонн нефти дает скважина в час, в сутки...

Море блеснет ярким солнечным зайчиком... Зимний ветер сорвет с высокой волны и бросит в лицо ледяные соленые брызги, помешает замерщице вовремя посмотреть на циферблат. На одну секунду поглядит позднее, и ошибка в подсчетах может равняться тоннам... Работа нелегкая. Нужно перекрывать нефтепровод, направлять поток нефти из основного русла в мерный бак.

Даже самые ловкие и опытные замерщицы за день могут определить работу десяти — пятнадцати, самое большое двадцати скважин. А на промысле скважин сотни!..

Инженеры юного города Сумгаита спроектировали автоматический нефтепромысел. Профессия замерщицы исчезнет.

...В рабочем кабинете у пульта сидит оператор промысла. Электронный автомат сам переключает на замер то одну, то другую скважину, находящуюся, может быть, в нескольких километрах от пульта. Самопишущий прибор отмечает показания датчиков, и на бумажной ленте ползут перед глазами оператора показатели девяноста шести скважин. На ленте появляются новые и новые цифры, и по этим цифрам оператор и промысловый геолог — «скважинный доктор» — «слушают» пульс промысла.

Минира Мамедбейли исследует пробы добытой нефти, выверяет по таблицам давление в скважинах. Вот на одной скважине давление нефти резко повысилось. Уж не вода ли, которую накачивают, чтоб вытеснить нефть, подступает к трубам?.. А на другой понизилось. Опять почему? Обеднел нефтяной пласт? Или в трубах образовалась песчаная пробка? Может быть, осел на стальных стенках парафин, выделившийся из нефти?

Это Минира Мамедбейли, промысловый геолог, «доктор нефтяных скважин».

Мамедбейли ставит «диагноз» и, если нужно, назначает «лечение»: рабочие продувают скважину горячим паром, очищают трубы от песка и парафина, чтобы неиссякаемым потоком шло в нефтепровод «черное золото», с таким трудом отнятое у неспокойного моря.

...Танкер подходит к причалу Нефтяных Камней. Штурман говорит товарищу: «Смотри! Новая вышка в стороне от эстакады!.. Шагают дальше!»

Хлеб с солью

Человек окончил институт, получил диплом. Приехал на Нефтяные Камни. А его назначили в буровую бригаду... рабочим. Конечно, Ариф Аббасов удивился:

— Я инженер...

Ему сказали:

— Хороший инженер должен все знать и уметь. У нас все инженеры так начинают работу. Нужно привыкнуть к морю, как говорится, пуд соли съесть.

Ариф подумал:

«Чего к нему привыкать? Сколько лет я прожил в Баку, у самого моря!»

Бригаде подали катер. Буровая не на эстакаде, а в море. Ариф удивился: едут на двенадцать часов, а у каждого большой сверток еды. Он взял с собой только три бутерброда.

Арифа поставили помощником бурильщика. Стали опускать в скважину обсадную колонну. Одну трубу опустят, на ее конец навинчивают другую. Толщина — еле обхватишь. Высота—метров пятнадцать. Трубы навинчивали и опускали лебедкой с мотором, и все-таки у Арифа дело не очень-то спорилось.

Мастер Володя Маркин, плотный, крепкий, черный, как настоящий азербайджанец, спросил:

— Устал? Плечи ноют? — И тут же ободрил: — Привыкнешь! Я тоже так начинал.

Ничего особенного на этой буровой Ариф не заметил. Кругом вода, да на вышке висят «концы» — спасательные канаты и пробковые круги с надписью «Бросай утопающему», как на пароходе.

На буровой — деревянная будка с печуркой, на ней в обеденный перерыв вскипятили чай. Рабочий Грант Данилян посмотрел на припасы Арифа:

— Не знаешь ты моря. Неизвестно, дорогой, что оно принесет на ужин.

К вечеру вышка зазвенела от ветра. От эстакады медленно полз катер, с трудом карабкаясь на волны. На палубе людей не было видно, смену катер не привез. Капитан крикнул в рупор:

— Будет девять баллов! Приказано снять!

Мастер Маркин ответил:

— Не раньше, чем через час!

Он сказал Арифу:

— Нужно поднять долото и трубы. Если все оставить в скважине — расшатает, может погибнуть сделанная работа. Ты новенький. Прыгай на катер. Справимся впятером, без тебя.

Ариф отрицательно помотал головой.

Капитан крикнул:

— Позже ни за что не удастся подойти!..

— Тогда останемся! — ответил ему Маркин.

Продолжали бурить. Теперь Ариф понял, что такое работа в море, когда ветер (только держись!) швыряет тебя от станка.

Стемнело. Шторм стал нестерпимым. Бурение прекратили. Трубы и долото подняли, укрылись в будке. Волна ударила в пол. Чайник полетел с печки. Печка погасла. Арифу стало не по себе.

Маркина отругало по радио начальство:

— Почему не ушли на катере?

Потом услыхали гудки. Увидели мачтовые огни. Близ буровой, не подходя к площадке, кружил буксирный пароход «Шквал». Буксир тяжелый, толкнет его волной, и буровая разлетится в щепы... Но на крайний случай товарищи были рядом.

Шторм длился пять дней. Катера из бухты не выходили. А «Шквал» все время дрейфовал поблизости от буровой.

Вскрыли ящик с неприкосновенным запасом: тушенка, сахар, крупа, сухари. На третий день сухари заплесневели. По радио попросили команду буксира перебросить на вышку хлеб.

«Шквал» подошел поближе. Закинули на его палубу канат. К нему на пароходе привязали мешок. Канат потянули. Мешок чиркнул по волнам.

Хлеб был мокрый и соленый от морской воды. Так Ариф начал свой пуд соли.

Когда шторм кончился, катер привез смену. Вышка продолжала работу.

Работал Ариф и верховым и бурильщиком, прошло много месяцев, прежде чем он стал мастером. Он бурил скважины на эстакаде и на отдельных стальных островках.

Приезжает бригада на буровую. Устанавливают в будке радио, станцию для связи. У каждой станции свои позывные. Однажды Арифу сказали:

— Ваши позывные: Бронза восемь...

Помните, чьи это были позывные?

МАРКИ И РЕБЯТА

Взгляните на последнюю страницу обложки: на ней вы увидите марки, посвященные детям.

Сегодня, когда наша страна твердо и неуклонно борется за мир, мы не случайно выбрали их из альбомов коллекционеров. Ведь дети — строители будущего, им будет принадлежать земля. Об этом говорит албанская марка, на которой изображен ребенок и земной шар.

Счастье всех детей всех стран зависит от мира на земле. Мы хотим, чтобы навсегда исчезли войны, вот почему чаще всего марки, посвященные детям, связываются с призывом к миру. На одной из марок вы видите плакат: изображение девочки на фоне ужасов атомной войны. Марка эта была выпущена к Международному дню защиты детей.

Мы хотим, чтобы ребята жили радостно и счастливо, чтобы они всегда были довольны и веселы, как эти пять юных представителей разных рас на венгерской марке, чтобы они воспитывались добрыми и трудолюбивыми.

Взгляните, как на различных марках дети играют, идут в школу, прилежно учатся. Ребята умеют и хорошо отдыхать: с каким увлечением рисуют эти югославские школьники!

Советские люди, взрослые и дети, хотят дружбы со взрослыми и детьми всех стран. И вот такая американская марка, на которой учительница с любовью обучает ребят географии, нам нравится.

Есть ли у вас, ребята, в коллекции марка с портретом немецкого карикатуриста и поэта Вельгельма Буша и с его рисунками? Вот они, знаменитые проказники Макс и Мориц на немецкой марке.

Интересны и своеобразны марки, которые рисовали сами ребята. Такие марки были выпущены в Чехословакии и в Советском Союзе. Они призывают жить мирно и радостно. На них нарисованы голуби мира, счастливые детские лица, игры и забавы ребят.

У кого из вас, ребята, есть другие, посвященные детям, марки? Ведь мы показали лишь очень немногие из них.

Соберите такую коллекцию, красиво разместите ее в альбоме или на стенде и представьте на выставку в школе или в Доме пионеров.

Остров алой клюквы

Вл. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Рисунки П. Кузьмичева.

Про этот кусок земли узнал я на осенней охоте.

Утро прошло скучно, без выстрела, но возвращаться на базу еще не хотелось. Егерь усадил меня в кустах, на высоком бугре над протокой, а сам улегся спать в шалаше.

Когда-то в этих местах пролегал берег реки Рены, неподалеку стояла людная деревушка. А теперь здесь был просто край земли, мыс: все вокруг затопило море.

Сердито урча, это Рыбинское море лежало слева от меня. Оттуда дул свежий ветер и гнал мимо бугра волны с барашками. Волны разбивались о лодку, которую я спрятал в

небольшой заводинке, и с шумом набегали на плоский берег с той стороны протоки.

Вдоль этой протоки, почти касаясь воды, с попутным ветром быстро вынеслись три утки. Они заметили лодку и стали набирать высоту.

Я выскочил из кустов и выстрелил дуплетом — все три утки упали в воду. Но в протоке осталась лишь одна птица, убитая намертво. Другая поднялась, отлетела вправо и нырнула. А третья, хлопая по воде крыльями, кинулась через протоку и вылезла на плоский берег, словно обрезанный по линейке острым ножом.

Егерь высунулся из шалаша, крикнул:

— Гоните за ней на лодке! Только не провалитесь на острове: там ямы в торфе. Да они черные, их хорошо видать!

Остров был узкий и длинный, с закругленными носами, как рассеченный вдоль огурец. На нем негусто росли сосенки, березы и осинки, землю устилали опавшие листья и пожухлая нетоптаная трава. А на всех полянках алела клюква: сделаешь шаг — и непременно раздавишь почти зрелую ягоду!

Утка недалеко отбежала по островку и залегла, без сил, возле старого пня, где среди алых ягод стоял синий от холода вялый подосиновик.

Я задержался на острове, прошел по нему вдоль и поперек и набрал полную шапку самых спелых ягод. А когда подошел к лодке, шалаш егеря заметно сдвинулся с места и ушел вверх по бывшей реке.

Я не сразу понял, в чем дело. Егерь надоумил меня:

— Островок-то плавучий: оторвался от земли со всем своим хозяйством и гуляет по морю. Все лето мотался на моем участке: нынче тут, завтра там — одним словом, куда ветер дунет! Да, видно, размоют его волны. Нынче по весне деревьев двадцать упало с него в воду. А так местечко отличное. Поставить бы палатку — и плавай, как на корабле, куда потащит!..

Этот островок мне запомнился. На другой день я снова нашел его, правда, в другом месте, и просидел на пеньке от зари до зари. Островок подтащил меня к большой стае уток. И я очень удачно выстрелил по птицам, которые никак не могли догадаться, что вместе с лесом, клюквой и посиневшим грибом к ним подбирается охотник.

Я сделал на острове четыре видных затеса топором на самых высоких соснах и распрощался с ним до лета...

Остров алой клюквы перезимовал во льду на приколе. Весной повалило на нем одну затесанную сосну с большим куском торфа. Но я узнал его, когда летом добирался на катере до избушки егеря, и решил пожить на нем с неделю.

Все было привычным на этом плавучем клочке земли. И даже сохранилась на старом пеньке моя стреляная гильза, почти до краев наполненная дождевой водой. И грибов было много, только клюква еще не румянилась.

Но необычен был шум на острове. Сотни птиц подняли переполох, когда я причалил к берегу. Над моей головой проносились зуйки с темным галстучком на зобу; плаксиво кричали сизые чайки; в вышине делали круг за кругом шилохвости — с длинной шеей и острым хвостом; метались пестрые бекасы и турухтаны с красивыми белыми воротничками. Маленькие крикливые кулички—фи-фи—парили надо мной и на все лады тревожно высвистывали: «Фи-фи! Фи-фи!»

Черные крачки с темной головой и белой подпушинкой под хвостом тучей налетели на меня. Я невольно зажмурил глаза и схватился за кепку.

Мне уже показалось, что зря я назвал это место Островом алой клюквы. Это был Остров черных крачек! Вся их обширная колония встретила меня таким визгом, плачем, трескотней, что я ничего не слышал, кроме надрывного «тере-тете». Оно раздавалось над самой головой: смелые крачки так и норовили долбануть меня по макушке!

Не раз слыхал я от охотников, как дружны эти маленькие смелые птицы. Но только теперь я убедился, что они могут атаковать врага. Они никогда не подпускают к своим гнездовьям ястребов и других хищников. А под защитой крачек спокойно сидят на гнездах и утки, и кулички, и чайки.

У всех птиц уже вывелись малыши. И на той полянке, где осенью было красно от клюквы, всюду шныряли, таились и перепархивали серые и коричневые пестрые птенцы.

Я не стал беспокоить крачек и перебрался на другой конец островка, где гнезд не было. Там поставил палатку, навесил над костром чайник, наладил удочку и зажил отшельником.

Два дня остров стоял на месте, и мне удалось прикормить, подманить стаю лещей. Пять рыбин, натертые солью, вялились на солнце. А когда подул ветерок и остров вышел в море, я стал довольствоваться окунями.

Как-то утром я увидел чомгу, она сидела на плавучем гнезде. Эта большая птица с длинной шеей, белой грудкой, с острым клю-

вом, с двумя черными хохлами на затылке и с ярко-рыжим пушистым воротником была такой необычной среди всех пернатых, что пролетали над островом.

Чомга тоже вывела птенцов и иногда играла с ними в широком заливе. Бурые птенцы с белой головой и черными полосками на спине плавали отлично, а нырять почти не умели. И когда мать скрывалась под водой, тревожно тинькали. А увидав ее возле гнезда, бросались к ней, забирались на ее плоскую спину, и старая птица плавала, как кораблик, на котором полным-полно маленьких пассажиров.

Оставив птенцов в гнезде, чомга ныряла легко, бесшумно. Она что-то приносила детям, а потом ложилась на бок и старательно чистила лапкой белоснежное брюшко.

А ветерок дул и дул, и скоро эта редкая птица, которая недавно поселилась на Рыбинском море, скрылась из глаз вместе со своим плавучим гнездом...

Я чудесно прожил на островке десять дней. Захотелось мне погостить здесь и будущим летом. И, чтобы остров не затерялся, я распялил на высокой стройной осинке старую клетчатую ковбойку. И это чучело было видно, когда я добирался в лодке до избушки егеря, а затем ехал на катере в Рыбинск...

В конце лета бушевал на море шторм три дня и три ночи. Сильный ветер дул с севера, и много плавучих островов пригнало в бывшее устье реки Шексны, где расположена Рыбинская гидроэлектростанция.

Острова, большие и малые, похожие на глыбы, круги и узкие длинные полоски, сгрудились перед створом плотины. Размытые водой их куски стало затягивать в турбины. Надо было разрушить эти пласты плавучей земли, а деревья выловить и свезти на берег.

Думали, как лучше сделать, и решили разбомбить все острова с вертолета.

Я приехал к плотине, когда вертолет, как большая жужжащая стрекоза, вышел на курс, повис над островами и сбросил первую фугаску — тяжелую стальную грушу.

Груша засвистела и упала в цель. Задрожала дамба, глухо и хрипло ухнуло в заливе. И вместе с водой и грязью полетели в воздух деревья. Послышался второй удар, третий... И вдруг что-то шевельнулось у меня в груди и защемило: ввысь неслась стройная осинка с какой-то клетчатой тряпкой. И я сейчас же вспомнил шумных крачек, молчаливую чомгу, затесы на высоких соснах, яркие ягоды и посиневший от холода гриб под старым пеньком.

Погиб мой Остров алой клюквы! Он помешал людям, он мог нанести вред электрической станции.

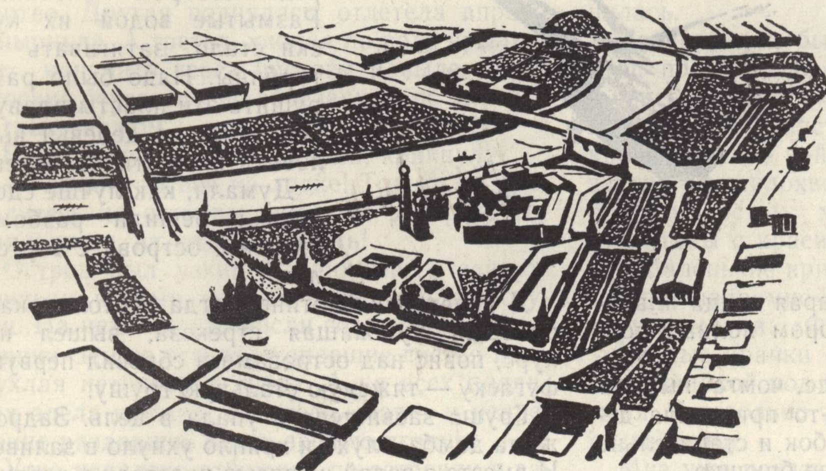
Но я не хочу горевать о нем: в море много еще плавучих островов, где живут птицы и зреют сочные ягоды!..

Завтра Москвы

И. ВЕЧНАЯ

Рисунки О. Рево.

На этом рисунке вы видите московский Кремль. Широкая полоса новых парков, садов и бульваров опояшет его со всех сторон.

ВОСЕМЬСОТ И СОРОК ТРИ

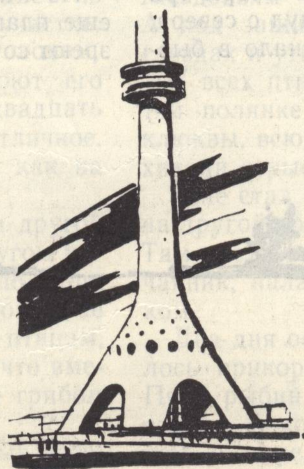
Однажды капитана дальнего плавания спросили: на каком языке разговаривал он с жителями Африки? «На русском, — неожиданно ответил капитан и добавил: — Арабы и негры понимали нас с одного слова. Это слово — Москва».

Имя нашей столицы дорого трудовым людям всей земли. Ведь Москва — сердце Советского Союза, неутомимого борца за мир и дружбу народов.

О столице нашей Родины, о славных делах москвичей можно рассказать много интересного. Сегодня мы поговорим с вами, ребята, о новой Москве, о том, какой она будет.

Зодчие прошлых веков воздвигли в ней причудливые храмы, богатые усадьбы, красивые особняки, театры. Но еще краше Москва своей молодостью — подземными дворцами метрополитена, парком-стадионом в Лужниках, новыми проспектами и жилыми районами.

Больше восьми веков строилась Москва. Сорок три года в сравнении с ними — маленький срок. Однако за этот срок — за годы Советской власти — Москва увеличилась вдвое. Бурно растет наша столица. В ней одновременно строят около двух тысяч жилых домов! На каждом шагу башенные краны, бульдозеры, экскаваторы рассказывают увлекательную повесть о завтрашнем дне великого города.

Неподалеку от Останкино в 1963 году поднимется железобетонная башня Московского телецентра. Высота ее полкилометра.

ПЛАН-ПЕРСПЕКТИВА

Градостроители всегда заняты мыслью о будущем. Им точно известно, сколько понадобится квартир, школ, кинотеатров, магазинов через пять, десять, пятнадцать лет. Они даже представляют себе внешний облик городов коммунистического государства и его столицы — Москвы.

Недавно Советское правительство приняло постановление о расширении ее границ. Тысячи архитекторов, экономистов работают сейчас над проектами генерального плана развития города на двадцать лет вперед.

Посмотрите на схему Большой Москвы. Вы видите зубчатый кружок. Его диаметр — почти 40 километров. Это новая черта города. Она проходит по строящейся кольцевой автомобильной дороге. Площадь столицы вы-

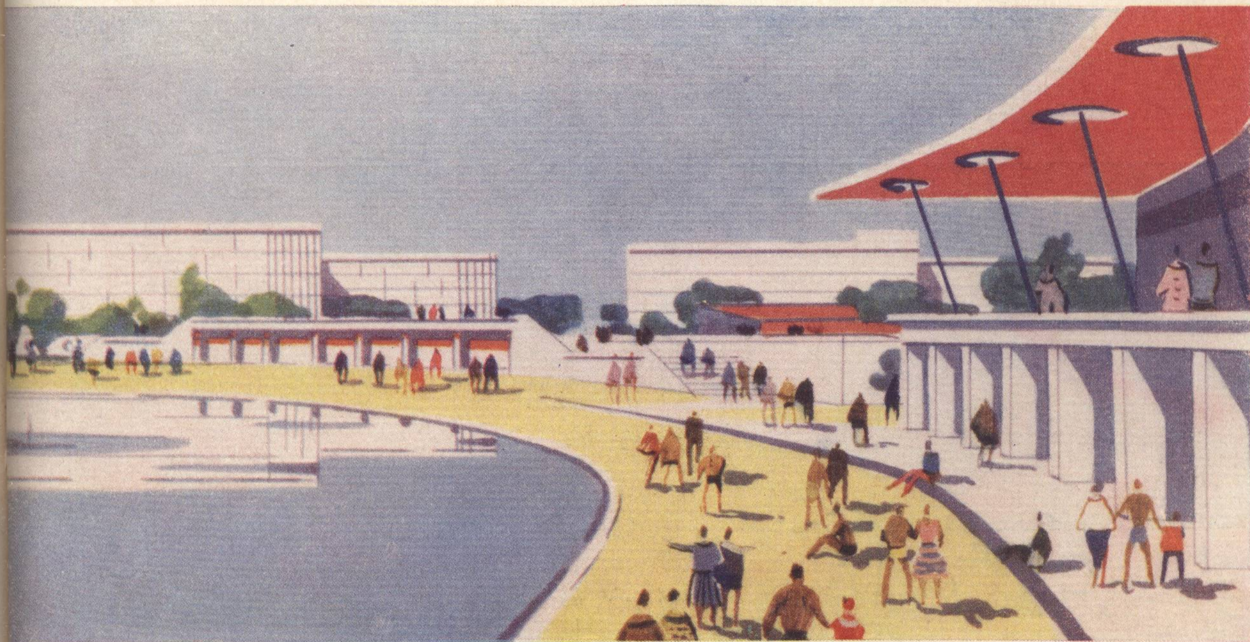

Схематический план Большой Москвы.

- Площадь, занимаемая городом в настоящее время.
- Новая граница города.
- Лесопарковый защитный пояс.

Центральная площадь жилого района на Юго-Западе столицы. Здесь все к вашим услугам: универмаг, гостиница, кинотеатр, комбинат бытового обслуживания, рынок.

Туристы любят Клязьминское водохранилище. Летом тут настоящее приволье! Веселые березовые рощи, сосны, ебристая гладь заливов... Скоро здесь будут построены белоснежные корпуса пансионатов, откроются пляжи, вод- станции. Перед вами один из уголков зоны отдыха на берегу бухты Радости.

Рисунки И. Волкова, В. Степанова.

СТРАНА ЧУДЕС

Рисунок О. Рево.

Вы не раз совершали путешествие по карте. Конечно, воображаемое. Но по этой карте в самом деле можно будет ходить, ездить и плавать. В излучине Москвы-реки для ребят построят необыкновенный парк—«Страну чудес». Его территория примет вид рельефной карты Советского Союза с морями, лесами, горами. В парке будет множество увлекательных занятий, игр, аттракционов. Здесь можно будет взлететь на Луну и погрузиться в подводное царство, управлять домной и выращивать яблони. «Страна чудес» познакомит вас также

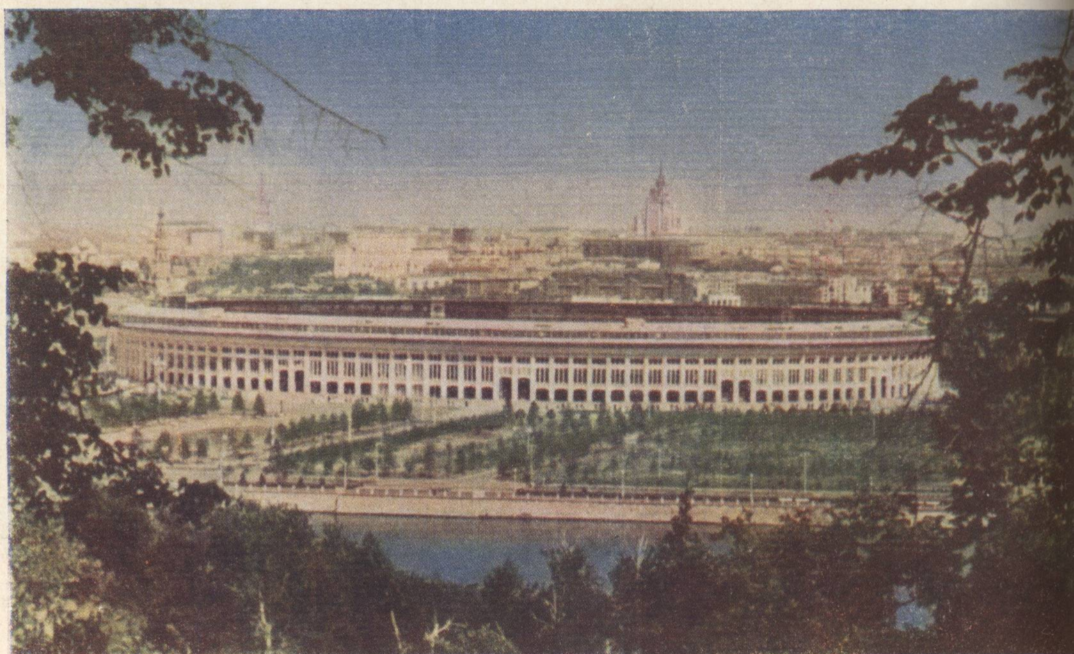

с прошлым нашей великой страны и с ее удивительным будущим.

1. Макет Москвы. 2. Лунник. 3. Площадь науки. 4. Оранжерея. 5. Площадь промышленности. 6. Площадь техники. 7. Площадь искусств. 8. Диорама «Ленинград». 9. Западный вокзал. 10. Обсерватория. 11. Фруктовые сады. 12. Нефтяные вышки. 13. Концертный зал. 14. Завод. 15. Сибирский центр. 16. Колесо обозрения. 17. Байкал, гидроэлектростанция. 18. Зоопарк. 19. Подводное царство. 20. «Чудо-юдо рыба кит». 21. «Наутилус». 22. Эстакада над водой. 23 Ключевская сопка. 24. Аквариум. 25. Живые ископаемые. 26. Северный вокзал. 27. Атомоход. 28. Маяк. 29. Административные здания. 30. Главный вход. 31. Гостиница и пансионат. 32. Вышка обозрения. 33. Вертолетная площадка. 34. Детский спортгородок. 35. Зеленый театр. 36. Эстрада на воде. 37. Станция подвесной дороги. 38. Городище II века до нашей эры. 39. Лыжный трамплин. 40 Пляжи, кафе и спортивные площадки. 41. Лодочная станция. 42. Пристани для речных трамваев.

Хорошо жарким днем нырнуть в голубую воду бассейна! Но, по мнению знатоков осенью и зимой купаться еще приятнее. Новый открытый бассейн на Кропоткинской набережной работает круглый год: вода в нем подогревается.

Фото А. Малкина и В. Руйковича.

Лужники. Здесь на берегу Москвы-реки в течение всего только одного года были построены прекрасные спортивные сооружения Центрального стадиона имени В. И. Ленина, посажен большой молодой парк.

Фото А. Гостева.

росла в два с половиной раза. Теперь она составляет 87,5 тысячи гектаров. Это больше, чем территория самого крупного города в мире — Нью-Йорка.

Широкий зеленый пояс окружает Москву со всех сторон: леса и лесопарки. Отныне они принадлежат городу. В зеленом поясе 180 тысяч гектаров. Это гигантский бассейн свежего воздуха и место отдыха москвичей.

Кто-нибудь, возможно, подумает: «Ну, пояс — дело временное. Пройдет двадцать лет, и границу снова придется раздвигать». Такое рассуждение неверно. И вот почему.

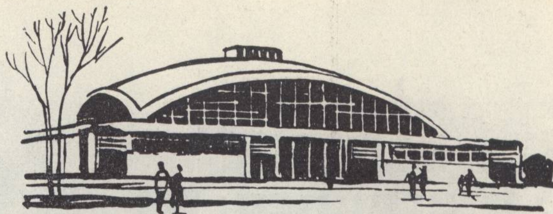
Главное место в генеральном плане занимают жилые дома. Их нужно построить столько, чтобы к 1980 году каждый москвич имел отдельную комнату. Это трудно выполнить, если население города будет расти. Тогда, действительно, границу придется менять, и не через двадцать лет, а раньше. Но население столицы не увеличится. Оно даже станет меньше. В Москве и ее лесопарках не будут больше строить новые и расширять действующие заводы, фабрики, институты. А многие предприятия и учреждения переселятся из столицы в города-спутники. С ними уедет около миллиона москвичей. В столице останется примерно пять миллионов жителей, и расширять ее границу не понадобится.

О таком плане развития города не может быть и речи в капиталистической стране. Там хозяева земельных участков строят то, что дает им прибыль: завод, небоскреб, ночной ресторан. Хозяев не беспокоит, что люди, живущие в центре, не видят зелени и солнца, что на окраинах рабочие ютятся в зловонных трущобах. Развитие капиталистического города происходит стихийно. В надежде получить работу туда стекаются толпы голодных и бездомных людей. Американцы предполагают, например, что к 1985 году население Нью-Йорка возрастет до 23,5 миллиона человек. Можно себе представить, в каких ужасных условиях придется жить большинству из них!

ЛИЦО РАЙОНА

Москва состоит из семнадцати административных районов. Каждый имеет свои заводы и учреждения, проспекты, территории для застройки. Но своего «лица» в планировке и архитектуре районы пока не имеют. Где находится центр, скажем, Бауманского района? Где его главный торговый квартал? Никто на этот вопрос не ответит.

Пройдут годы, и облик района изменится.

Вот такие крытые рынки строятся в Москве.

Он найдет свое лицо. Новая планировка выделит в нем деловой, культурный, торговый кварталы, зону отдыха и спорта. Зачем это нужно? — спросите вы. Для лучшего обслуживания населения. В каждом районе будет все, что требуется его жителям. Что хорошего ездить из одного конца города в другой, чтобы купить телевизор или поплавать в бассейне?

Но и район слишком велик. Архитекторы предложили разделить его на более мелкие жилые районы. В них тоже появятся свои центры, только поменьше. В каждом таком районе будет универмаг, кинотеатр, больница, стадион. Ходи себе пешком куда хочешь. Транспорт почти не нужен: радиус жилого района не больше километра.

Еще лучше, когда самое необходимое находится буквально под рукой. Например, продовольственные магазины, столовая, детский сад, школа. Все это будет иметь микрорайон. Его население — десять — пятнадцать тысяч человек.

На Юго-Западе столицы и в других местах, где идет новое строительство, микрорайоны уже созданы. Они не похожи на обычные кварталы. Дома там не теснятся в ряд, фасадом к улице, а расположены свободными группами. Они невысоки — четыре-пять этажей. Нет там дворов и оград. Между домами — скверы, цветники, бассейны для малышей, спортивные площадки. А на улицу с ее шумом и движением выходят не жилые дома, а магазины, гаражи, стоянки автомашин. Удобно жить в микрорайоне!

Конечно, создать такие условия для всех москвичей — дело нелегкое. Можно по-

Детские ясли в одном из микрорайонов.

Москва строится. Такую картину вы увидите не только на Ленинском

строить микрорайон, но как быть со старыми кварталами?

В Москве около трех тысяч переулков, улиц и проездов. Если вытянуть их в одну линию, получится дорога до самого Свердловска. Нельзя ли ее сократить? Разумеется, можно. Можно закрыть для транспорта и озеленить переулки и проезды. И, пожалуйста, — тишина, свежий воздух. На шумные улицы перейдут магазины, швейные и ремонтные мастерские, кинотеатры. Внутри кварталов откроются новые школы, детские сады. На больших площадях, таких, как Трубная, будут созданы центры жилых районов.

Большая беда старых кварталов в их тесноте, скученности. Как быть с этим?

К 1980 году плотность населения здесь сократится в три — пять раз. Большинство жителей переедет в новые районы. Ветхие и неблагоустроенные здания будут снесены, на их месте возникнут парки, скверы, спортивные площадки.

ОКОЛО КРЕМЛЯ

Вы, наверное, уже знаете, что на Ленинских горах будет построен новый административный и общественный центр столицы. Здесь расположатся крупные учреждения. Неподалеку от высотного здания Московского университета встанет светлый и строгий Дворец Советов. Над огромным парком поднимется купол Пантеона — памятника великим людям советской эпохи. У спуска к Москве-реке будет установлена скульптурная фигура Владимира Ильича Ленина.

Но архитекторы сейчас думают и о реконструкции старого центра. Они хотят сделать его еще более величественным, торжественным и красивым.

Китай-город и прилегающие к Кремлю кварталы строители освободят от жилых зданий и потоков транспорта. Автомобили пойдут по новой полукольцевой магистрали через Кузнецкий мост и ряд других улиц. Красная площадь будет предоставлена пешеходам.

Там, где сейчас стоят старые, ничем не примечательные дома, раскинутся широкие площади и скверы. Образуются прекрасные ансамбли театров и музеев, с широкими, утопающими в зелени подходами. Возможно, их дополнят новые выдающиеся произведения архитектуры, например, музей истории мирового революционного движения, музей искусств всех времен и народов.

Кремль опояшет зеленая лента бульваров и садов. От нового бассейна на Кропоткинской набережной она протянется к Александровскому скверу. Зацветут густые липы в Китай-городе. Остров между Москвой-рекой и Водоотводным каналом превратится в большой парк.

НА ЧЕМ ЕХАТЬ?

Знаете ли вы, что москвич ездит по городу примерно 140 часов в год? Количество его поездок непрерывно растет: рабочий день становится короче, и это позволяет жителю

проспекте, но и во многих других районах Москвы.

столицы чаще бывать в театре, на стадионе, в лесопарке. С рождением новых районов растет и длина маршрутов. А скорость городского транспорта невелика. К тому же она из года в год сокращается. Трамваи и автобусы сейчас делают только 15—17 километров в час. Если так будет продолжаться, то в 1975 году на переезды жителя столицы уйдет 240 часов!

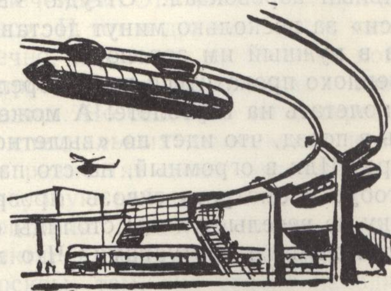
Кто в этом виноват? Перекрестки. Да, самые обыкновенные перекрестки и светофоры. Они тормозят движение, отнимают у москвичей время. Чем больше машин на улицах, тем дольше стоят они на перекрестках. Чтобы от них избавиться, на пересечениях больших улиц строят тоннели и мосты-эстакады. Некоторые уже готовы, например, тоннель на площади Маяковского, который вы видите на обложке нашего журнала.

Всего в Москве соорудят около четырехсот тоннелей и эстакад. Они позволят машинам идти со скоростью до ста километров в час. В центральной части города, внутри Садового кольца, большого движения не будет. Оно пойдет по кольцу.

Недалеко время, когда вступит в строй кольцевая автомобильная дорога — граница города. Протяженность дороги 109 километров. Машина пройдет их за час, не встретив на пути ни одного перекрестка. Пятьдесят раз пробежит она по мостам и тоннелям через железные дороги, шоссе и речки. Эта автомобильная дорога примет на себя большой поток грузового транспорта.

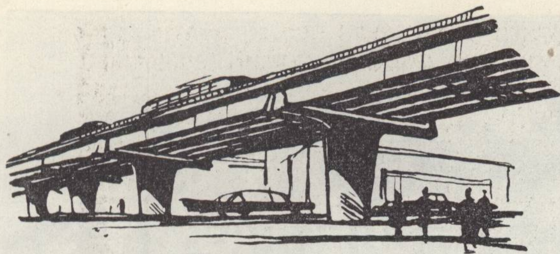
Через пять-шесть лет появится еще несколько таких кольцевых магистралей, поменьше. Скоростные трассы-радиусы соединят между собой кольцевые дороги.

Перекрестки мешают не только автомобилям. Они опасны для пешеходов. Большинство несчастных случаев бывает на перекрестках. Для пешеходов в Москве делают подземные переходы. Со временем они будут оборудованы движущимися тротуарами и лестницами-эскалаторами.

Прекрасные виды новой Москвы откроются пассажирам подвесной монорельсовой дороги.

Как ни хороши автострады, им не сравниться с метро. Метро останется основным видом транспорта столицы. Самые быстрые в мире подземные поезда станут еще быстрее. Пути метрополитена дотянутся до черты города. Наземные линии метро, так называемые «вылетные», пересекут эту черту и подойдут к железнодорожным станциям лесопаркового пояса. В Люберцах, например,

На Крымской площади построен мост-эстакада. Теперь машины, идущие по Садовому кольцу, проходят под мостом; машины, пересекающие их путь, идут над ними — по мосту.

можно будет, не переходя с одной платформы на другую, пересесть на электричку и поехать дальше.

Появится в Москве и совершенно новый вид быстроходного транспорта — подвесные монорельсовые дороги. Что они собой представляют? Вообразите металлический рельс, подвешенный на опорах высотой 11—12 метров. По рельсу бесшумно несутся обтекаемые вагоны. Скорость — 100—120 километров в час. Вагоны свободно, не замедляя хода, делают крутые повороты. Они, как птицы, перелетают через рощи, речки и овраги. Монорельсовая дорога совершенно безопасна и не требует больших затрат: она в тридцать раз дешевле глубокой выемки метро. Подвесные магистрали будут доставлять москвичей из центра города в аэропорты и зоны отдыха.

Входят в быт москвичей и вертолеты. На Ленинградском проспекте уже сооружается Центральный аэровокзал. Оттуда «воздушные такси» за несколько минут доставят пассажиров в нужный им аэропорт.

Да, неплохо прокатиться по монорельсовой дороге, полетать на вертолете! А может, лучше сесть в поезд, что идет по «вылетной» линии метро? Или в огромный, на сто пассажиров, автобус и смотреть сквозь прозрачную его стенку на веселые улицы столицы с цветными мостовыми и тротуарами? Что лучше?

ФАБРИКА КИСЛОРОДА

Всем известно, что человек вдыхает кислород и выдыхает углекислоту. Углекислый газ и другие вредные вещества «выдыхают» также автомобили и заводы. Как очистить от вредных газов городской воздух?

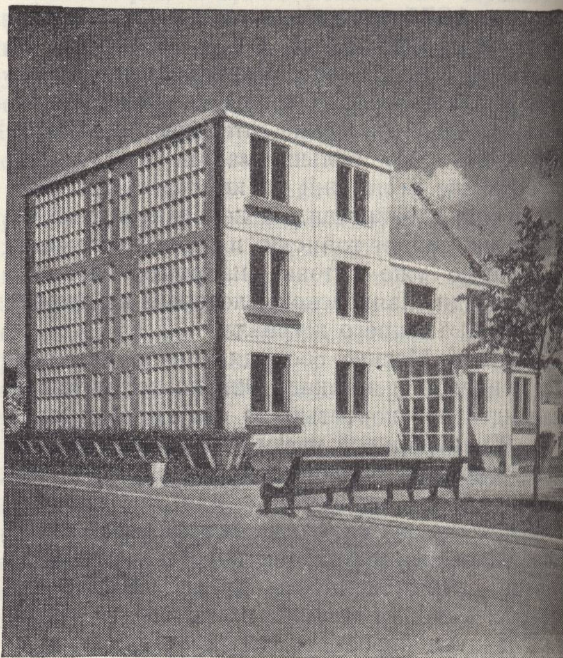
Об автомобилях мы уже говорили. Они уйдут из центра и жилых районов на трассы больших скоростей.

А что сделают с заводами? Все промышленные предприятия, загрязняющие воздух, уже взяты на учет. Одни будут выведены из города, другие совсем закрыты, а третьи обезврежены. Уже к концу семилетки все котельные Москвы перейдут на газовое топливо. Газ не дает дыма, небо станет чистым.

Настоящая «фабрика кислорода» — лесопарковый пояс Москвы. Много забот выпало сейчас на долю лесоводов. Надо сделать новые посадки на пустырях, расчистить старые заросли, заменить ольху и осину более ценными породами — дубом, сосной, березой.

Еще больше дел у строителей. Да, да, в лесу тоже есть что строить: дороги, охотничьи домики, туристские базы, водные станции, гостиницы-пансионаты. Ведь в лесопарковом поясе расположатся зоны отдыха москвичей.

Первая такая зона скоро откроется на Клязьминском водохранилище. Она будет работать круглый год. Там можно будет прожить и одно воскресенье, и неделю, и два месяца. К услугам отдыхающих уютные, светлые комнаты с балконами, с горячей и холодной водой, столовая и кухня, где при желании можно самим приготовить обед, прачечная, магазины, киоски. Для маленьких детей — специальный павильон. В курзале — кинотеатр, библиотека. Спортсменов летом ожидают пляжи, яхт-клуб, теннисные и волейбольные площадки, зимой — лыжная база и каток.

Этот дом, как из кубиков, построен из готовых квартир. Их отлили на железобетонном заводе, огромные грузовики перевезли готовые квартиры с дверьми и окнами на строительную площадку, а краны собрали из них дом. Постройка этого дома не закончена. К ребристой стене можно присоединить новые квартиры.

Вот каким красивым стал проспект Мира!

Хорошо выбраться из города в лес, на берег реки! Но и в самой Москве будет очень зелено. Миллионы деревьев переселились из леса в город только за последние годы. В будущем их станет во много раз больше, столько, что на каждого жителя придется 50 квадратных метров насаждений. Целый сад!

Кроме скверов возле жилых домов, школ, больниц, кроме районных парков, будут созданы огромные городские парки. На сотни гектаров раскинутся они на Ленинских горах, у Кутузовского проспекта возле монумента Победы, на территории Международной выставки 1967 года, в Серебряном бору. Кстати, в Серебряном бору строится крупнейший гребной канал, где будут тренироваться спортсмены.

Массу свежего воздуха принесут с собой господствующие в Москве юго-западные ветры. По их направлению через весь город пройдет «зеленый диаметр» — непрерывная полоса насаждений. Она начнется в загородных лесах, пересечет Ленинские горы, спустится Парком культуры и отдыха имени Горького к набережной Москвы-реки. По острову и новым бульварам «диаметр» дойдет до Кремля, захватит Китай-город и вдоль реки Яузы выйдет к Сокольникам и Измайлову.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Среди будущих парков Москвы есть два, о которых архитекторы рассказывают с особым увлечением. Это новый зоопарк и «Страна чудес». И тот и другой — для детей.

Конечно, в зоопарк любопытно пойти всякому взрослому, не говоря уже о зоологах и художниках. Но особенно он интересен ребятам. В специальных павильонах и вольерах юннаты разместят своих питомцев и будут вести научную работу.

Территория зоопарка очень большая — 260 гектаров. Построят его на южной окраине Москвы, там, где сейчас находится деревня Чертаново. Извилины и овраги реки Чертановки позволяют создать вереницу прудов для водоплавающих животных. Обитатели зоопарка будут чувствовать себя свободно, как на родине.

Каких только зверей и птиц не увидят там посетители! Двадцать огромных аквариумов, инсектарий (помещение для насекомых), обезьянник — всего не обойдешь. В зоопарке будут зоны отдыха и развлечений, эстрада для выступлений дрессированных животных, кинолекторий.

Еще интереснее «Страна чудес». Это на-

стоящее ребячье царство. Разверните нашу цветную вкладку. Видите, сколько диковинных конструкций, построек, дорог будет в этой волшебной стране!

Вообразите себе Советский Союз, уменьшенный в пять тысяч раз. Вообразите на этой территории все богатства природы, все достижения науки, техники и культуры нашей Родины. Вот таким и будет ваш парк, ребята.

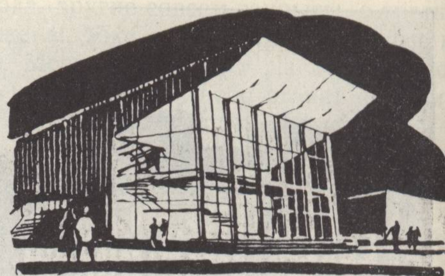
Он раскинется на берегах Москвы-реки, в западной части города. Рядом с парком построят водные станции, спортивный городок, пляжи, зеленый театр, большие гостиницы для приезжих школьников.

«Страна чудес» не простая выставка. Ее экспонаты действуют, двигаются, говорят. Вода вращает турбины «Братской ГЭС», «атомоход» бороздит «льды океана». Тут можно прокатиться по железной дороге и полетать на вертолете, стать пассажиром «батисферы» и «космического корабля». С помощью автоматических механизмов, кино и телевидения вы перенесетесь к звездам и на дно океана, в доисторическую эпоху и в сказку.

И самое замечательное, ребята будут не только смотреть, но и «творить» чудеса. На действующих моделях их научат плавить сталь и добывать уголь, искать руду и управлять трактором. Найдется работа и юным конструкторам, мичуринцам, историкам.

Давайте еще раз посмотрим на рисунок. Цифрой «1» обозначен макет Москвы. Это крупный макет. По его улицам можно даже ходить. И вот первое чудо. Вы поворачиваете рычаг пульта управления — и перед вами Москва будущего. Еще поворот рычага — и возникает древняя Москва с бревенчатым Кремлем.

А вот глобус. Величина его с десятиэтажный дом. Глобус соединен скоростным лифтом с «Луной». Сидя в кабине лифта — «луннике», — вы испытываете на себе силу ускорения, состояние невесомости — словом, то, что ощущает космонавт в своем полете.

Проект кинотеатра, в котором картину могут смотреть сразу четыре тысячи зрителей.

С «Луны» вы увидите весь парк, как на ладони.

Посмотрим дальше. Цифрой «12» отмечены нефтяные промыслы на Каспийском море. Тут вы узнаете, из чего состоит нефть, познакомитесь с процессом бурения и добычи ее. Вы увидите, как вырабатывают из нефти различные продукты. Каждый, кто захочет, может попробовать сделать это сам.

В «Сибири» посетителей парка ожидает немало сюрпризов. Вот Дворец алмазов, построенный в форме кристалла. Он весь сверкает и переливается. А сколько в нем собрано сокровищ! Вот павильон «Антрацит». Здесь можно стать и геологом, и химиком, и шахтером!

Нет, всего даже не перечислишь.

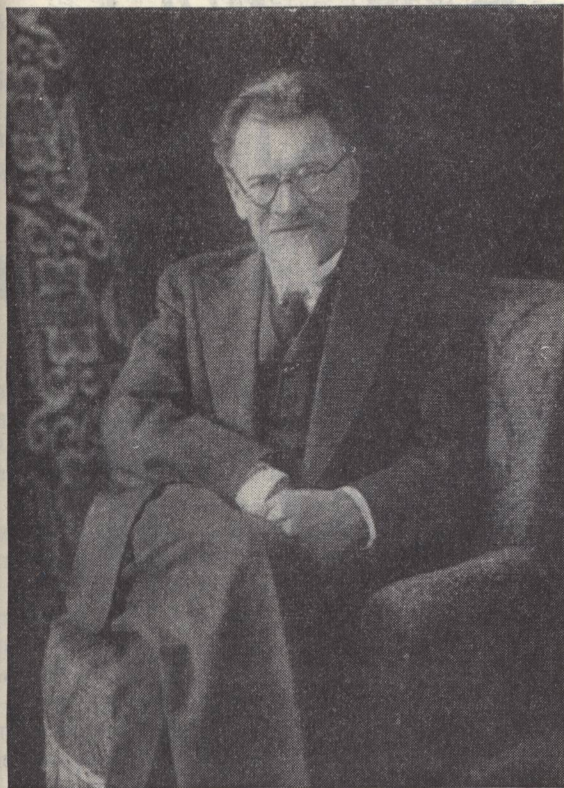
Но вот что интересно: как придумали эту удивительную «Страну чудес»? Один из авторов ее проекта, архитектор Галина Антоновна Миханошина, нам сказала:

— Мы имеем в виду возможности современной техники. Она способна дать фантастические эффекты. Ну, и, разумеется, придумываем модели и аттракционы так, чтобы они понравились детям. Неплохо, если они сами скажут, что хотелось бы им узнать и увидеть в «Стране чудес».

В самом деле, почему бы не подумать нам всем вместе, ребята? Это могло бы стать вашим вкладом в большую перспективу столицы. Подумайте и напишите нам в редакцию.

Рассказы о М. И. Калинине

Михаил Иванович Калинин.

«Хорошо быть пионером в Советской стране. Пионерский возраст — это самые лучшие годы в жизни человека».

Знаете, чьи это слова? Это слова Михаила Ивановича Калинина. Вы родились слишком поздно, чтобы помнить его живым — таким, каким его помнят миллионы взрослых советских людей: серебряная бородка клинышком, живые глаза за стеклами очков, добрая улыбка под седыми усами.

Если бы Михаил Иванович был жив, в нынешнем году вся страна поздравляла бы его с днем рождения. 19 ноября ему исполнилось бы 85 лет.

Жизнь Калинина была большой и трудной жизнью революционера-коммуниста. Сын крестьянина-бедняка, рабочий Путиловского завода, он с юности боролся против царя. Аресты, тюрьмы, ссылки, подпольная работа — таким был путь Калинина до революции. А после победы Великого Октября — огромный труд по управлению Советским государством. С 3 апреля 1919 года и почти до самой смерти Михаил Иванович Калинин — председатель высших органов Советской власти: ВЦИК, ЦИК СССР, Президиума Верховного Совета. В народе его ласково называли «всесоюзным старостой».

Мы печатаем здесь три рассказа из книги о М. И. Калинине. Действие первых двух рассказов происходит до революции. События третьего относятся к тому времени, когда Михаил Иванович был уже «всесоюзным старостой».

В ССЫЛКЕ

А. ШИШОВ
Рисунки О. Коровина

На севере, в Олонецкой губернии, февральские снежные метели застилают все дороги и стежки, а иногда заносят и дома по самые кровли. Среди густых лесов, гудящих на порывистом ветру, найти селение Мяндусельги можно только по печным трубам, из которых поутру идет густой дым.

Полицейский урядник из пожилых казаков, натянув поводья, остановил рыжую, костистую лошадь и, оглядев ссыльных, сказал:

— По повелению государя императора здесь вам придется...— Он хотел произнести что-нибудь величественное, да, вспомнив, как по дороге конвоируемые досаждали ему революционными песнями, закончил: — Тут вам придется, поджав хвосты, повыть волком. Ну, а весной, когда вскроются озера, покукуете.

Он довольно покрутил заиндевевший ус, набросил на голову башлык и ускакал.

Разные были люди среди ссыльных, по-разному и устраивались.

Михаил Калинин нанялся в старенькую деревянную кузницу молотобойцем, чтобы хоть вдоволь греться у горна.

Кузнец Филипп Корнеевич, по прозвищу Корень, хозяин этой немудрящей мастерской, только что плечист, бородат да норовист, мастер же был плохой. Надо, не надо — кричал:

— Давай, давай, навешивай! Поднимай молот повыше, небось, сила есть!

— А это все равно ни к чему,— ответил как-то Калинин.— Поковка не прогрелась: вязкости нет. Металл в горне только засветился, а вы уж кладете на наковальню.

Филипп Корень посмотрел на подручного:

— А как надо?

— А так: спелую вишню держали когда-нибудь на ладони? Так вот по цвету этой ягоды и познается железо, годное под молот.

— Ишь, ты, ягода! — Хозяин почесал в затылке под бараньей шапкой.— Подержу на огне и подольше, только ты молотом ладь.

— Продержите добела — металл искрошится.

Филипп Корень растерялся:

— А ну, стань на мое место.

Калинин передал ему пудовый молот, подался к горну. Переворошил уголь, пустил мех. По профессии он токарь, но и кузнечное дело ему было знакомо. Как только довел брусок железа до цвета вишенки, враз посыпались от удара во все стороны искры.

Хозяин доволен. Для спорости дела отдал подручному свой кожаный фартук.

— Не видя тебя в деле, я сулил в месяц трешник, а увидел — с полтиной положу,— сказал он.— Работай на доброе здоровье, а я пройдусь до чайной.

Другим днем, придя на работу, Филипп Корень, крестясь, отвесил несколько поклонов на восходящее солнце.

— А ты что же, неверующий?

— Давно не верю, почти с детства,— ответил Калинин.

— Вот таких бог и наказывает. Нанял тебя, а спросить не спросил: откуда ты, коль не тайна?

— Нет, не тайна. Из Питера, путиловец.

— А-а, понятно,— протянул хозяин.— Не ты первый, не ты последний в наших краях.

— Может быть, и последний, как сказать... Времена меняются.

Филипп Корень, насупив густые брови, сверкнул глазами на Калинина.

— Выходит, мастер-то с душком и щетинкой?

— Какой есть.

— Уходи от меня. По лету тут крестьяне будут из соседних деревень с лемехами да с ошиновкой колес, а ты им, чего доброго, про царя да про нашего брата... Пока дело далеко не зашло, расстанемся подобру-поздорову...

— Оседать я здесь не собираюсь, Филипп Корнеевич. Расстанемся, так расстанемся.

Хозяин сходил в чайную, выпил. Придя оттуда и увидев Калинина с дорожным мешком, изменил свое решение, стал удерживать:

— Заказ тут мне перепадает от купца одного... С завитушками решетку сделать на могилу его супруге. Прошлым годом почила.

— Сколько с него берете?

— Это мое хозяйское дело. Хоть бы две красненьких.

— Пополам — тогда останусь.

Филипп Корень поперхнулся:

— Куда же ссыльному такие деньги! Мне вон кузницу бы перестроить.

— А у меня семья осталась на родине без помощника.

Хозяин повертелся, по привычке шмыгнул большим носом, покряхтел и согласился.

Работали, не отходя от горна. Меха беспрерывно дышали на огонь. Калинин то и дело бросал раскаленное железо на наковальню, а Филипп Корень ладил пудовым молотом. Слышалось далеко, будто приговаривал кто-то: «Так и надо, так и надо, так и надо»...

Отлаженные на полукруг детали одна за другой перелетали в огромный чан с водой и там, как бы сердясь, шипели.

А как только решетка с завитушками была поставлена, Калинин простился со здешними крестьянами и уехал из Мяндусельги в городок Повенец.

ПОВЕНЕЦ—СВЕТУ КОНЕЦ

— Небось, важный квартирант у меня будет. Из Питера,— говорила соседям хлопотливая старушка Авдотья Родионовна Юшкова.—Жильца, милые, еще в глаза не видела, а деньги за постой уж получила.

Хозяйка побелила печь, помыла пол, постелила тряпичные полосатые дорожки. На окна повесила ситцевые занавески.

Прибыл питерец сюда в апрельскую распутицу, измучившийся, простудившийся, с резкой болью в сердце. Это был Михаил Иванович Калинин.

Первые дни он лежал в постели и слушал товарищей, отбывавших ссылку в Повенце по второму и третьему году.

— Камня и воды здесь много, а хлеба мало. Питается народ рыбой да загнившей от сырости картошкой. На праздник к обеду заяц-беляк, вот и все. Кругом озера, болота и глухие топкие леса. Одним словом, стреножены мы. Не зря говорят: Повенец — свету конец.

Приподнимаясь в постели, Калинин со свойственной ему горячностью возражал:

— Надо одно понять: мы борцы за рабочее дело. И куда бы нас ни загнали, в каких бы условиях мы ни оказались, не сдаваться. Революция не за горами. На наше место стали другие. А мы отсюда, издалека, должны помогать им.

В комнату заходила полнощекая робкая девочка, племянница хозяйки, Любаша. Приносила горячего чая и печеной картошки.

— Вот спасибо,— смягчившись, говорил Калинин.— А у меня книжка для тебя, Любаша, есть, про лягушку-царевну.

Девочка от книжки отказалась.

— Буковки я знаю, а читать не умею.

— Грех не велик, я тебя научу. Каждый день по часочку будем сидеть над букварем и задачником.

Хозяйка, услышав такой разговор, обрадовалась:

— Коль обучите грамоте внучку, за квартиру брать не стану. Живите на здоровье.

Грамота девочке давалась нелегко. В двенадцать лет она уже умела скроить платье, шила себе и бабушке, а вот буквы, вырезанные из картона, сложить в слова никак не могла. С цифрами легче: прибавлять и вычитать помогали пальцы.

Дом Юшковой довольно часто навещали полицейские. Все вынюхивали:

— Фатерщик у тебя, Овдотья, на этот раз особенный. Платит, небось, большие деньги.

— Платит. А как же не платить! На то ведь и живу, да вон еще сиротку воспитываю.

Полицейские ходили по комнате, сминая грязными сапогами тряпичные дорожки.

— Чистенько. Книжки на полках.

— Ну а как же, книжку на пол не бросишь.

Садились на широкие табуретки и выспрашивали:

— О чем тут ссыльные балакают? Помнишь уговор, в участок должна давать сведения.

— Неграмотна.

— Соседи передают: много у Калинина друзей. Часто собираются, поют.

— Петь поют.

— А что поют, псалмы, небось?

— Не разберусь. Неграмотна.

— То-то вот, лучше бы они не пели, а пили. Когда придет?

— Он своему времени хозяин.

Полицейские, сидя на табуретках, ждали. А Любаша, прошмыгнув в калитку огорода, бежала на речку. Находила Михаила Ивановича, сообщала ему все.

— Пусть подождут. Время их оплачивается государственной казной.

Дни текли хмурые, тоскливые. Просыпался Калинин раньше всех. Пилил и колол дрова во дворе за домом. В одно такое утро к дому подошли трое молодых солдат в коротких шинелях и беличьих шапках.

Хозяйка, вытирая руки о фартук, вышла к ним на крыльцо. Встретила, как старых знакомых, но заговорила неласково:

— Вот так. Любо — берите, сколько даю, а то и этого не увидите. Кабы у меня корова была, а то ведь коза.

Оказывается, солдаты-новобранцы из местных казарм пришли поменять куски хлеба на молоко.

— Прибавь, Авдотья Родионовна,—сказал Калинин, отложив топор и свертывая цигарку.— Надо служивых чем-нибудь порадовать!

Солдаты оживились, подталкивая друг друга локтями, заговорили все разом:

— Знамо дело! За такие куски надо бы крынку на троих. Мы ведь не лишнее принесли, от своего рта отрываем.

Хозяйка уступила.

Выпив молока, служивые подошли ко двору, где Калинин складывал наколотые дрова.

— Ссыльный? — спросил один, утирая рукавом губы.

— Угадал,— ответил Калинин.

— Учитель или писатель?

— От того и другого понемножку.

— Сочинил бы для нас стишок, а мы бы разучили. Да поозорнее. Хочется начальству досадить.

— За что же вы начальство не любите?

— Да вот житья нет в казармах. Чуть что — зуботычина! Да еще стращают прогнать сквозь строй...

Солдаты еще не раз приходили попить козьего молока. Хлеба приносили побольше и уже не торговались с хозяйкой. И снова напомнили Калинину о стишке.

Калинин написал на небольшом листке знаменитые слова «Марсельезы» и напел мотив.

И вот как-то по весне солдаты, выйдя из душных казарм на учебный плац, дружно хором запели пришедшиеся по душе слова. Все начальство Повенца переполошилось. Пристав с пеной у рта кричал:

— У нас в Олонии поют «Марсельезу»! И кто? Солдаты!

РЕМЕШОК С НАБОРОМ

Не одна рубашка изношена на тощих плечах деревенского парнишки Степы Еремеева. Носил он сарпинковые в полоску, носил из синего и черного сатина, затягиваясь узким ремешком с набором. Рубашки мать для Степы шила новые, а ремешок оставался все тот же. Потускнеет на ремешке набор, парнишка возьмет мел и тряпку, почистит серебряные уголки с квадратиками, и вновь они заблестят, заиграют.

Ремешок этот подарил Степе Михаил Иванович Калинин. Ну как его не беречь, не чистить, как не похвастаться им перед сверстниками!

— Где же это было?

— Да вон там, у ручья.

— Сам, говоришь, отдал?

— А то нет! Снял с себя и отдал.

Ребята не очень-то верили, а на самом деле так и было.

Вез Степа как-то раз с поля ржаные снопы на старой, заморенной Воронухе. После дождя земля раскисла, в конце полос ручей разлился. Дорога на подъеме шла влево, и лошадь тянула туда, а парнишка растерялся, дернул за правую вожжу и вот, на тебе, завязил телегу. Передние колеса через ручей прошли, а задние врезались по самые ступицы.

Сгоряча Степа стал хлестать лошадь. Кнута Воронуха боялась: рванула на всю силу— и супони на хомуте как не бывало. Супонь оборвалась, гужи разошлись, и дуга завалилась.

Сперва парнишка торопился, хотелось ему вызволить воз, а тут понял: суетой делу не поможешь.

— Что, завяз? — спросил проходивший мимо человек.

— Завяз...— упавшим голосом ответил парнишка и при этом даже не взглянул, кто стоит с ним рядом. Мало ли здесь ходит всякого народу...

— Следовало в объезд, а ты поленился. Сиди теперь...

Парнишка молча, насупившись, развязывал чересседельник.

— Что же отец-то? По такой дороге надо было ему самому.

Степа подумал: что за дядька? С гладкой бородкой, как у нашего учителя. При очках, с палочкой. Шел бы себе дальше, а он оста-

новился, заглядывает под телегу, обо всем спрашивает.

— Отец мой с гражданской без ноги. Ему только скирдовать. Сидит на току, ждет снопов.

— Воз придется перекладывать.

— Снопы сухие: жито потечет.

— Что же делать-то будешь?

— А то, что надо.

Парнишка достал запасную веревку и зубами принялся развязывать на ней узлы, чтобы продеть в хомут вместо супони. Но веревка сопрела, обрывалась. Тут прохожий человек и дал ему с себя поясной ремешок.

— Набор-то полетит с него,— сказал Степа.

— Ну и что же, пусть летит.

Засупонить таким ремнем хомут ничего не стоило. Гужи и дуга стали на место. Лошадь подняла голову, переступила с ноги на ногу.

Степа взялся за оглоблю, а прохожий сзади качнул воз плечом, и Воронуха выбралась на дорогу.

На пригорке парнишка перевел дух, огляделся. Хотел прохожему человеку сказать спасибо, но его уже не было.

Дома за обедом отец сказал, что в их деревне сегодня видели Михаила Ивановича Калинина. Стало ясно, кто помог парнишке с возом. Как же Степа не узнал эту острую бородку и очки? Не раз видал портреты! Надо ремешок вернуть поскорее, да вот соблазн: мать шьет к празднику рубашку с каймой, ремешок-то к ней как бы подошел!

Отгулял Степа праздник и на второй день пришел в Верхнюю Троицу.

Калинин припомнил парнишку:

— Что ты принес ремешок,— хорошо. За это я тебе дарю его. Носи на здоровье!

*

РОДНЫЕ места

Хамид БЕРЕТАРЬ

Я их не забываю,
мои родные места...
Реки переплываю,
ставлю сваи моста,
по незнакомому городу
брожу от зари до зари —
все кружит, кружит мне голову
запах родной земли.
Шепот волны с осокою
в сердце я берегу.
Вербу мою высокую
вижу на берегу.
Снова я в лодку прыгаю,
река меня понесла,

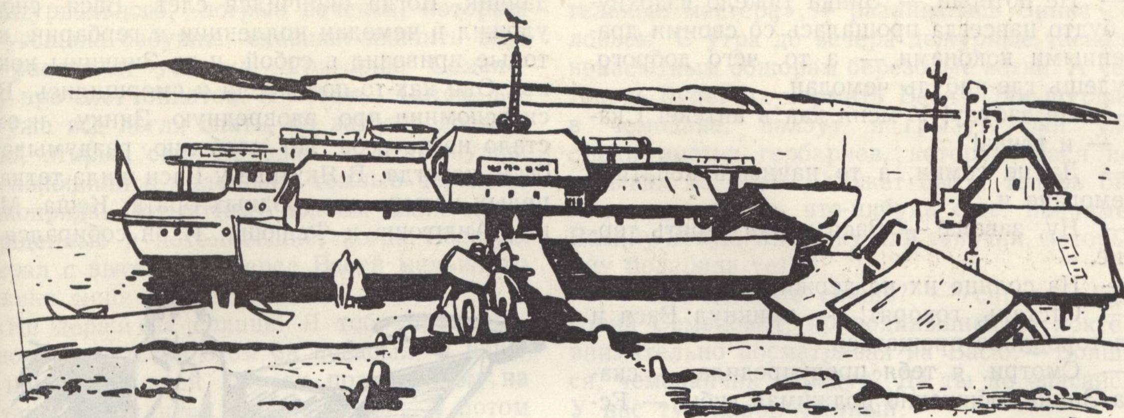
брызги — ящерки прыткие —
убегают с весла.
Время качает маятник,
бьется в сердце моем...
Вижу себя очень маленьким
с очень большим ружьем.
Вот засыпаю под буркою,
на ночь стреножив коня.
Он храпом меня баюкает,
ржаньем будит меня.
Вижу себя я выросшим
(уже отца перерос...),
только, только что вынесшим
первый свой сенокос.

В травы ложусь росные
в небо родное смотрю.
Даже в ночи беззвездные
вижу звезду свою!
Губами росу собираю
с мягкой ладошки листа...
Я их не забываю,
родные мои места.

Перевел с адыгейского
Евг. Храмов.

Рисунки А. Брея.

ПОПУТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Тамара ЛИХОТАЛЬ **Рисунки Е. Медведева.**

Вниз по сибирской реке Лене шел пароход. На пароходе плыли счастливые люди. Они любовались с палубы берегами, закусывали котлетами, крутыми яйцами и пирогами и спокойно спали по ночам в каютах на своих нижних и верхних полках. И не верилось, что совсем недавно Вася Азаркин был таким же счастливым, как и они.

Всего две недели назад Вася выехал из своего поселка в Якутск, на слет юннатов. Когда в школе стали обсуждать, кого послать на слет, все проголосовали за Васю. В этом не было ничего удивительного, потому что весной на маленькой яблоне, росшей в углу пришкольного участка, за сараем, появилось три белых цветка, похожих на крупные хлопья снега. И вскоре весь поселок уже знал, что школьный сад зацвел. Лена Громова даже привела в школу всех своих родных. Они стояли возле яблони кружком и о чем-то говорили по-якутски. Только слово «сад» произносили по-русски. Лена сказала потом, что такого слова раньше просто не было в якутском языке. Из цветов, которые появились на маленькой яблоньке, конечно, должны были вырасти яблоки. Первые яблоки в их поселке. А посадил и выходил эту яблоньку не кто иной, как Вася Азаркин! Вот почему его кандидатура на слет была утверждена единогласно.

Когда Вася, упаковав в свой чемоданчик гербарии и коллекции, прощался с друзьями, к нему протиснулась Зинка Вострикова — очень зловредная девчонка, которая в самый разгар садовых работ переманила двух Васиных помощников ухаживать за каким-то дурацким шелкопрядом, а про самого Васю кричала, что он эгоист и бюрократ.

Но сейчас Зинка, как ни в чем не бывало, поздравила Васю и проговорила ласковым голосом:

— Вась, тебе одно небольшое попутное поручение...

— Какое еще поручение?

— Захвати, пожалуйста, с собой наши коконы. Там, на слете, покажешь. Ладно? Они совсем легонькие. Положишь в угол чемодана, и все! — затараторила Зинка. — Им и места-то чуть-чуть надо.

— Ладно, — снисходительно сказал Вася. В такой радостный час он не хотел помнить зла. — Давай своего шелкопряда, только побыстрее.

— Я мигом. — Зинка куда-то исчезла, но тотчас же вернулась и вручила Васе объемистый пакет коконов, похожих на грязноватые комочки ваты. Вася засунул пакет в чемодан и закрыл крышку.

— Смотри, — сказала Зинка уже не таким ласковым голосом, — это опытные экземпляры. Мы их три года отбирали.

— Будут доставлены в полной сохранности, — заверил Вася, — побывают ваши экземпляры на слете и приедут назад.

— Не потеряй, — Зинка тяжело вздохнула, будто навсегда прощалась со своими драгоценными коконами, — а то, чего доброго, забудешь где-нибудь чемодан.

— Не забуду! У меня как в аптеке! Сказал — и точка!

— Да не сомни, а то начнешь копаться в чемодане и...

— Ну, завела! — Вася начал терять терпение.

— На солнце их не держи, а то...

— Отстань, говорят! — крикнул Вася и стал торопливо прощаться.

— Смотри, я тебя предупредила, — сказала Зинка, обиженно поджимая губы. — Если только положишь... — Она продолжала еще что-то говорить, но Вася уже не слышал ее. Схватив чемоданчик, он торопливо зашагал на пристань.

В Якутск Вася добрался благополучно. На слете тоже все шло хорошо. Вася сделал обстоятельный доклад о садоводстве в Якутии вообще и в их поселке в частности. Когда он заявил, что юннаты обязуются без потерь собрать урожай яблок, все дружно захлопали. Даже про Зинкиного шелкопряда ребята слушали с интересом, расспрашивали, как за ним ухаживать, рассматривали коконы, которые лежали под стеклом в зале, где была устроена выставка. Эх, если бы он тогда знал, что может произойти!

* * *

Пароход шел своим путем. В каюте было тихо и сумрачно.

Вася не мог больше спокойно лежать, он рывком поднялся, стукнулся головой о потолок каюты и сел, свесив вниз ноги. Напротив посапывал командировочный бухгалтер лесосовхоза Григорий Семенович, с которым они вместе ехали от Якутска. На подушке, будто живые, шевелились его длинные усы. В головах у него стоял небольшой черный чемоданчик. Внизу из-под койки, сверкая металлическими застежками, выглядывал кожаный чемодан новейшей конструкции, принадлежавший высокому седоголовому инженеру-строителю. И еще два чемодана — громоздкий и длинный в белом парусиновом чехле и деревянный баульчик — хозяйство веселой, говорливой бабушки, которая ехала к дочке нянчить внука. И все эти чемоданы — и большие и маленькие, и старые и новомодные — тихо и мирно стояли в каюте и не мешали спать своим владельцам. В них никто не шуршал, не грыз, не ползал. Вася с отчаянием посмотрел на свой чемоданчик. Когда окончился слет, Вася снова уложил в чемодан коллекции и гербарии, которые привозил с собой, и те Зинкины коконы. Они как-то потемнели и сморщились. Вася вспомнил про зловредную Зинку, и ему стало не по себе. Но особенно раздумывать было некогда. В Якутске у Васи жила тетка и целых четыре двоюродных брата: Кеша, Миша, Андрюша и Федюша. И он собирался к

ним в гости. Вася быстро сгреб коконы в картонную коробку, которую ему подарил на память один пионер из звероводческого питомника, засунул коробку на самое дно чемодана и отправился к тетке.

— И не думай, и не думай, — сказала тетка, — мы тебя никуда не отпустим, поживи, погуляй.

— Не отпустим, — сказали Кеша с Мишей.

— Поживи, — сказал Андрюша.

— Погуляй, — сказал Федюша.

И Вася остался гостить. Это были замечательные дни! Он ходил в кино и в музей, купил себе тенниску и садовый ножик. А однажды побывал на представлении приезжего цирка и видел там настоящего слона, который танцевал вальс, веселых клоунов и фокусника — такого ловкого, что ни Вася, ни Кеша, ни Миша, ни Андрюша, ни Федюша не могли уследить, каким образом он доставал прямо из воздуха горящие папиросы, цветные платки и ленты, а один раз даже вытащил живую курицу, которую тут же пустил по арене.

Когда все же настало время уезжать, на пароход Васю провожали все четыре брата, а тетка напекла ему столько пирогов, что их хватило бы на весь путь, если бы Вася даже решил плыть по Лене до самого Ледовитого океана. Вася долго стоял на палубе и махал рукой братьям. Потом он сунул нос в машинное отделение, поднялся на палубу, поглазел

на штурвального, погрыз печенье, которым его угощала бабушка, ехавшая нянчить внука, рассказал усатому Григорию Семеновичу про слет юннатов. А потом... Потом, когда уже все легли спать, он захотел достать мыло, открыл свой чемодан и отшатнулся: там копошились маленькие темные червячки шелкопряда. Вот почему коконы были такие сморщенные и потемневшие, когда Вася их забирал с выставки! Перед Васей мелькнуло Зинкино лицо:

«Не держи на солнце! Я тебя предупреждаю». А ведь об этом он позабыл, и коконы несколько дней лежали под стеклом на выставке, в залитом солнцем зале. А потом Вася сложил их в коробку и не заглядывал туда все это время. Из коконов за эти дни вывелись бабочки, отложили грену, а из грены появились гусеницы. В поисках еды они выползли из коробки. Они хотят есть. Они страшные обжоры, эти маленькие темные гусеницы. Вася хорошо помнит, как Зинка прошлым летом кричала на всю школу:

— Кто сегодня дежурный? Кормите гусениц! Кормите гусениц!

Их кормили и сама Зинка и все ее подружки, но так и не успевали накормить досыта. Недаром Зинка переманивала к себе Васиных садоводов.

«Они из древнего Китая!», «Они замечательные мастера»,— разливалась Зинка соловьем. С утра до вечера дежурные таскали ненасытным обжорам березовые ветви. А чем теперь будет их кормить Вася? Они шуршат в чемодане, ползут и грызут. Они уже съели листья гербариев, которые Вася показывал на слете. Может быть, теперь они пожелают съесть что-нибудь еще, например Васину новую тенниску или тапочки, которые ему подарила тетя?

— Ты чего не спишь? — спросил Григорий Семенович, приподнявшись на локте и внимательно посматривая на Васю.— Боишься, чемоданчик украдут? Да ты не опасайся. У нас тут народ честный.

Украдут! Вот было бы счастье! Только попробуй найди такого дурака, который захочет стащить чемодан с шелкопрядом. И зачем он только связался с этими коконами? А все Зинка: «Попутное поручение. Положишь в уголок». Вот тебе и уголок.

Чуть не плача, Вася рассказал Григорию Семеновичу о своей беде. Все рассказал: и какая Зинка вредная, и как она наябедничала на него матери, как кричала, что Вася жилил в лапту, когда он совсем и не думал жилить, и как уговаривала его ласковым голосом взять с собой безобидные, похожие на вату коконы. Григорий Семенович только головой качал:

— Вот разбойница!

— Да выкинь ты, детка, этих червяков,— сказала с нижней полки бабушка, которая все думала о своем внуке и поэтому не спала.

— Как это выкинь?! — Вася чуть было второй раз не стукнулся головой о потолок. Он не любил зловредную Зинку, но любил справедливость.

Что это бабушка говорит? Хоть у нее и есть замечательный внук почти возле полюса, но все же надо иметь понятие.

— Это очень хорошие гусеницы,— сказал Вася,— опытные экземпляры. Их разводят на юге. А Зина решила попробовать вырастить шелкопряда в Сибири. Понимаете?

— Да я что,— сказала бабушка,— я ничего.

Мне их доверили,— продолжал Вася.— Их и на слете признали лучшими. А теперь они погибнут от голода.

— Да-а,— протянул Григорий Семенович, поглаживая свои усы,— баланс не сходится — дело серьезное.

В каюте началось срочное совещание.

— Может, им дать хлеба, хлеб все едят,— сказала бабушка.

— Шелкопряд не ест,— вздохнул Вася и в смятении вышел на палубу. Он стоял,

прислонясь к борту, и вглядывался в проплывавшие мимо берега.

— Вот они! Сколько их! — стонал Вася.

— Кто? Где? — спросил появившийся рядом Григорий Семенович.

— Березы! Уже проплыли, — махнул рукой Вася.

Пароход еле полз. Вася с нетерпением дожидался очередной пристани, но каждый раз его надежды рушились: там не оказывалось берез. Однажды, правда, он увидел неподалеку от причала несколько деревьев, но выяснилось, что из-за опоздания сильно сокращается время стоянки парохода, и Вася побоялся отстать.

Он теперь замечал березу, даже если она таилась в густой чаще леса. А когда на горизонте появлялась какая-нибудь березовая рощица, Вася делался сам не свой и, казалось, готов был броситься с парохода и вплавь добираться до нее.

И вот, когда Вася со слезами на глазах стоял над своим шелкопрядом, Григорий Семенович крепко взял его за руку и решительно сказал:

— Идем к капитану.

Вася даже не запомнил, как он очутился перед высоким загорелым человеком в белом флотском кителе. От волнения он говорил так сбивчиво, что капитан не мог ничего понять и разобрал только одно: мальчик просит остановить пароход, чтобы нарвать березовых веток и накормить каких-то червяков. Он посмотрел сверху вниз на Васю и заметил, что за такое дело полагалось бы этими березовыми ветками кое-кого выстегать.

Этого Вася не мог перенести. Он хотел сказать капитану, что это раньше, при царе, наверное, можно было стегать людей березой, а теперь не такое время. И что он, Вася Азаркин, пионер и делегат областной конференции юннатов, не стал бы даже разговаривать с таким человеком. Но тут Вася вспомнил о шелкопряде, жизнь и смерть которого всецело находились в руках капитана. Сделав героическое усилие, Вася сдержался и стал рассказывать капитану все сначала.

Послушала бы Зинка Вострикова!

— Его знали еще в древнем Китае! А какой он мастер! — горячо доказывал Вася, размахивая руками.

Через некоторое время пассажиры, собравшиеся на палубе, видели, как от парохода отошла лодка. В ней сидели мальчик в пионерском галстуке и два матроса. Они причалили к берегу, наломали ворох березовых веток и снова вернулись на пароход, который терпеливо дожидался их посреди реки.

Вася благополучно довез шелкопряда домой. В школе его уже ждали ребята, и среди них, конечно, Зинка Вострикова. Она только хотела спросить про коконы, как Вася открыл чемодан. Зинка ахнула и бросилась вынимать гусениц.

— Осторожней! — закричал Вася. — Не мни! Ну куда ты их? Вот сюда, на стол клади. Да неси скорей березы!

И Зинка, с почтением поглядывая на Васю, беспрекословно выполняла его распоряжения.

НА ЕЛКЕ

В. ТОВАРКОВ

На самой высокой елке
Дятел в красной ермолке
Задорно стучит с утра.

С маленькой лесопилки
Летят по ветру опилки,
Летит сухая кора.

Врач-дровосек старается,
На серый хвост упирается
И клювом упорно бьет.

После такого лечения
Старая ель, без сомнения,
Еще сто лет проживет!

КУРСЫ школьных журналистов

О смешном в наших газетах

Ю. СОТНИК

Рисунки Е. Ведерникова.

Почти во всех школьных стенгазетах есть отделы сатиры и юмора. Многие дружины и отряды выпускают специальные сатирические стенгазеты. Редакторы таких газет нередко жалуются:

— Мы изо всех сил стараемся сделать нашу газету смешной, а ребята читают и не смеются...

Один редактор, некий Миша З., обратился ко мне с письмом: «Научите меня, пожалуйста, как писать юмористические заметки и стихи».

Должен огорчить Мишу: научить писать смешно невозможно. Я иногда пишу смешные рассказы, но я никогда не могу сказать, что именно я сделал для того, чтобы рассказ получился смешным.

Итак, дать какие-нибудь конкретные советы здесь нельзя. Но поговорить о том, как лучше подойти к делу, можно и нужно.

Иногда сами читатели бывают виноваты в том, что их «юмористическая» газета лишь нагоняет скуку. Кто выбирает редакторов газет? Члены пионерского отряда или дружины, то есть будущие читатели этой газеты. А разве не бывает так, что вот эти самые читатели выбирают редактором юмористической газеты какую-нибудь Соню Букину, хотя прекрасно знают, что оная Соня за

— Опять та же скукота... даже мухи дохнут.

все время пребывания в школе ни разу не пошутила, ни разу не улыбнулась? Мне таких читателей не жалко: сами они равнодушно отнеслись к выборам редактора, значит, сами лишили себя хорошей газеты, значит, сами сделали свою жизнь скучнее, чем она могла бы быть.

Как правило, конечно, в редколлегии сатирических газет выбирают ребят веселых, обладающих чувством юмора. Но иногда с такими ребятами происходят довольно грустные превращения: в жизни они неистощимы на самые веселые выдумки, а став редакторами, выпускают такие газеты, что челюсти сводит от скуки. Почему?

В повседневной жизни они шутят в кругу близких товарищей, которых им нечего стесняться. Но газету, они понимают, будет читать вся школа, будут читать даже старшеклассники и учителя. Способных, веселых ребят охватывает робость, они вдруг перестают верить в свои силы и всячески стараются, чтобы газета у них получилась такой, как у всех. А это значит сделать газету скучной.

Ведь смешно лишь то, что ново, что неожиданно. Попробуй рассказать ребятам старую, всем известную историю: на тебя сразу зашикают, замашут руками, и ты умолкнешь, очень смущенный. Но, если ты редактор сатирической газеты, ты без зазрения совести изобразишь в карикатуре двоечника именно так, как его уже изображали десятки тысяч раз.

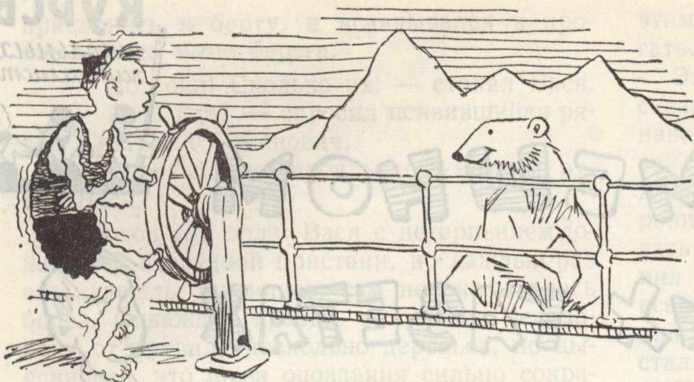
Кто не видал, например, такого рисунка: на доске написано 5×5... перед доской стоит мальчик, из макушки которого растет большой знак вопроса. Под рисунком подпись: «Петров уроков не учил и снова двойку получил».

А вот второй вариант, пожалуй, более распространенный: ученик (обязательно растрепанный) сидит за партой с закрытыми глазами. Из разинутого рта его вылетают буквы: «Хррр... хрррр...» В подписи призыв к какому-нибудь Иванову: довольно, мол, спать, пора приниматься за учебу.

Возможно, товарищи редакторы мне возразят:

— Послушайте! Нам из месяца в месяц, из номера в номер приходится «продергивать» ребят, отлынивающих от учебы. Как вы можете требовать от нас, чтобы все время мы давали на эту тему что-нибудь оригинальное!

Действительно, ничего оригинального не придумаешь, если, выпуская стенгазету, будешь запираться в пионерской комнате, смотреть в потолок да грызть карандаш. Но если ты в самой гуще школьной жизни, если присматриваешься к ней, думаешь о ней, ты сможешь найти

— И как это занесло белого медведя в Средиземное море?!.

что-нибудь поинтересней спящего на уроке мальчишки и «хррр-хррр», вылетающих изо рта.

Шестиклассник Дима С. увлекался техникой, но не ладил с русским языком. Однажды класс писал сочинение «Экскурсия на металлургический завод». За свое сочинение на эту тему Дима получил двойку. Через несколько дней в стенгазете был помещен следующий документ:

«Деректору металургического завода «Красный Факел» от ученика шестого класса Димы С.

Заявление

Прошу пренять меня на работу на ваш завод вкачестве старшиго инжинера».

Через все заявление наискось было написано красным карандашом: «Отказать». В примечании сообщалось, что заявление написано редакторами, но все написанные с ошибками слова взяты из Диминого сочинения.

В другой школе члены редколлегии поступили еще проще: «РЕЙД ПО ТЕТРАДКАМ» — так озаглавили они отдел, где помещали наиболее смешные ляпсусы из ученических тетрадок, снабжая их весьма ядовитыми комментариями.

«ПУТЕШЕСТВИЕ ШХУНЫ «ДВОЙКА». Эта шхуна долго плавала по страницам одной веселой стенгазеты, и за приключениями ее экипажа с увлечением следили толпы читателей. Члены редколлегии «сажали» на шхуну ребят, получивших двойки. В коротких фантастических рассказах, снабженных рисунками, описывались злоключения двоечников, вызванные их собственным невежеством. «Корабельный кок» должен был запасти продовольствия на целый год, но, не зная математики, он так напутал в расчетах, что продовольствия хватило лишь на двенадцать дней. «Штурман», получивший двойку по географии, приводил судно вместо Средиземного моря в Ледовитый океан. «Капитан», который был слаб в орфографии, запечатывал в бутылку и бросал в океан такую записку, что из нее никто не мог понять, что за корабль терпит бедствие и в каких водах он находится. Кое-что в «Путешествии шхуны «Двойка» было взято из известного мультфильма «Остров ошибок», но много остроумных вещей ребята придумали сами.

Как борются наши стенгазеты с курением?

Обычно они изображают курильщика с огромной папиросой во рту. Под таким рисунком следует подпись: вот, мол, Сидоров курит и не понимает, какой вред он наносит своему здоровью.

Несколько лет назад я увидел в одной стенгазете два фото: на одном был запечатлен самоуверенный мальчишка с папиросой в зубах, на другом — цепочка юных бегунов в трусах и майках. Самый последний из бегунов получился на снимке таким маленьким, что лица его невозможно было разглядеть. Над его фигурой был процарапан белый крестик. «Петя Козлов у себя во дворе» — гласила подпись под первым фото. «Петя Козлов (помечен крестиком) на соревнованиях в беге на 300 метров» — было написано под вторым снимком. Смотрели ребята на эти два снимка, и не надо было никаких лекций о вреде курения: все и так было ясно.

Интересно, как появились в газете эти снимки. Сначала школьный фотограф принес в редакцию снимок бегунов. Стали разглядывать фигурки юных спортсменов, узнали у фотографа, что последним бежит Петя Козлов. Тут вспомнили, что Петя Козлов один из самых заядлых курильщиков, и решили не помещать снимка бегунов до тех пор, пока Петя не будет сфотографирован с папиросой в зубах. Фотограф много потрудился, прежде чем сфотографировал Козлова со вздернутым носом и таким важным видом, который особенно подчеркивал его жалкое положение в цепочке бегунов.

Я привел несколько примеров того, как иные школьные журналисты умеют избитые, «вечные» темы подавать в газете весело, интересно, убедительно. Ну, а самый круг тем, которые освещаются в школьных сатирических газетах, разве нельзя расширить? Успеваемость да дисциплина, дисциплина да успеваемость... иной раз так и кажется, что, кроме этих вопросов, больше не существует ничего.

— Кто терпит бедствие?! Где?! Ничего не разберешь...

Я знал восьмиклассницу — круглую отличницу. Собираясь на званый вечер, она нечаянно пролила на свое красное платье мамино лекарство, содержащее соляную кислоту. На платье мгновенно выступило темно-синее пятно. Отличница не пошла в гости и ревела до тех пор, пока не явился ее младший брат. Он не был отличником, но все же сообразил, что если платье посинело от

кислоты, значит, оно окрашено краской, имеющей много общего с лакмусом. Он смазал пятно раствором нашатырного спирта, и пятно исчезло, ткань снова стала красной.

Разве мало у нас таких отличников-зубрилок, которые не умеют применить на практике полученные знания? Разве не стоит нашим сатирическим газетам подвергнуть их такому же обстрелу, какому мы подвергаем двоечников?

Мы часто «протаскиваем» какого-нибудь Петрова и Иванова за то, что они шумели и дурачились во время пионерского сбора. Но мы очень редко критикуем совет отряда, который не сумел этот сбор сделать интересным, или пионеров, которые любят поворчать на скуку, а сами не желают палец о палец ударить для того, чтобы жизнь в отряде стала интересной...

Я бы мог перечислять темы для школьных сатирических газет еще на трех страницах. А ведь я не школьник, я сравнительно редко бываю в школах. Сколько же тем, сколько интересного материала найдете вы, товарищи школьные журналисты, если повнимательней приглядитесь к тому, что делается возле вас!

Только не подражайте тому, что уже сделали до вас другие. Ищите свое, новое.

А главное, не бойтесь шутить, не бойтесь веселиться на страницах своих газет так, как шутите с близкими друзьями. Только тогда получится понастоящему смешно.

— Э, да тут никак про меня!

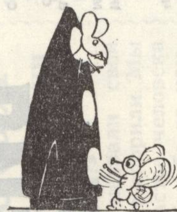
ПОЧТИ ПО СКАЗКЕ

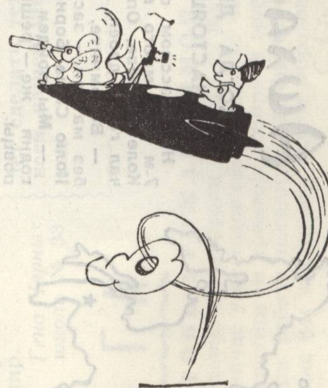
— Кто, кто в тереме живет?

— Я собака Стрелка.
— Я собака Белка. А ты кто?
— Я мышка-норушка.
— Иди к нам жить.

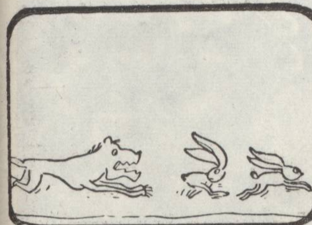

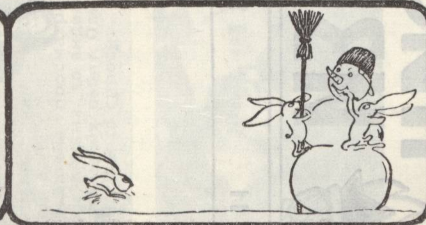
— И меня, муху, впустите!..

И стали они дружно жить, работать и путешествовать.

ДРУЖНАЯ ЗАЩИТА

Рисунки А. Шабанова.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 11 НОЯБРЬ 1960 г.

ВЫСОКО В ГОРАХ

Вот уже несколько лет пионерка-шестиклассница Аттокур Дюшеналиева помогает своей матери пасти овец на высокогорных пастбищах.

На фото вы видите Аттокур в тот момент, когда она отправляется с зимовки в горах Кочок-Булака вниз, в поселок, чтобы привезти соль для стада.

Совхоз «Кочкорка»

Ашхабад

КОГДА ДРУЗЬЯ НАСТОЯЩИЕ

На классном собрании в 7-м «Б» много говорили о Коле Ризаеве. Опять он начал год с двоек.

— Вспомните, он живет без матери,— заступился за Колю Саша Борисов.

— Мы пойдем к нему сегодня же,— решили тимуровцы.

И вот пионеры уже стучат в дверь Колиного дома.

— Где Коля?

— А вы к нему зачем пожаловали? Работы у него много.

— Мы не играть пришли, а помогать. Мы с Колей в одном классе.

— Тимуровцы, значит? — сказал Колин папа.

— Да. Вам вдвоем, конечно, тяжело справляться с хозяйством. Мы поможем Коле и в учебе и дома.

Г. Григорьянец, Г. Васина, школа № 19.

ОДЕССА

С ГОРДОЙ ПЕСНЕЙ

Эту историю о пионере-герое мы узнали недавно. Миша Романюк во время оккупации Одессы оставался в городе. Мишу, как и других мальчиков его возраста, немцы заставляли работать на себя. Ребята ненавидели врагов. Однажды ночью, утащив автомат, они бежали. На улице их встретила колонна мотоциклистов. Завязалась перестрелка. Когда кончились патроны, ребят окружили... Спастись им не удалось. Пионеры погибли, как герои. С гордой песней шли они на расстрел.

Иркутск

САЯНЫ, ОТКРОЙТЕСЬ!

Шаг за шагом продвигаются юные кладоискатели Тальянской средней школы. Маршрут путешествия проходил через Саяны на Аршан, затем — Байкал, Иркутск, Усолье... Взбираясь на крутые склоны Саян, ребята заметили хрупкие камни желтого цвета. Оказалось, что это тальк и запасы его имеют большое промышленное значение.

Галя Ладейщикова

Орловская область

ГЕНА ФЕДОРОВ — МОЛОДЕЦ

Второклассник Вова Гуреев решил покататься по льду пруда. Внезапно тонкий лед треснул. Малыш оказался в воде.

Это увидел ученик 6-го класса пионер Гена Федоров. Он кинулся в полынью за Вовой и вытащил его на берег. Оба друга живы и здоровы.

И. Федоров

село Савватьма, Ермишинский район.

СТАЛИНАБАД

Ученики 7-й средней школы Сталинабада очень любят старинные таджикские танцы. В прошлом году пионеры создали свой ансамбль. В нем принимают участие ребята из всех отрядов. Недавно шестиклассницы подготовили новую программу.

Поет зурна в умелых руках. Звенит веселый напев. Вместе с танцорами из 7-й школы часто выступает оркестр народных инструментов городского Дома пионеров.

Фото В. Лиферова.

МОСКВА

СЮЖЕТ ФИЛЬМА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В БЫЛЬ

Наш 7-й «Б» был самым обычным классом. Но вот как-то весь класс пригласили сниматься в картине «О тех, кто не боится трудных дорог». В фильме рассказывается о борьбе одного отряда за звание «спутника семилетки». Мы много ездили, смотрели, как работают старшие.

Когда мы просматривали куски фильма, то видели замечательных ребят. Один рабочий как-то спросил, о нас

ли этот фильм. Нам стыдно было ответить. Вот тогда у нас и возникло решение: сюжет фильма превратить в жизнь. Это решение мы выполнили — стали отрядом «спутником семилетки».

Женя Берлянд,
школа № 208.

ГОРЛОВКА

ПИОНЕРСКИЙ ПАРК

Пионеры города Горловки решили посадить за двухлетку 100 тысяч деревьев, разбить парк, заложить питомники в каждой школе и озеленить трассу канала Северный Донец — Донбасс.

ЮнТАСС

СТАЛИНГРАД

УЧАТСЯ И УЧАТ

Члены хореографического кружка Краснослободского Дома пионеров несколько лет занимаются со своими младшими товарищами — октябрятами. Им выданы удостоверения пионеров — инструкторов по танцам.

Леня Зорин

ХАБАРОВСК

РАЗГОВОР О ЖИЗНИ

«В чем счастье советского человека?»

Так мы назвали свой диспут. Долго спорили. Мы решили: счастье человека в труде, в борьбе за коммунизм и мир.

Гена Черных,
школа № 33.

РИГА

ГОТОВЬ УРОЖАЙ ЗИМОЙ

Совсем недавно мы собрали урожай со школьного участка, а сейчас уже готовимся к весне: чиним инвентарь, ремонтируем трактор, собираем золу, торф.

Летом наши ребята посадили 100 фруктовых деревьев. Сейчас мы защищаем сад от морозов.

С. Ставинский,
Кидринская средняя школа.

Мы, пионеры отряда имени Миши Романюка, решили добиться того, чтобы наш отряд оправдал высокую честь носить имя Миши.

Корнберг Елена,
5-й «А» класс,
школа № 90.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ

ЛЕНИНГРАД. Скоро откроется новый ТЮЗ на тысячу человек. Летом и осенью пионеры помогали строителям.

ЧЕРЕМХОВО. Пионерки 5-го класса школы №13 Галя Дудинская и Люба Брусенцева собрали 5 тонн металлолома. Это городской рекорд.

НАЛЬЧИК. На грядках в юннатской теплице школы №11 уже зеленеет новый урожай овощей.

МЕТАЛЛ ДЛЯ ПЕРВЫХ ТРУБ

Наша дружина провела два субботника по сбору металлолома. Мы собрали 8 тонн металла для стройки нефтепровода «Волга — Центральная Европа».

Пионеры школы № 209

ТЕТРАДИ НА ЦЕЛЫЙ ГОД

Обещаем сдать государству столько старой бумаги, что из нее можно будет сделать тетради и учебники для всей нашей школы на весь учебный год.

Пионеры школы № 47

ХАРЬКОВ

ЧТОБЫ СТРОИТЬ НОВЫЕ ДОМА

Недавно строители города Хабаровска получили хороший подарок. Пионеры 1-й харьковской школы имени Ленина прислали на Дальний Восток новый бульдозер, сделанный из металлолома, который собрали школьники. В письме к строителям ребята пишут:

«Мы надеемся, что наш бульдозер поможет вам построить много новых светлых домов».

Алеша Викторов

Ульяновская область

ПИОНЕРСКИЕ ПАТРУЛИ

У нас в селе есть клуб, но в клубе во время сеансов был беспорядок. Ребята да и взрослые парни шумели, бросали на пол бумажки. Теперь в клубе появились пионерские патрули, которые следят за порядком.

Толя Железнов

село Болшево.

Такой денек редко выпадает в осеннем Ленинграде. Наверно, и улов будет неплох.
Фото А. Ритова,

Редколлегия: Алеша Шестопал (редактор), Таня Копылова, Миша Корси (художник).

Мой брат, мой брат

Нора БУРКЕ

Рисунки П. Кирпичева.

Маленький брат Шер Синга лежал в хибарке; у него болел живот, и боль все усиливалась. Шер Сингу было всего двенадцать лет, тело у него было коричневое, нрава он был веселого — настоящее дитя джунглей. Братишка был несколькими годами моложе. Были в семье и другие дети, но они умерли от холеры, инфлюэнцы и других болезней или стали жертвой несчастного случая в джунглях. Остались только Шер Синг и его маленький брат Кунвар.

— Я смочу тряпки в кипятке и положу ему на живот,— сказала мать. Она не улыбалась. Она не плакала: ей приходилось видеть немало горя.

— Что мне делать? — спросил Шер Синг, у которого душа болела за братишку.— Пойду соберу хворосту и разведу огонь. Да схожу за водой. Дай-ка мне тряпки.

Они сожгли много топлива, чтобы поскорее нагреть воду. Прикладывали горячие тряпки к животику ребенка, но через некоторое время мать Шер Синга сказала:

— Нужно отнести его в больницу в Калагат.

Тогда Шер Синг понял, что его брат умирает. Он понял это, когда мать произнесла слово «больница», так как людям, населяющим джунгли, известно, что больница — это прибежище обреченных. Горло у него сжалось.

— Побегу за отцом,— сказал он.

— Пройдет несколько дней, прежде чем ты найдешь его.

Об отце Шер Синга шла слава как о Багадуре — смелом; он был знаменитым охотником — шикари и за все свои подвиги получил вместо медали титул Багадура.

Он жил здесь, в деревне Лалдвани, пас свой скот, возделывал клочок земли. Но если где-нибудь собиралась экспедиция в джунгли за крупным зверем, чтобы убить или сфотографировать его, то посылали за этим смелым человеком — Шер Сингом Багадуром.

Он находил тигра там, где тигры вовсе не водились. Он смотрел на высохшую траву и рассказывал обо всем, что происходило на этом месте. Он прислушивался к вою шакала и говорил:

— Только что пантера загрызла одного из них, и они все еще видят ее вместе с добычей.

Затылок, плечи и спину Багадура пересекал огромный шрам: когти тигра распластали его тело до костей, в то время как он вырывал товарища из пасти хищника. На ноге у него был след от укуса змеи: он надрезал рану ножом и прижег ее. На руке не хватало двух пальцев. А однажды он шел пять миль через джунгли, обвязав головной повязкой живот, разодранный когтями. Шер Синг Багадур!

Теперь он отправился в джунгли с экспедицией, чтобы фотографировать животных. Все мужское население деревни сопровождало его в качестве загонщиков.

А в этой слепленной из глины и травы хижине на низком лежаке умирал Кунвар. Время от времени он кашлял от дыма, но чаще всего лежал и молчал, упершись взглядом в одну точку.

Шер Синг, сын своего отца, смотрел на младшего брата и видел в его глазах смерть.

— Все мужчины ушли из деревни,— сказал он.— Я отнесу его сам.

Мать должна остаться дома, чтобы ходить за скотом и обрабатывать землю, иначе они все умрут с голоду.

Мать была женщиной с гор, она понимала, что такое носить тяжести. Дом, в котором она родилась и выросла, находился высоко в горах, тесно обступивших деревню Лалдвани. Она умела подвязывать ношу, укрепляя ее полосой материи, обернутой вокруг головы и спускавшейся на спину так, чтобы сильные шейные мышцы помогали нести груз в течение целого дня без отдыха.

Мать взяла одно из своих двух сари и сделала петлю, которой Шер Синг обернул голову. Затем она подняла скорчившегося от боли Кунвара и вложила его в петлю.

Шер Синг тотчас же ощутил жар, исходивший от больного ребенка. Он почувствовал также его тяжесть и подумал о том, удастся ли ему справиться с ношей.

— Он слишком велик для тебя,— сказала мать. От отчаяния она говорила шепотом.— Ты никогда туда не доберешься.

Шер Синг ничего не ответил. Он отправился в путь. Был вечер. Хижины в деревне Лалдвани были залиты ярким оранжевым светом. Вокруг деревни лежали клочки обработанной земли и майдан, на котором пасли скот. Тянулись изгороди, сплетенные из веток терновника, стоял загон, в который лесные сторожа загоняли скот, пойманный в лесных заповедниках. Затем пошли широкие луга с выгоревшей травой. Их выжигали, чтобы спасти деревню в случае пожара в джунглях.

Сперва кустарники, сухая трава, редкие деревья, покрытые шипами, затем более мощные деревья, из которых делают шпалы для железной дороги в Калагате. До нее было добрых пятьдесят миль, но Шер Синг считал, что если ему удастся пройти через джунгли и пересечь две реки, лежавшие на его пути, то дальше его подвезет какая-нибудь повозка на быках или разбитый грузовик.

Но это потом. А здесь он был один на пыльной дороге, уходившей вдаль, в ночь.

Но оказалось, что не совсем один: какое-то неопределенное чувство заставило его замедлить шаг — и гревшаяся в последних лучах заходящего солнца кобра метнулась с тропинки вверх, показав похожий на очки узор на своей коже.

Шер Синг стоял, точно окаменев. Потом очень осторожно начал отступать.

Медленно покачиваясь, кобра наблюдала за мальчиком. Затем кобра опустила голову, и ее красивое тело с блестящей, как металл, чешуей исчезло в густой высокой траве.

Шер Синг вздохнул с облегчением. Скованность, возникшая в ногах при виде змеи, прошла, и к нему вернулась способность двигаться.

Кунвар, ерзавший и стонавший за его спиной, становился все тяжелей. Ах, если бы можно было отдохнуть, расслабить натруженные ношей мускулы! Но отдыхать было еще рано, и он пошел дальше.

Вокруг него простирался девственный лес, в котором все живое боролось за жизнь, так же как и в начале мироздания. Буйный бамбук распускался из почек, непроходимые заросли терновника отвоевывали пространство, пробивались вверх деревья, трава и молодой кустарник. В этих джунглях было много животных: обезьяны, каменные петушки, тигры и пантеры, медведи и слоны. С тех пор как олени почти исчезли, истребленные охотниками и мором, хищные звери стали убивать домашних животных. А иногда и людей.

Настала ночь. Небо окрасилось пурпуром. Потом стало черным. Загорелись звезды. У Шер Синга были зоркие глаза, он все еще различал дорогу, а вскоре поднялась луна.

Отпечатавшиеся в пыли следы медведя — широкой передней лапы и узкой задней с мощными когтями — заставили его оглянуться с опаской. Однажды он видел человека, искалеченного медведем, и каждый раз, когда вспоминал его, к горлу подступала тошнота.

Шер Синг ускорил шаг.

Добравшись до скалистого берега реки, он понял, что не сможет двигаться дальше, если не отдохнет. Пот струйками стекал по его дрожащему телу.

Прислонив свою ношу к дереву и сдвинув повязку со лба, он осторожно опустил Кунвара на землю.

— О-о-о! — закричал Кунвар.

— Как мне помочь тебе? — спросил Шер Синг со слезами, но ребенок бредил и ответил какую-то чепуху.

Вдруг все мускулы Шер Синга свело от острой боли: кровь прихлынула к тому месту, где его лоб сжимала повязка. Он лег под дерево и закрыл глаза, чтобы прийти в себя.

И тогда он услышал топот и крики слонов.

У слонов редко бывает необходимость про-

бираться через джунгли тихо; это стадо, по-видимому, шло на новое пастбище. Шер Синг был рад, что слоны были внизу.

Река блестела в лунном свете, как серебро. Полоса белой гальки, окаймленная колючим кустарником, простиралась по обе стороны мелкой бормочущей реки, полной форели. Вдоль русла виднелись длинные полосы песка, и по ним шли слоны, оставляя за собой хаос следов.

Хлопали уши, раскачивались хвосты, темные тени двигались по темному песку. Они были настолько близко, что Шер Синг чувствовал их запах, слышал, как хрустел песок под их ногами, как скрипела грубая кожа, когда слоны сталкивались и терлись друг о друга боками. Он видел, как они вскидывали вверх свои большие головы и двигали крупом.

Слон с большими бивнями размахивал хоботом, чтобы установить направление ветра. Вдруг он замедлил шаг, его хобот был обращен в сторону, где притаились мальчики.

Шер Синг похолодел от страха. Он не мог бежать с Кунваром на руках. А если он закричит, то это только навлечет на них несчастье. С его губ, словно испуганные птицы, слетали молитвы.

Слон фыркнул, затрубил, затряс головой. Вдруг он бросился вверх по руслу реки, и все стадо потянулось за ним. Скоро оно исчезло.

Шер Синг пробормотал еще одну молитву, на этот раз благодарственную, и стал готовиться в дальнейший путь. Он сел спиной к Кунвару и снова наложил на лоб повязку.

Но подняться он не мог. Старался изо всех сил, но ничего не получалось. Вдруг он услыхал издалека крик слона и в ту же минуту очутился на ногах с ношей за спиной. Спотыкаясь, он спустился к руслу реки. Он часто бывал здесь днем и знал, что в это время года, перед тем как начнет таять снег в горах и вода хлынет вниз, словно кипящее молоко, ему легко будет перейти реку вброд. Река была широкая, но мелкая. Это можно было определить по шуму, с которым ее воды неслись по гальке. Выскочила форелька, и луна блеснула на ее чешуе, будто в зеркале.

Мальчик вошел в реку.

Вода была холоднее, чем обычно, почти ледяная, а в середине реки было глубже, чем раньше. Из-за тины, покрывавшей камни, приходилось двигаться очень медленно. Чтобы не упасть, нужно было ногой нащупывать дно, прежде чем ступить. Вода доходила Шер Сингу почти до пояса. Может быть, снег на горах уже начал таять.

«Хорошо, что через вторую речку перекинут мост»,— подумал мальчик, уже видя этот мост в воображении. Он хоть и не очень устойчив, но все же это мост. В каменистое дно реки были вбиты бамбуковые стволы, связаны вместе и заполнены камнями, образуя таким образом быки моста. На эти быки тоже набросали бамбука, устлали его толстым слоем травы, а сверху накидали речной гальки.

Когда Шер Синг выбирался на берег, в следах от его ступней скапливалась вода и через секунду впитывалась в песок. Из реки выходил еще ряд следов — тигровых, и они тоже блестели и высыхали у него на глазах.

Он продолжал упорно идти вперед. Отдыхать приходилось через каждый час, и идти становилось все труднее, хотя теперь он научился проворно поднимать свой груз. Все тело болело, мальчик плакал, сам того не замечая.

Около полуночи он услышал плеск второй реки. Звук доносился издалека — однообразный рев потока. Он увидел его, подойдя к берегу.

Должно быть, вчера на горе растаяла огромная шапка снега, и сейчас река кипела в берегах. Он стал искать глазами мост. Моста не было. Только яростно бурлящий водяной вал на том месте, где он затонул. И захлебнувшаяся коза, прибитая к нему потоком. Стволы торчали из водоворота, словно руки мертвеца, и вода разбивалась о них и падала блестящим каскадом. Камни на дне пришли в движение; Шер Синг слышал, как река скрежетала зубами.

В этот момент в водопаде появилось целое дерево, оно неслось все быстрее и быстрее, набирая скорость и устремляясь к затопленному мосту. Раздался громкий треск, мост зашевелился, как чудовище, перевернулся и сломался, веером раскинув свои бамбуковые ребра. Новый поток воды перекатился через него.

Как же перейти теперь на ту сторону? Переплыть нельзя. Он погиб бы даже без своей ноши. Но, может быть, можно перебраться по обломкам моста?

Шер Синг посадил Кунвара на землю и принес ему в пригоршне воды из реки.

— Брат мой...— прошептал ребенок, хватая губами воду.

Шер Синг нарвал травы и свил из нее веревку. Стебли были острые и порезали ему пальцы. Он привязал брата к себе, чтобы не потерять его. Затем он вошел в воду в том

месте, где был мост. Поток подхватил его и повалил на обломки моста. Сперва Шер Синг не мог пошевелиться, потом стал понемногу пробираться в потоке, хватаясь за все, что попадалось ему под руки, и избегая расщепленных концов бамбука, таких острых, что они могли бы смертельно поранить наткнувшегося на них человека.

Грохот потока оглушал его, обломки били по телу, холод сковывал так, что он с трудом удерживался на ногах. Он задыхался от сыпавшихся на него мелких брызг. Вода обдавала его ледяным каскадом. Он не знал, жив ли еще его брат, но старался поддерживать голову ребенка над водой. Так он пробирался вперед, преодолевая дюйм за дюймом, оглушенный, ослепленный, коченеющий от холода. Этому не было конца.

Он цеплялся и стонал, борясь за жизнь. Наконец все осталось позади. Река потеряла над ним власть. Он перешел ее. Но он так промок и продрог, что не в силах был даже выжать свою набедренную повязку. Ткань облепила его бедра, он дрожал от холода. Спотыкаясь, он побрел дальше. Все вперед и вперед. Колени подгибались и дрожали. Ноги не держали его. Он пополз на четвереньках. Наконец показалась дорога.

Откуда-то издалека, из другого мира, послышался лай собак, возвещавший близость деревни.

Потом он помнил только, что очутился в повозке, запряженной быками, затем в грузовике.

— Откуда ты идешь, мальчик?

— Из Лалдвани.

— И ты нес его один? Через реку?

И вот они в больнице.

Шер Синг всегда робел, попадая в настоящий дом. Он не вошел в здание. А когда настало утро, он пошел к железнодорожному складу, чтобы наняться там на работу, грузить уголь. Он работал весь день и заработал несколько пенсов, на которые купил немного муки, немного горчичного масла и пару стручков красного перца. Из всех этих припасов он сварил похлебку. До сих пор он работал изо всех сил, и усталость притупила тревогу за брата, но теперь его начало мучить беспокойство.

Наконец его вызвал врач. Он не послал за ним санитара, он сам вышел на веранду.

— Шер Синг Багадур, ты здесь?

— Моего отца здесь нет,— ответил мальчик, подходя к веранде. Ему было стыдно, потому что он сильно дрожал, а на его щеках, покрытых угольной пылью, были разводы от слез.— Отца здесь нет, но Шер Синг — это я.

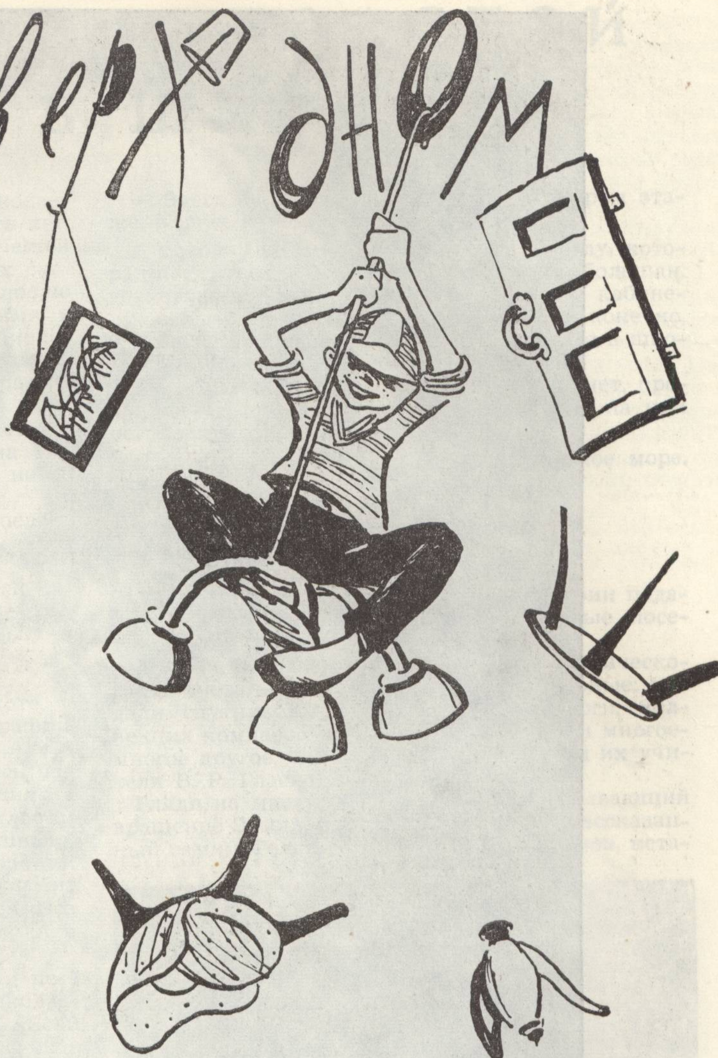
— Это ты принес ребенка из Лалдвани?

— Да.

— Шер Синг Багадур! — сказал врач твердо.— Твой брат будет жить.

Перевод с английского Е. Штих.

ДОМ ВВЕРХ ДНОМ

Х. ПЕРНАЛД

Когда однажды мальчик Том
Приехал в тетин дом,
Сказали люди:
«Он весь дом
Перевернул вверх дном!»

Мне непонятно лишь одно:
Где у домов бывает дно!
Ведь если дном
Считают низ,
То, значит, вниз
Ушел карниз,
А там, где был карниз,
Теперь
Красуется
Входная дверь,
И верите — не верите,
Но люди ходят в двери те
И бродят, словно мухи, там
Вниз головой,
По потолкам.
Там даже пьют с большим трудом.
Стакан с водой,
И тот вверх дном!

Когда уедет мальчик Том,
Перевернут на место дом.
Боюсь я только,
Что потом
Ко мне
Гостить приедет Том
И нам придется с вами
Жить тоже
Вверх ногами!

ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ

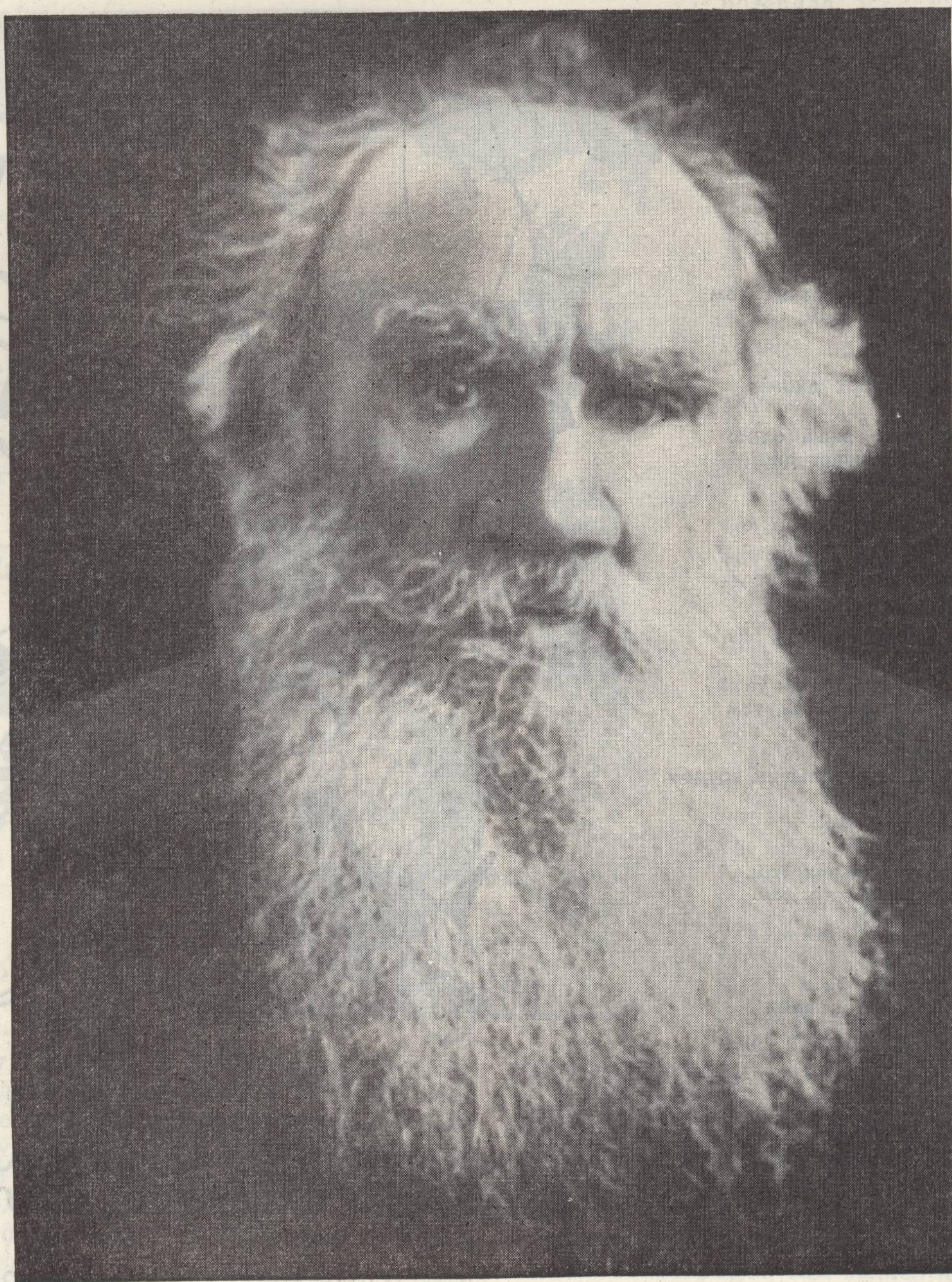

А. КОЛДУЭЛЛ

Худенький Томми высок и строен,
А Вилли и ниже и толще втрое.
Тэдди, глядя на них, не решил,
Расти ему вверх или только вширь:
Как Томми — с юга на север или
С востока на запад,
как делает Вилли.

Перевел с английского **Ю. Поляков.**

Рисунки Е. Медведева.

Лев Толстой! Это имя известно в нашей стране всем от мала до велика и миллионам, сотням миллионов людей за рубежом.

В раннем детстве мы слушаем чудесную сказку «Три медведя», запоминаем на всю жизнь басню «Два товарища», «Кавказского пленника», потом открываем страницы «Детства», «Отрочества» и «Юности», а с годами читаем и перечитываем «Анну Каренину», «Воскресение», «Войну и мир», восхищаясь гением Льва Толстого.

«Какая глыба, а? Какой матерый человечище?— говорил о Толстом В. И. Ленин.— ...Кого в Европе можно поставить рядом с ним?.. Нѐкого!»

20 ноября весь мир отмечает пятьдесят лет со дня смерти великана русской литературы Льва Николаевича Толстого.

ЕСЛИ БЫ ЛЕВ ТОЛСТОЙ ВОШЕЛ В ШКОЛУ...

Век тому назад. Это очень давно. Лев Николаевич Толстой еще молод, ему всего тридцать лет. Но он уже признанный писатель, автор повестей «Детство», «Отрочество», «Юность» и многих рассказов. Теперь, наверно, он примется за новую книгу, которая еще выше подымет его имя в глазах читательской публики? Но нет. К удивлению всех, он открывает в Ясной Поляне школу для крестьянских детей и даже сам собирается учить в ней.

Недоумевают и яснополянские крестьяне: «Как? Почему? Не обман ли какой? Махина ли махонькая учить бесплатно. Их, пожалуй, наберется пятьдесят ребят, а то и больше».

А некоторые даже говорят, что если послать своих ребят учиться, «так «грах» обучит и отдаст их царю в солдаты».

Но так или иначе, в одно из первых чисел октября 1859 года по длинному «прешпекту» — как называли крестьяне аллею, ведущую в усадьбу — к крыльцу барского дома потянулись дети.

Всего собралось двадцать два человека.

Лев Николаевич стал учить их и грамоте, и арифметике, и чтению, и истории, и географии, преподавал им даже химию и физику.

Учение пошло весело и бойко. Собирались рано, в деревне было еще темно. Толстой ходил из комнаты в комнату, потому что было два класса: старший и младший. Давал задания, спрашивал. Часто вот так за уроками забывал позавтракать. Когда проходило несколько часов, он звал ребят в сени и там занимался с ними гимнастикой. Все показывал сам: и на козлах и на брусьях. А в другой раз выбежит на воздух и крикнет:

— Ну, все на меня валяйте! Свалите или нет?

Зимой — катанье с гор, снежки. И Лев Николаевич, сам «грах», играл с ребятами заодно. «Если жить в таком веселье,— вспоминал один из любимейших учеников Толстого, Василий Морозов,— не увидишь, как и век пройдет».

А под вечер были свои занятия. В сумерки особенно хорошо слушать разные истории или самому сочинять. Лев Николаевич был мастер рассказывать — заслушаешься. А то даст пословицу — и по ней целую повесть наговорить можно. Ребята вслух сочиняют, а Лев Николаевич быстро за ними записывает. Так работа разгорится, что и домой уходить не захочешь.

Но пора. Уже совсем темно. Толстой идет провожать ребят и всех разводит по домам.

«Мы были неотлучны от Льва Николаевича,— вспоминал тот же Василий Морозов,— и нас разделяла только одна глубокая ночь».

Школа Толстого просуществовала до 1863 года, когда Лев Николаевич женился и начал писать «Войну и мир».

И вот спустя сто лет я иду в Ясной Поляне по той дороге, по тому же «прешпекту», по которому стекались в толстовскую школу первые ученики.

Правнучка одного из первых учеников Толстого Таня Макарова показывает мне старый дом, где сейчас музей.

— Здесь была школа Толстого, на втором этаже, в двух комнатах.

А потом Таня ведет меня в свою школу, которая носит имя Л. Н. Толстого. Она очень большая, двухэтажная, длинная-длинная. Классы, кабинеты, залы — сколько их! Да и учеников, конечно, теперь не двадцать два. Первого сентября в школу пришло около пятисот ребят.

Когда входишь в географический кабинет, превращенный в музей, не сразу решаешь, на чем остановить глаз.

«Раковины морских моллюсков. Черное море. Крым».

«Пески Ясной Поляны».

«Осколки стекла, окатанные прибоем».

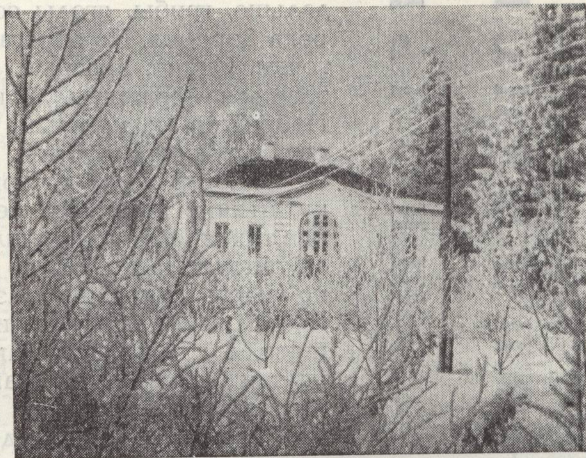
«Балтийская вода».

Коллекция минералов. 159 образцов.

Фото Лиона и Парижа. «Эти фотографии подарили нам французские учителя, которые посетили нашу школу».

А в так называемом малом зале географического кабинета — вещи еще более удивительные: модели спутников, ракет, подвесной дороги, коллекция компасов, маятник Пошехонова и многое-многое другое, сделанное руками ребят и их учителя В. Р. Гласко.

Глядя на маятник Пошехонова, доказывающий вращение Земли, я вспоминаю случай, рассказанный самим Толстым. Один из его учеников, кстати говоря, прадед Тани, Игнатка Макаров, никак не мог поверить, что Земля вращается. «Как же Земля ходит, а изба наша все на том же месте стоит?— спрашивал Игнатка,— и она бы должна с места сойти!» И как Толстой ни втолковывал, как ни бился, Игнатка и другие ученики ничего не поняли. А теперь с помощью маятника Пошехонова почти каждый яснополянский школьник докажет вам, что Земля вращается.

В этом доме в 1859—1862 годах была школа Толстого. Сейчас здесь литературный музей.

А еще, если пройти в дальний уголок геогра-

фического кабинета, то увидишь самое дивное — маленький планетарий.

Я присутствовал, когда члены географического кружка под сильным ветром завершали строительство купола обсерватории и прибивали памятную табличку: «1959».

Мне часто думалось: что, если бы Лев Толстой сегодня вошел в школу, его бы, конечно, удивило не одно это. Ведь обсерватория — яркое, но не единственное интересное дело в новой школе.

Я говорю: если бы Лев Толстой вошел в школу... Но он словно и так каждый час здесь незримо. Все тут помнит и чтит Толстого. И когда просишь ребят рассказать о себе, о родной им Ясной Поляне, они не могут не упомянуть: «Вот здесь бывал Лев Николаевич Толстой...», «Сюда он приходил посидеть...», «Тут было его любимое место...»

Так в памяти правнуков первых учеников Толстого — сто лет спустя — живет образ великого русского писателя и учителя.

Вл. Глоцер

Члены географического кружка вместе со своим учителем В. Р. Гласко у купола обсерватории.

РАССКАЗЫ ЯСНОПОЛЯНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

МЕСТО, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Я живу в деревне Ясная Поляна. Здесь жил замечательный русский писатель Лев Николаевич Толстой. Я, правда, здесь не родилась, а живу всего пять лет. Но все-таки я горжусь, что я живу в Ясной Поляне. Каждое утро я вижу ее милые улицы и дома. Мой дом стоит на полянке около ореховой рощи.

Встанешь утром летом — и пошел путешествовать по горам, по долам, правда, гор у нас нет. Войдешь в лес. Прекрасно! Птички поют. Кукушка сидит на березе и кукует, высчитывает дни, годы. Встанешь и спрашиваешь кукушку, сколько лет мне жить. Станет куковать, ждешь, ждешь, а она все не кончает, бросишь и уйдешь. Пойдешь дальше, грибы, ягоды собираешь, только не в кошелку, а в рот. Вот река Воронка. По берегам Воронки рассыпались мелкие, крупные цветочки. Синие, красные, белые, всяких цветов. Разденешься, побарахтаешься — и пошел дальше, только не вплавь, а пешком через мост. Побродишь и, усталый, возвращаешься домой. Далеко, верст пять, то есть километров пять.

Я часто хожу в парк Льва Николаевича Толстого. Идешь по парку, птички поют, вот белка пробежала. Мне захотелось поймать, но она такая юркая, и я ушла ни с чем, только разорвала платье и потеряла тапочек. Дойдешь до любимой скамейки, сядешь, посидишь, приятно сидеть, закроешь глаза и представляешь Льва Николаевича Толстого, который как будто сидит со мной на лавочке и беседует. Откроешь глаза, а никого нет. Закроешь — и опять. Спрашивает он меня. Как учатся дети в школе. Какая дисциплина. Но вот уже стемнело. Нужно открывать глаза и идти домой. В Ясной Поляне красивый закат солнца. Солнце медленно садится на верхушки деревьев, но потом и совсем скрывается за горизонт. Кто не видел и не был в нашей деревне, пусть обязательно приедет и посмотрит на любимую скамейку Льва Николаевича, на закат солнца, а мне пора кончать, кончается урок.

Валя Азаренко, 13 лет

ДЕРЕВНЯ ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Недалеко от усадьбы Л. Н. Толстого расположено кафе. У нас в Ясной Поляне есть Дом культуры. Я часто хожу туда в кино. А еще есть сельмаг. Раньше в Ясной Поляне жили плохо. Раньше у крестьян пол был земляной, а теперь не земляной. Теперь в Ясной Поляне электрическое освещение. Многое изменилось в Ясной Поляне.

Ольга Макарова, 9 лет

ПРОСТОЙ И ДОБРЫЙ

Я заметил, что Л. Н. Толстой был простой и добрый человек. Мне больше всего понравилась лавочка Л. Н. Толстого. Это простая, жалкая лавочка. Л. Н. Толстой любил на ней сидеть. Она и сейчас стоит в Чепыже. И вообще он был простой и к тому же добрый. Л. Н. Толстой любил работать и помогал крестьянам во всем и всегда. Бывало и так: придет крестьянин и говорит: «Дайте, пожалуйста, пшена или гречихи». А больше всего просили денег. Л. Н. Толстой советовался с крестьянами.

Виктор Галкин, 10 лет

Этот рисунок сто лет назад сделал один из учеников Толстого. На нем изображена школьная сценка: кто перетянет? «Ну, ну, Тараска!» А слева стоит сам Лев Николаевич. Короткая надпись в верхнем углу — «милый человек Лев Николаевич» — лучше всего говорит о том, как ученики любили Толстого.

ДЕРЕВО БЕДНЫХ

Когда я ходила летом, то видела дерево бедных. Дерево бедных такое огромное, пушистое, красивое, а летом оно такое зеленое! Зимой оно стоит голое и грустное.

Нина Фролкова, 10 лет

Дерево бедных названо так потому, что в разное время года к этому дереву сходились бедные люди. Л. Н. Толстой говорил с ними, как надо жить и многое другое. Дерево бедных стоит в парке около дома Л. Н. Толстого. У дома Л. Н. Толстого растут цветы разных цветов. Летом, когда они расцветут, очень хороший запах.

Антонина Тертус, 9 лет

ЛЮБИМАЯ СКАМЕЙКА Л. Н. ТОЛСТОГО

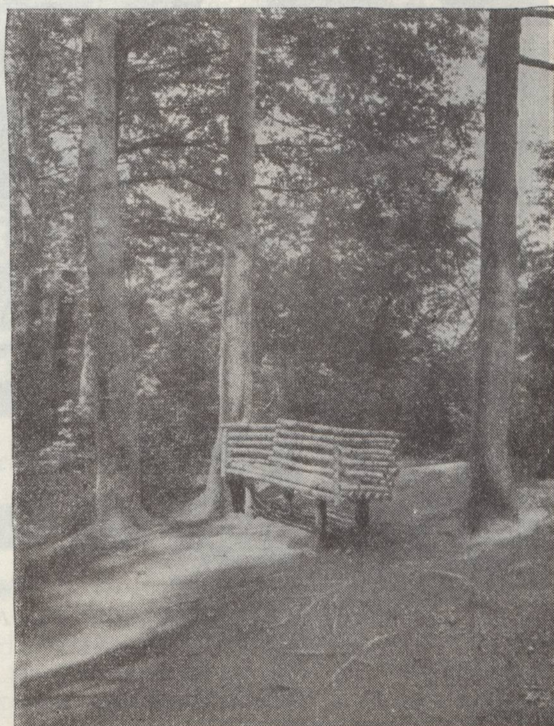
Я живу в деревне Ясная Поляна. В этой деревне жил раньше известный всему миру великий Лев Николаевич Толстой. Жил он в доме не один, а с сестрами, братьями, и отцом, и тетенькой. Толстой был графом, но не любил наряжаться, а ходил в одежде обыкновенной, как и все крестьяне. Мои бабушка и дедушка ходили к нему, он играл и с ними и с другими ребятишками, тогда они были маленькие. Толстой любил отдыхать на любимой скамейке. К ней вела залитая солнцем тропинка. Вот и скамейка. Она обсажена молодыми елочками. Они были окружены заботой Толстого. Я люблю ходить туда.

Галина Жидкова, 10 лет

ЧЕПЫЖ

Чепыж—это небольшой лесок. Л. Н. Толстой любил отдыхать в Чепыже. В Чепыже растет большой дуб. Там высокие деревья. Мы видели большой пень. Когда ребята стали на пень, то оказалось, семь человек поместилось.

Владимир Петров, 9 лет

Любимая скамейка Л. Н. Толстого.

КУПАЛЬНЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Купальню окружает пруд. В купальне купался Л. Н. Толстой. Он любил купаться и отдыхать. Там очень красиво, особенно летом. Весной там много бывает людей. Летом там цветут цветы и очень бывает хорошо. От купальни недалеко сад. Там, где стоит купальня, есть лозинка, она наклоняется в пруд.

Татьяна Резунова, 9 лет

РАССКАЗ БАБУШКИ

Недавно мы всем классом ходили в музей Л. Н. Толстого, где нам рассказывали о жизни великого писателя. Мы осмотрели дом, кабинеты Льва Николаевича. Экскурсовод рассказал нам о том, что сто лет назад, в 1859 году, великий писатель открыл школу для крестьянских детей. Слушая, я подумала: наверное, моя бабушка Вера Евстигнеевна Егорова, которой сейчас 61 год, училась в этой школе. Я спросила ее: «Бабушка, ты видела Толстого?». «Конечно, видела, мне было 11 лет, когда он умер»,— ответила бабушка. «А ты в его школе училась?» — спросила я. «Нет,— сказала бабушка,— я в другой школе училась». Потом призадумалась и вот что рассказала:

«Все ученье мое кончилось к 13 годам. Нашу школу, в которой я училась, ты, наверное, помнишь. Где сейчас находится правление совхоза и сельский Совет, раньше стояла маленькая деревянная хатка. Вот в ней мы и учились. В школе была одна комната, учились там все четыре класса сразу. Учитель был у нас строгий.

В школу иногда заходил Лев Николаевич. Вот однажды он зашел к нам в класс. Он принес несколько книжек. Книжки подал учителю и сказал, чтобы тот отдал книжки тому, кто хорошо читает. Мы все прижались друг к другу и замерли от ожидания. Получить эту книжку всем хотелось. Вот слышу: учитель называет мою фамилию. Я встала и

Лев Николаевич Толстой с яснополянскими ребятами. Фотография 1907 года.

так испугалась, что ни одного слова прочесть не смогла. Лев Николаевич постоял, посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Ничего, она дома прочтет эту книжку». Я села, ничего не помня от радости. Долго я эту книжку хранила... Вы теперь счастливые: в какой школе учитесь!»

Виолетта Гласко, 13 лет

В 4-м классе «Б» Яснополянской школы. Правнуки учеников Толстого: Саша Козлов, Оля Макарова и Саша Зябрев.

ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

Моя прабабушка жила во время крепостного права. У нее была своя грудная девочка, а ее взяли к господам кормить молоком маленького барчука — будущего писателя Л. Н. Толстого. Лев Николаевич очень любил свою кормилицу и молочную сестру. Он часто заходил к ним и помогал по дому. Позже Лев Николаевич не забыл дома Зябревых. Младший сын кормилицы, Петр Осипович, был человеком грамотным, и Толстой часто беседовал с ним.

Семья у Зябревых была небогата. Однажды вся семья сидела за столом. В дверь постучали, и вошел Лев Николаевич. Он попросил дать поесть и ему. Прабабушка, стесняясь, ответила, что они едят квас. Но Толстой стал есть и квас.

Лев Николаевич заботился не только о семье Зябревых, но и о других семьях. Прабабушка Матрена пошла в лес за дровами. Там она увидала срубленную слегу. Матрена взвалила на себя слегу и потащила. Вдруг из кустов вышел Толстой и говорит: «Матренушка, я срубил слегу для Костюхи Горнева, его избу поправить надо. А себе ты сама дров наруби». Прабабушка стала извиняться, так как лес принадлежал Толстым.

Александр Букин, 12 лет

УГОЛОК В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

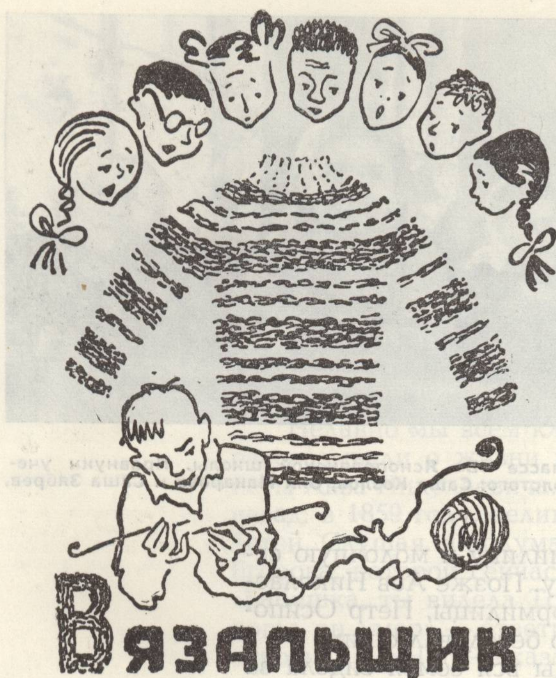
Однажды воскресным летним днем мы пошли к могилке Л. Н. Толстого. День был довольно теплый, и поэтому мы старались идти по полоске тени. И вот уже виднеется столбик, на котором прибит указатель. На нем стоят две стрелки. На одной написано: «К могиле Л. Н. Толстого», а на другой написано: «К Воронке». Когда мы завернули к могилке, то уже вечерело. Мы подошли к могилке, и я увидел бугорок земли, обложенный цветами. Он был близок сердцу. Это же была могила Л. Н. Толстого.

Александр Шураев, 10 лет

МОГИЛКА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Могилку Л. Н. Толстого окружает лес. Около могилки есть овраг, в котором закопана лошадь Делир. Могилка Л. Н. Толстого огорожена живой изгородью. Там есть дорога, по которой можно пройти на Воронку, куда часто ходил Л. Н. Толстой. Еще он ходил в беседку и долго-долго там сидел.

Саша Бочаров, 9 лет

Виктор ГОЛЯВКИН Рисунки О. Васильева.

Конечно, вы удивитесь. Потому что я мальчик. Но не в этом дело. Дело в том, что я вязать умею. Меня бабушка научила. Я сам себе шапочку на каток связал.

Так вот. Надо мной все смеяться стали:

— Эх ты, девчонка! Это только девчонки вяжут! А мальчишки не вяжут! Эх ты!

Очень мне неприятно было. Кому приятно, когда тебя дразнят? Я пробовал даже отказываться. Уверял, что не умею вязать. Ну, чуть не плачу. Но Вовка видел, как я вязал. Он ко мне приходил и видел. Он мне говорит:

— Не ври. Я видел.

Стали меня звать вязальщиком.

— Вон вязальщик пришел! Эй, вязальщик! Вязальщик пришел!

Представляете, какой ужас!

Но я вязать продолжал. Все равно ведь дразнят. Лучше уж вязать. И бабушка говорит:

— Ты вяжи, вяжи, а то тебя зазря дразнят!

Связал я себе свитер. Такой белый свитер, с полосками. Полоски красные. Очень красиво. Правда, бабушка помогала. Но в основном я все сам связал.

Прихожу в этом свитере в класс.

Ребята увидели свитер. И не дразнят. А только смотрят. Потом Вовка вдруг говорит:

— Шикарный свитер!

И Мишка тоже:

— Вот это свитер!

Я не выдержал, говорю:

— Сам связал!

— Да ну?! — удивились ребята.

— Уж что-что, — говорю, — а вязать я умею!

Смотрят ребята на свитер. Нравится им свитер. Удивляются: как это я такой свитер связал? Приговаривают:

— Ну и ну! Вот так вязальщик!

И никто уж не дразнит, конечно. Чего уж тут дразнить! Вязальщиком быть совсем не плохо. Это всем стало ясно.

Лыжи — очень хорошая вещь. На лыжах можно с трамплина прыгать. Можно бегать наперегонки. Замечательная вещь — лыжи!

На дворе зима. Прелесть! Снежок летает. На лыжах девочки с гор съезжают. И Петя с лыжами ходит. Он их на плече носит. Ходит и носит.

Походил-походил, постоял, посмотрел.

И снова ходит.

Потом посидел на лавочке.

И опять стал ходить. И лыжи с плеча не спускает. На лыжах кататься можно. С гор съезжать. Не у каждого есть свои лыжи.

Вот он с ними и ходит. Ходил-ходил, трудно лыжи носить. Переложил их на другое плечо.

И снова ходит.

Ходит и думает: «На меня все смотрят. Все видят: я настоящий лыжник! У меня совсем новые лыжи. Красивые. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. Замечательная вещь — лыжи!»

И продолжает ходить. Как ни в чем не бывало.

Ходит и думает: «Как хорошо! Папа мне купил лыжи. Захочу, встану на них и поеду. Захочу, с горки спущусь. Хорошо иметь лыжи!»

И продолжает ходить. Ходит себе и ходит. По сторонам посматривает. Носит лыжи на плече. И думает. Он думает, как хорошо иметь лыжи. И прочее.

А на дворе уже солнце садится. Все кончают кататься. Все кладут лыжи на плечи. И идут домой.

Наконец-то!

У Пети лыжи давно на плечах.

Идет Петя домой вместе со всеми. Несет на плече свои лыжи. И думает: «Лыжи — хорошая вещь. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки...» И прочее.

В том-то и дело

Зима. Мерзнут Петины уши. И вдруг Петя видит такую картину... Он видит в проруби человека. И человек не кричит: «Спасите!» Он никого не зовет на помощь. Напротив. Он совершенно спокойно сидит в воде. Он даже с улыбкой фыркает.

Человек вылез из проруби. Поплясал на снегу. И опять полез в прорубь.

«Ну и ну! — удивляется Петя.— Как он может сидеть в этой проруби?! Он, наверно, выносливый и отважный: зимой сидит в проруби, когда все в шубах. Вот бы мне посидеть в этой проруби! Чтобы видели все, как я там сижу. Чтобы весь наш класс видел: Таня, Славик, Андрюша, Марик... Они сказали бы про меня: «Ну и ну! Посмотрите! Он вон где!» Я улыбался бы, сидя в проруби. Мне были бы нипочем все болезни...»

Человек тем временем вылез из проруби и преспокойно, с улыбкой оделся. Он не стучал зубами, не ежился, ничего такого не делал. Он улыбался.

Удивленный Петя спросил:

— Вам не холодно?

— Жарко,— ответил тот просто.

— Вот это да! — сказал Петя. Вы спортсмен?

— В том-то и дело,— сказал спортсмен.

ДРУГ ИЗ ДАЛЕКА

Окончание

Л. ТЫНЯНОВА

Рисунки П. Павлинова.

«ОЧЕНЬ ДАЛЬНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

Береговые жители не любили ходить в горы. «Дороги в горах опасны,— говорили они,— там после тангрина много обвалов и трещин, легко сорваться в пропасть; горцы — плохие люди — тамо борле, они убьют да еще и съедят. И вообще, не наше это занятие — лазать по горам». Зато они охотно посещали далекие прибрежные деревни. Жители островов Били-Били и Ямбомбы совершали плавания вдоль берегов Новой Гвинеи. На больших парусных вангах они везли глиняные горшки своего производства, секрет которого был известен только им. Останавливались в каждой деревне и меняли их на другие вещи. Маршрут плавания был всегда один и тот же с конечным пунктом — деревней Телята.

«Это очень, очень, очень далеко»,— говорили островитяне. Они прекрасно изучили путь — течения, направление ветров, удобные гавани — словом, лучших мореходов нечего было и желать. Николай Николаевич решил этим воспользоваться. Ему давно хотелось побывать в деревне Телята.

Для подготовки к этой экспедиции пришлось прожить некоторое время на Били-Били, где после долгих споров и уговоров были наконец наняты два больших ванга с поместительными хижинами-каютами. Один принадлежал старому приятелю Николая Николаевича Каину, другой — Кисему, энергичному, но чрезвычайно болтливому жителю Били-Били.

— Мы все сделаем, как ты пожелаешь, Маклай,— сказал Каин.— Будем останавливаться в каждой деревне и ждать тебя, сколько потребуется. Но плыть придется только по ночам: днем дуют противные ветры, с которыми нам трудно бороться.

И вот тихим июльским вечером ванги отплыли от Бугарлома. На первом — Николай Николаевич с Каином и приятелем его Гасаном. В хижине-каюте свободно поместилось все необходимое для экспедиции: провизия, стол, складное кресло, гамак и даже висячая керосиновая лампа. На втором ванге вместе с Кисемом, его сыном и изрядным количеством глиняных горшков разместился повар Сале с кухонными принадлежностями.

Подгоняемые попутным ветром ванги медленно двигались вдоль берега. Они обогнули мыс Тевалиб— коралловый риф, похожий на черную, изъеденную прибоем стену, над ним поднимался мрачный первобытный лес. За мысом расстилался низкий песчаный берег, на котором среди деревьев белели крыши хижин покинутой деревни Бай. После нападения врагов жители решили перенести ее в лес за реку Говар. Днем, пока ванги стояли на песчаной отмели, Николай Николаевич с Гасаном побывали в этой новой лесной деревне. Все было интересно — и лес, не похожий на леса Бонгу и его окрестностей, с причудливыми незнакомыми деревьями, и сама деревня Бай с плантациями табака и бананов. Кокосовых пальм не было: они могли бы послужить приманкой для неприятеля,— так объяснили туземцы.

И еще одна деревня, покинутая жителями и сожженная, встретилась им на пути. И деревня Мегу, о которой Николай Николаевич слышал еще в Бонгу. По неизвестной причине почти все жители ее вымерли. Побывали и в самом большом селении — Сингоре, славившемся выделкой украшений из раковин; эти украшения — сюаль-боро — очень ценятся на всем берегу Маклая. Папуасы носят их на груди, как медальоны. Николаю Николаевичу с трудом удалось получить один сюаль-боро в обмен на два больших ножа и изрядное количество безделушек.

И вот после четырех ночей плавания за высокими коралловыми рифами показалась деревня Телята — предел морских странствий жителей Били-Били. «Очень, очень, очень дальнее» расстояние оказалось не таким уже дальним. Ванги были вытащены на берег, толпа обступила приезжих. Незнакомец, прибывший с людьми Били-Били, вызывал особое любопытство. У него было белое лицо и белые руки. Что касается ног, то вовсе не известно было, какого они цвета,— они были тщательно обернуты тряпками и зашнурованы тесемками, державшимися на каких-то крючках, похожих на собачьи зубы. Так, должно быть, представлялись туземцам гамаши и башмаки Николая Николаевича.

Он, в свою очередь, внимательно разглядывал туземцев. По типу лица они мало отличались от жителей Бонгу, а одежда их походила на одежду людей Били-Били, разве что украшений из раковин и рыбьих зубов было больше. Но вот что удивило его! В толпе он увидел старика с совершенно белой, седой головой. Это был первый случай за все время его знакомства с папуасами. Обычно они скрывали седину, выдергивали каждый седой волос, мазали голову черной глиной. А этот старик как будто даже гордился своей белой шевелюрой.

— Видел ли ты когда-нибудь белого человека?— спросил его Каин, который взялся быть переводчиком.

— Нет,— ответил старик,— но я слышал, что в Бонгу живет Маклай. Наши люди рассказывали мне о нем.

— Я тот самый Маклай, о котором ты слышал,— сказал Николай Николаевич и подарил старику нож и двойную порцию табака. Почему-то он почувствовал нежность к этому седому папуасу.

Впрочем, он сразу же поплатился за свою расточительность. Всем остальным тоже захотелось получить по ножу.

— Кто хочет получить нож,— объявил Николай Николаевич,— пусть принесет что-нибудь в обмен.

И папуасы охотно тащили деревянные блюда — табиры, каменные топоры, ожерелья из свиных клыков. В течение нескольких часов коллекция Николая Николаевича заметно пополнилась.

Ночь он решил провести в гамаке на морском берегу.

И вот тут-то для жителей деревни Телята нача-

лись неожиданности, надолго поразившие их воображение. Складной табурет, стол, кресло и в особенности прикрепленная к ветвям дерева висячая керосиновая лампа, свет которой можно было по желанию то уменьшать, то усиливать,— все это привело их в неистовый восторг. К счастью для Николая Николаевича, восторг выражался совершенно бесшумно. Всунув два пальца в рот, они прищелкивали языком и подносили к носу сжатый кулак левой руки. Должно быть, непосвященному европейцу и в голову не пришло бы, что эти странные жесты выражают удивление. Но у Николая Николаевича был уже большой опыт за плечами.

— Маклай запивает инги (еду) горячей водой, Маклай запивает инги горячей водой,— пронесся по толпе изумленный шепот, когда на складном столе появился ужин и горячий чай.

Но вот Сале убрал со стола, Николай Николаевич, сняв башмаки, улегся в гамак, а толпа все не расходилась.

Только когда Сале погасил лампу, все ушли и увели с собой Каина. Должно быть, они надеялись получить от него объяснение тех чудес, свидетелями которых они только что были.

Наутро Николай Николаевич обошел деревню. Она была очень живописна. Хижины ютились в тени и прохладе деревьев и высокого желто-красного кустарника. Вокруг площадки поднимались огромные стволы кенгара, тут же на земле сушились золотистые его орехи. За деревней тянулись большие плантации бананов; с самого утра все мужское население было уже на работе. Далее за плантациями открывалась широкая бухта. Пользуясь отливом, женщины собирали на берегу морских животных. Отсюда в бинокль были хорошо видны хижины трех прибрежных деревень, расположенных на северо-востоке от Теляты. Обидно, находясь так близко, не побывать в них. Однако, когда вечером Николай Николаевич завел об этом разговор с Каином и Кисемом, они наотрез отказались вести дальше ванги. И море за деревней Телята, и берег, и жители береговых деревень — все казалось им одинаково страшным.

— Каин, я дам тебе топор, даже два топора, ножи, вот этот красный коленкор, бусы. Поверь мне, ничего плохого не случится с нами,— уговаривал Николай Николаевич своего старого приятеля.

Но Каин упрямо качал головой.

— Нет,— твердил он,— нельзя.

— Почему нельзя? Объясни, прошу тебя.

— Убьют,— сказал Каин.— Всех нас убьют.

— Съедят,— подтвердил Кисем.

— Убьют и съедят,— повторили они в один голос.

— А я вам говорю, не убьют. Вы ведь знаете, с этой штукой можно быть спокойным.— Николай Николаевич вынул из сумки револьвер.

— Спрячь поскорее, Маклай,— попросил Каин, с опаской глядя на револьвер.— Все равно убьют. Маклай один, а их много.

— Съедят! — прибавил Кисем и задрожал всем телом.

Убеждения были бесполезны. Ванги двинулись в обратный путь.

Ванги медленно двигались вдоль берега.

БЕДА В ГОРЕНДУ

Дома Николая Николаевича встретила тревожная весть. В Горенду случилось несчастье. Из сбивчивых рассказов Мебли, остававшегося в Бугарломе, он узнал следующее. Один из жителей Горенду, Вангум, здоровый молодой человек лет двадцати пяти, заболел и через два дня умер. Население Горенду и Бонгу было охвачено паникой. Родители и многочисленные родственники покойного требовали, чтобы все мужчины немедленно отправились в поход против горцев. По их глубокому убеждению, виновником смерти Вангума был кто-нибудь из жителей горных деревень Теньгум-Мана или Энглам-Мана. Наверно, неизвестный недруг изготовил оним — колдовское питье, принесшее гибель Вангуму, общему любимцу всей деревни.

Все это не предвещало ничего хорошего. Николай Николаевич был озабочен. Он старался всегда как можно меньше вмешиваться в дела папуасов, но на этот раз, по-видимому, вмешательства не избежать.

На следующий день после его возвращения в «таль Маклай» явились депутаты от жителей Горенду и Бонгу. Они просили Маклая принять участие в походе против горцев.

— Ты наш друг,— сказали они,— ты должен нам помочь — отомстить за смерть Вангума.

— Но кто же, по-вашему, его убийца? Где он живет? Как его имя?

— Видишь ли, Маклай,— сказал, выступая вперед, старый Бугай,— мы ведь не говорим, что Вангума убили. Кто-то из горцев приготовил оним, от которого бедный Вангум заболел и умер. И потом...— Бугай замялся на мгновение,— мы сами не знаем, кто именно сделал это и в какой деревне живет этот злой человек. Поэтому мы и решили напасть сначала на Теньгум-Мана, а потом на Энглам-Мана. Тогда уж никакой ошибки не будет.

— Ты ведь понимаешь, Маклай,— поддержал Бугая Саул,— если мы не убьем мана тамо, они придут сюда и убьют нас. Или приготовят оним, от которого мы все умрем. А может быть, и ты умрешь вместе с нами, Маклай.— Он взглянул в глаза Николаю Николаевичу.— Все может быть,— прибавил он уже менее уверенно.

— Вот что я отвечу вам, тамо Бонгу и тамо Горенду. Вы можете поступить, как хотите. Можете напасть и на эти и на другие горные деревни. Но Маклай помогать вам не будет. Вы затеяли дурное дело. Горцы ни в чем не виноваты. Вы должны жить с ними в мире. Быть может, очень скоро настанет время, когда вам придется всем вместе воевать против общего врага. Послушайтесь Маклая, бросьте оружие!

— О Маклай! — завопили в один голос папуасы.— Неужели ты откажешься помочь нам? — Они ни на минуту не задумались над его словами.

— Мы сделаем все, что ты прикажешь, только пойдем вместе с нами на мана тамо!

— Тебя просят твои друзья, люди Горенду и люди Бонгу!

Николай Николаевич встал и поднял руку.

— Маклай балал кере — Маклай говорил довольно! — сказал он решительно и ушел в хижину, оставив гостей в полном недоумении.

— Вы должны жить в мире с горцами,— убеждал Маклай папуасов.

Папуасы переглянулись, потоптались на месте и, понуро опустив головы, пошли прочь.

Прошло несколько дней. Вангума похоронили, но тревога в Горенду и Бонгу все не затихала. Однако поход в горы пока не состоялся — то ли из-за отказа Маклая, то ли по причине разногласий между жителями,— так, по крайней мере, утверждал Сале, который под тем или иным предлогом часто наведывался в обе деревни.

Николай Николаевич надеялся, что все обойдется благополучно.

И вот однажды прибежал Сале и, едва переводя дух, рассказал о новой беде, случившейся в Горенду и даже в той же самой семье. Отец Вангума с младшим сыном, девятилетним Дигу, отправились ловить рыбу на реку Габенеу. По дороге мальчика ужалила змея. Обезумев от горя, отец на руках донес его до дома.

— Но яд, должно быть, очень сильный, никакие средства не помогают. Маленький Дигу умирает! — закончил свой рассказ Сале.

— Скорее, Сале, скорее! Где мои инструменты? Нашатырный спирт, бинты! Бежим, быть может, нам еще удастся спасти мальчика!

В этот день у Николая Николаевича сильно распухла и болела нога. На попутной пироге они морем добрались до Горенду. Первыми встретились им два знакомых папуаса. Взволнованные, они бежали по направлению к Бонгу.

— Маленький Дигу умер! — прокричали они, не останавливаясь.— Надо скорее идти в горы, жечь хижины мана тамо!

— Мы опоздали, Сале, какое несчастье!

В Горенду уже раздавались короткие удары барума. Из хижин с криками выбегали женщины, мужчины приводили в порядок оружие. Тихую, уютную деревню нельзя было узнать. Эта вторая смерть в одной и той же семье потрясла всех. Жажда мести, отчаяние, страх, возмущение овладели людьми. Даже самые спокойные требовали крови горцев, обвиняя их в гибели Вангума и Дигу.

— Оним! Колдовство! Мана тамо барата! Идем жечь хижины горцев! — только и слышалось со всех сторон.

Если не положить конца проискам врагов, все жители Горенду погибнут — таково было общее убеждение. Война теперь казалась неизбежной. О ней толковали старики, о ней кричали женщины, о ней болтали дети. Мужчины мрачно потрясали копьями. На Маклая поглядывали враждебно. Он отговаривал их от похода, он был против войны. А между тем, кто знает, может быть, не случилось бы этого второго несчастья, если бы на горцев напали вовремя.

Один лишь старый Туй по-прежнему приветливо встретил своего друга и крепко пожал ему левую руку. Но и он был озабочен и грустен.

— Беда,— говорил он, вздыхая,— беда!

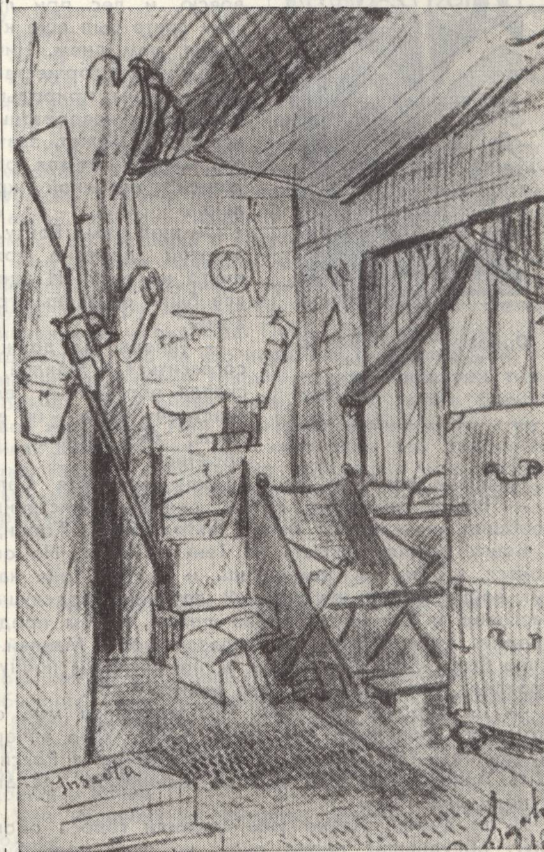
— Скажи мне, Туй, ты тоже считаешь, что обоих братьев убили горцы? Ведь они даже никогда не были ни в Теньгум-Мана, ни в Энглам-Мана, а горцы не приходили сюда, это все знают.

— О Маклай,— снисходительно глядя на своего наивного друга, отвечал Туй,— разве для того, чтобы погубить человека, надо обязательно видеться с ним? Нужно только приготовить оним. Мана тамо украли в Горенду объедки бау или аяна, изрезали его на кусочки, заговорили и сожгли. Вот и все. Этого вполне достаточно, чтобы заболели и умерли все жители Горенду.

Он помолчал немного, потом, наклонившись к

Хижина Миклухо-Маклая на мыске Бугарлом.

Уголок этой хижины.

Рисунки Миклухо-Маклая.

Невеста из деревни Бонгу.

Орнамент на бамбуковой коробке.
Рисунки Миклухо-Маклая.

самому уху Николая Николаевича, сказал таинственно:

— О Маклай! Если ты захочешь, ты спасешь нас всех. Приготовь оним. Такой оним, чтобы сильный тангрин разрушил все горные деревни и чтобы погибли все мана тамо. А в наших деревнях чтобы тангрина не было. Сделай это, Маклай, ну что тебе стоит? — Он заглянул в глаза Николаю Николаевичу.

— Я сегодня очень устал, Туй. У меня болит нога, а от ваших разговоров разболелась и голова. Мы поговорим завтра. А теперь я пойду домой.

Утомленный, огорченный, Николай Николаевич отправился в обратный путь кратчайшей тропинкой. Луна светила вовсю, и лес при лунном свете был еще красивее, чем днем. Ничто не нарушало торжественной тишины природы, и казалось невероятным, что, быть может, завтра эта мирная земля обагрится невинной кровью...

Он шел мимо Бонгу. И в этой деревне тоже никто не спал. И здесь все были охвачены тревогой.

— Теперь ты должен согласиться, Маклай, — сказал попавшийся ему навстречу Саул,— ты видишь, без войны не обойтись!

Поздним вечером из Горенду вернулся Сале.

— Война начнется очень скоро,— таинственно сообщил он.— Может быть, завтра. Люди Горенду и Бонгу решили напасть на Теньгум-Мана. Но они боятся, что ты им помешаешь, и поэтому они начнут войну втайне от тебя. Я случайно подслушал разговор и бросился скорее домой, чтобы предупредить тебя. Только не выдавай меня, Маклай.— Сале был очень взволнован, и, несмотря на ночную прохладу, пот катился по его темному лбу.

— Ты хорошо поступил, что рассказал мне об этом. Не тревожься, иди спать, Сале. Утро вечера мудренее — так говорят на моей родине, в России! Быть может, нам еще удастся что-нибудь сделать. Я подумаю.

И он думал. Давно уже смолкли голоса обоих слуг, обсудивших перед сном во всех подробностях вопрос об ониме.

Он думал о том, что нельзя сидеть сложа руки, когда рядом, в пяти минутах ходьбы от его дома, затевается война против ни в чем не повинных людей. И это теперь, когда туземные племена должны объединиться перед грозившей им общей опасностью — вторжением белых! Но как остановить этих людей, обезумевших от жажды мести, страха перед неизвестностью, страха смерти? Они знают, что Маклай против войны. Нельзя молчать теперь, когда вопрос о войне решен. Если он уступит на этот раз, придется уступать и впредь. На сильное чувство надо воздействовать только чувством, еще более сильным.

Наступило утро. Розовые лучи рассвета проникали в хижину, заливая ее бледным, нежным светом. Как в далеком детстве, знакомые предметы преображались, приобретая таинственный, волшебный смысл. Сон переплетался с действительностью. Вот и знакомый диван, кресло, тяжелый копировальный пресс в углу. Вместо хижины на Новой Гвинее — Петербург, кабинет отца. Как поступил бы на его месте Николай Ильич? Можно не сомневаться, он не позволил бы свершиться несправедливому делу.

— Я сделаю все, что в моих силах!

МАКЛАЙ ЗАПРЕЩАЕТ ВОЙНУ

Жители Бонгу готовятся к походу. Никто не работает на полях, никто не занимается домашними делами; женщины, оставив без присмотра детей, в волнении бегают из хижины в хижину, спеша поделиться новостями, опасениями, страхами. На площадке возле мужской буамбрамбры собрались старейшины обеих деревень — тамо боро и молодые участники будущего похода. Громкие, возбужденные голоса разносятся далеко вокруг. Обсуждается план нападения на Теньгум-Мана. Солнце уже близится к закату, а столько еще осталось нерешенных вопросов! Кто пойдет? Кто останется? На какой день назначить выступление и как скрыть это от Маклая? Если Маклай узнает, поход может сорваться,— в этом никто не сомневается ни в Горенду, ни в Бонгу. Быть может, он переменил свое мнение? Ведь должен он понять наконец, что после второго несчастья — смерти маленького Дигу — война неизбежна!

— Может быть, еще раз поговорить с ним? — предлагает Саул.— Кто осмелится сказать, что Маклай тамо борле — плохой человек? Никто. Я уверен, он согласится помочь нам, когда поймет, что мы правы.

— Нет,— прерывают Саула несколько голосов,— не надо говорить Маклаю!

— Он не будет помогать нам!

— Он только помешает!

И вдруг в толпе раздается чей-то растерянный, удивленный возглас:

— Маклай гена! Маклай идет!

Тихо становится на площадке перед буамбрамброй, на полуслове обрываются речи, все взгляды обращаются к Маклаю. С каким известием он пришел? Что он скажет своим друзьям? Неужели не поможет им в беде?

А Маклай идет своей обычной походкой, не торопится, как будто ничего и не случилось. Как будто в обычный для прогулки час — перед заходом солнца — он пришел побеседовать с соседями, посидеть с ними в буамбрамбре, потолковать о повседневных делах. Толпа в изумлении расступается перед ним, он проходит в буамбрамбру, а за ним следуют все тамо боро. Молодые остаются на площадке у входа. Из уважения к старшим и к Маклаю они не решаются войти в дом. Тамо боро важно усаживаются на нары и начинают разговор. Они говорят по очереди, горячо, взволнованно, убежденно. Они доказывают, что война неизбежна, необходима, что теперь, ко-

гда умерло уже двое в одном семействе, не остается никаких сомнений, что это — дело рук горцев. Они должны понести наказание за свое преступление.

Последний из тамо боро заканчивает свою речь, и тогда встает Маклай.

— Послушайте меня, люди Бонгу и люди Горенду,— начинает он, и его спокойный голос звучит резким контрастом с громкими, возбужденными голосами папуасов,— послушайте, что скажет вам Маклай. Так же, как и вы, я сожалею о смерти Вангума и Дигу — оба они были молоды и здоровы и могли бы прожить еще большую жизнь. Они были общими любимцами.— Кто-то горестно охает при этих словах.— Так же, как и вы, Маклай очень жалеет стариков — отца и мать; у них нет других детей, они стали так одиноки. И все же Маклай повторяет то, что говорил раньше: войне не быть! А если вы не послушаетесь и отправитесь в горы, с вами случится несчастье. Маклай предупреждает вас об этом, потому что он ваш друг!

Мертвая тишина наступает в буамбрамбре и на площадке у входа. Она длится несколько мгновений, наконец, раздается чей-то сдавленный голос:

— Какое несчастье? Что с нами будет, скажи, Маклай?

— Сами увидите. А теперь мне пора домой.

Онемевшая толпа расступается перед ним. Но не успевает он дойти до конца деревни, как тишина сменяется все нарастающим гулом голосов.

«Маклай говорит: войне не быть! Маклай говорит: войне не быть!» — летит по деревне молва.

А Маклай идет, не останавливаясь, не поворачивая головы. Знакомая лесная тропинка ведет к дому. Вот уже скоро и Бугарлом. Но что это? Позади слышится топот ног, чье-то прерывистое дыхание. Его догоняют.

— Маклай, Макла-а-а-ай! — Это Саул.

— Скажи, Маклай,— от быстрого бега Саул едва переводит дух,— скажи, если люди Горенду и люди Бонгу отправятся в горы, не случится ли землетрясение — тангрин?

— Маклай этого не говорил.

— Да, но ты сказал, что случится большая беда, если мы пойдем на Теньгум-Мана, а тангрин — самая большая беда. Люди Бонгу, Горенду, Гумбу, Богатим, Били-Били — все, все боятся тангрина. Скажи, Маклай, будет тангрин или нет? Да или нет? — Он заглядывает Маклаю в глаза.

Маклай пожимает плечами.

— Навалобе — может быть,— неопределенно отвечает он.

Саул и подоспевшие туземцы многозначительно переглядываются и бегом пускаются в обратный путь.

— Я говорил,— уже издалека доносится голос Саула,— я говорил: если пойдем на Теньгум-Мана,— будет тангрин!

Маклай смотрит им вслед и, улыбаясь, направляется к дому.

— Задал же я им загадку,— весело говорит он вслух,— пусть погадают. У страха глаза велики, авось, их воинский пыл поостынет.

Несколько дней Николай Николаевич не показывался ни в Горенду, ни в Бонгу, и соседи не приходили к нему. От Сале и Мебли, ежедневно бегавших за новостями, он знал, что приготовления к войне прекратились. То ли поход был отложен на время, то ли отменен — этого узнать не удалось.

Наконец явился Туй. Он был грустен и озабочен.

— Горенду басса — конец Горенду! — объявил он и, тяжело вздыхая, сел на землю возле веранды.

— Почему? — удивился Николай Николаевич.— Что ты выдумал, Туй?

— Нет, я не выдумал, это правда,— отвечал Туй, печально качая головой.— Мы все уходим из Горенду, мы не будем больше там жить, потому что мы боимся. Двое уже умерло, умрут и все остальные. Умрут не только люди, но и собаки, и свиньи, и деревья, и травы. Ты видел наши кокосовые пальмы? Они уже больны, листья у них покраснели и скоро опадут. Пальмы засохнут. И все это оттого, что горцы закопали в Горенду свой оним.

— Затвердил — оним да оним! А разве ты до сих пор не знал, что так же, как и люди, деревья болеют и умирают? Это верно, ваши кокосовые пальмы больны, но причина этому вовсе не оним. Жаль, что я забыл название грибка, который поразил ваши пальмы. Впрочем, мой бедный Туй, ты все равно ничего бы не понял. Я видел такие больные деревья на острове Яве и в других местностях. Это грибок, поверь мне.

— Нет, это не грибок, это оним,— безнадежно махнув рукой, повторял Туй.— Мы хотели победить горцев, чтобы избавиться от их онима, но ты не разрешил, Маклай. Ты сказал, что с нами случится беда. Ведь ты так сказал, да, Маклай? — Он с укоризной посмотрел на своего друга.

— Ну, сказал. Я и теперь могу повторить.

— Вот видишь! А если будет тангрин, все скажут, что виноваты люди Бонгу, и все деревни пойдут против Бонгу. Поэтому они боятся. А у нас в Горенду слишком мало народа, мы одни не можем идти в поход на мана тамо.

— Ну и что вы решили?

— Мы решили уйти из Горенду в другие деревни,— уже совсем унылым голосом сказал Туй.

Он помолчал немного, потом добавил:

— Кто пойдет в Гориму, кто — в Богати, кто — в Ямбомбу. Я хочу переселиться в Бонгу. Все-таки поближе к дому. И Бонем со мной. Ну, прощай, Маклай, э-а-ба.— Печально кивнув головой, он поплелся по тропинке к лесу.

«Что я могу поделать, бедный мой Туй,— думал Николай Николаевич, с грустью глядя на удаляющуюся фигуру друга.— Ты считаешь меня главным виновником своих бед. Пусть так. Бесполезно убеждать тебя, что не кто иной, как я рассеял тучи, нависшие над твоей головой и над головами твоих родичей. Мне очень жаль, что вы хотите бросить свои жилища и уйти из родной деревни. Но я не в силах доказать вам всю нелепость, все безрассудство такого поступка. До сбора бау еще далеко, быть может, ваши горячие головы поостынут за это время. Я очень надеюсь на это».

МОЖЕТ ЛИ МАКЛАЙ УМЕРЕТЬ!

День выдался жаркий, душный, должно быть, к ночи собиралась гроза. Николай Николаевич раньше обычного закончил работу и отправился к соседям в Бонгу. Он любил посидеть часок-другой в высокой просторной буамбрамбре, где проводили свой досуг мужчины, послушать их неторопливую речь, побеседовать о делах.

Уже издалека он услышал громкие, оживленные голоса.

— Здравствуйте, э-а-ба! — сказал он, входя, и вдруг все разом замолчали.

— Э-а-ба, Маклай,— раздалось в ответ несколько смущенных голосов.

Буамбрамбра была полна. Здесь были гости из Го-

ренду, Богати, Били-Били. Все важно восседали на высоких скамьях, жевали бетель, курили, ели горячий сладкий картофель-дегарголь. Алые лучи заходящего солнца, пробивавшиеся сквозь щели крыши, освещали их оживленные лица. По-видимому, обсуждался какой-то очень интересный вопрос. Приход Николая Николаевича прервал совещание.

«Что бы это могло быть? — подумал он и молча сел.— Подождем объяснения».

Он обвел глазами собравшихся. Здесь было много знакомых: Туй, Саул, Каин из Били-Били, Бугай, Бонем — все старые приятели. Первый прервал молчание Саул. Он был любитель поговорить. Частенько являлся он в «таль Маклай» и заводил разговоры о делах, о жизни, о явлениях природы, которые были ему непонятны, о земле, о море, о звездах.

Подойдя к Маклаю, Саул положил ему руку на плечо. Он сделал это так ласково, так осторожно и мягко, как будто заранее просил извинения за вопрос, который он хотел задать.

— Скажи, Маклай,— сказал он и заглянул ему в глаза,— сколько у тебя жен, детей, внуков и правнуков?

Николай Николаевич оторопел от удивления. Так вот какие важные вопросы решались здесь!

— Каких жен? Где? Опомнись, Саул!

— Не знаю, где,— растерянно сказал Саул и потоптался на месте.— В России, на луне...

— Не понимаю, что взбрело тебе в голову, Саул. Ты ведь видишь, у меня нет ни жены, ни детей.

— Маклай не хочет говорить! — вздохнул Саул, обращаясь к собеседникам.

— Ну, хоть скажи, помнишь ли ты, когда это дерево было совсем маленьким? — Он показал на огромный старый кенгар, стоявший у входа в буамбрамбру. Должно быть, ему было лет двести.— Быть может, ты сам и посадил его?

Николай Николаевич подозрительным взглядом обвел Саула и всех присутствующих. Уж не вздумали ли они подшутить над ним? Нет, все смотрели на него с искренним любопытством, без всякой насмешки.

— Неужели я выгляжу таким стариком? Почему вы решили, что мне так много лет? — удивленно воскликнул Николай Николаевич.

— Мы так решили,— обстоятельно отвечал Саул,— потому что ты никогда не бегаешь, не хочешь плясать даже во время ая, когда все старики пускаются в пляс, ты не берешь в жены наших девушек и не хочешь выдергивать седые волосы, хотя их много на твоей голове.

— Вот оно что! — сказал Николай Николаевич.— Доказательства весьма убедительные, что и говорить! — Он с улыбкой посмотрел на Саула.— И это все, о чем ты хотел спросить меня?

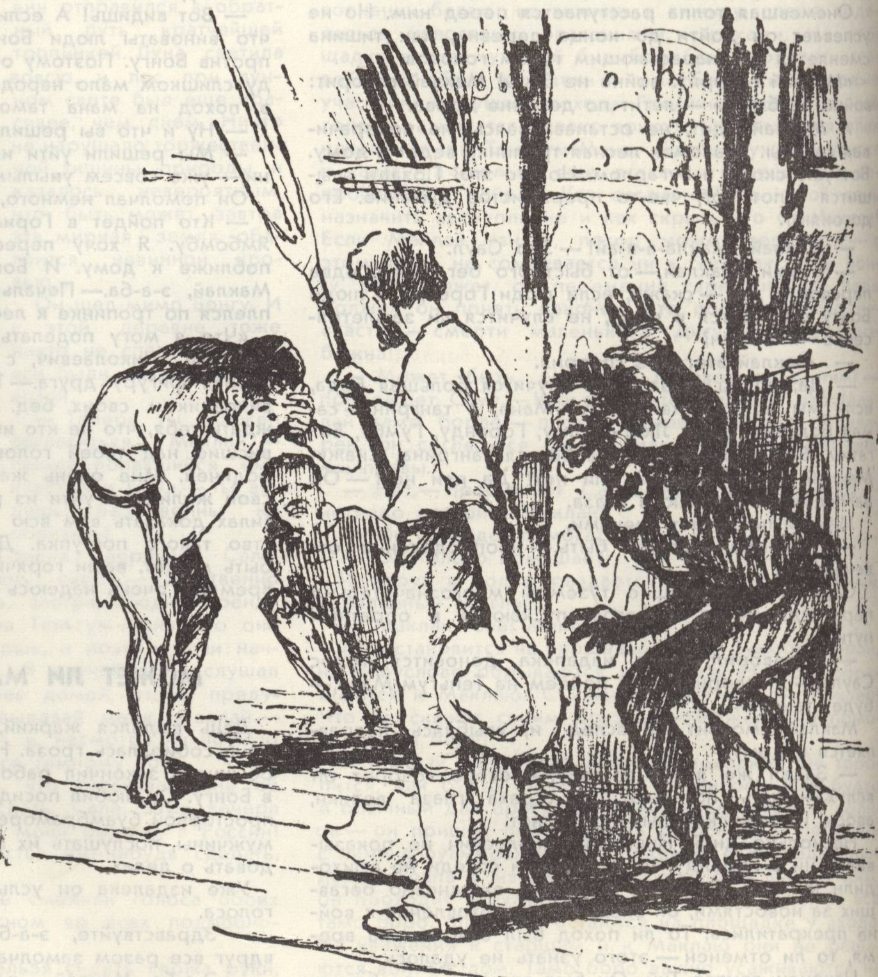
Саул опустил глаза.

Скажи, Маклай,— решился он наконец,— можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?

Слова Саула торжественно звучали в тишине. Затаив дыхание, перестав жевать, папуасы впились глазами в Маклая и ждали ответа.

«Наконец-то добрались до сути дела»,— подумал Николай Николаевич.

Положение создавалось затруднительное. Простой вопрос требовал простого ответа. Папуасы привыкли слышать от Маклая только правду, они и теперь не должны усомниться в нем. Однако сказать: «Да, я могу умереть так же, как все люди» — не хотелось, именно теперь, через несколько дней после запрещения войны. Но сказать: «Нет, я не могу умереть» — тоже нельзя. Любая случайность — сегодня, завтра, через несколько дней — может от-

Миклухо-Маклай протянул Саулу тяжелое копье.

крыть папуасам, что Маклай сказал неправду. Все эти мысли в одно мгновение промелькнули в сознании Николая Николаевича.

Чтобы выиграть время, он встал, прошелся, поднял глаза кверху, как будто там, под крышей из пальмовых листьев, надеялся найти ответ на коварный вопрос, заданный ему черными друзьями. В косых лучах заходящего солнца ясно виднелись украшения, подвешенные у самой крыши: рыбьи кости, клыки и позвонки диких свиней, черепа кенгуру, сверкающие, начищенные банки из-под консервов, оставшиеся еще со времен «Витязя». А на стенах оружие: луки, стрелы, копья. Взгляд его остановился на самом большом, остром копье. Метко брошенное, оно грозило неминуемой смертью. И вдруг блеснула мысль. Ответ был найден.

Николай Николаевич подошел к стене, снял тяжелое копье и протянул его Саулу.

— Посмотрим,— спокойно сказал он,— может ли Маклай умереть.— С этими словами он отошел на несколько шагов и остановился, сняв с головы соломенную шляпу, чтобы широкие поля ее не затемняли лица. Папуасы должны видеть, что Маклай не шутит. Что бы ни случилось, он и глазом не моргнет.

Неподвижно застыв, Саул смотрел на Маклая. Потом в ужасе закричал, закрыв глаза руками:

— Арен! Арен! Нет! Нет!

И все заговорили разом, закричали, несколько человек бросились вперед, чтобы заслонить собою Маклая.

— Ну, что же ты? Попробуй! — Николай Николаевич все еще протягивал Саулу копье.

— Арен, арен! — тихо повторил Саул и решительно отвел руку Маклая.

— Эх ты, трусишка! — сказал Николай Николаевич и похлопал Саула по спине.

Он подошел к стене, повесил копье на прежнее место и, спокойно усевшись на скамью, взял с деревянного блюда остывшую картофелину.

ЗАВЕТ МАКЛАЯ

«Дон-дон-дон-дон»,— несутся из Бугарлома частые, нетерпеливые удары гонга.

«Дон-дон-дон-дон»,— заглушая их, вторит им барум в Бонгу.

Что за тревога? Что случилось с Маклаем? Зачем этим сырым, холодным утром сзывает он соседей?

Всю ночь до рассвета лил дождь, сверкали молнии; казалось, огромные водяные столбы соединяли небо и землю. Оглушительные раскаты грома сотрясали воздух.

Крепко зажав руками уши, уткнувшись головами в циновки, папуасы без сна лежали в своих хижинах. В такую ночь недалеко и до тангрина. Старики шептали заклинания, женщины крепче прижимали к себе детей.

И вот теперь, когда наступило утро и опасность миновала, когда по-прежнему твердо стоят на земле могучие деревья и высятся вдалеке отроги гор, именно теперь Маклай сзывает народ. Зря он этого делать не станет. Должно быть, есть серьезные причины.

И, не медля ни минуты, люди спешат в Бонгу. Они бегут, дрожа от холода и волнения. Бежит Бугай, бежит Саул, бежит рассудительный Коды-Боро, ковыляет на больных ногах старый дед Буа. Перегоняя всех, мчится на зов своего белого друга Туй. Бонем едва поспевает за отцом. Клок седых волос торчит на черном затылке Туя. Звуки барума застали его врасплох и помешали докрасить голову черной глиной.

В Бонгу папуасов ожидает печальная весть: Маклай снова покидает их остров. За Маклаем пришла шхуна. Она стоит у берега, ее привели не тамо русс, а тамо инглис — так они себя называют. Маклай уезжает, но перед отъездом он сзывает к себе народ, по два человека от каждой деревни — самого старого и самого молодого. Так приказал Маклай. Но на этот раз папуасы не выполняют его приказа. Каждому хочется повидать Маклая и своими ушами услышать, что скажет он на прощание своим черным друзьям.

И вот к Бугарлому движется огромная толпа — здесь старые и молодые, женщины и дети. Пусть и дети услышат и запомнят слова Маклая. Когда-нибудь они расскажут о нем своим детям.

— Ты звал нас, Маклай, мы явились на твой зов!

Маклай сегодня особенно бледен, и светлые глаза его с грустью смотрят на пришедших. Но голос по-прежнему тверд.

— Да, я звал вас, друзья мои! Я просил вас прийти, я снова покидаю вас, и, быть может, надолго...

— О-о-о! — проносится по толпе горестный вздох.

— Не уезжай от нас, Маклай!

— О-о-о,— стонет Туй,— ты больше не вернешься, Маклай! Я больше никогда не увижу тебя!

— Кто будет лечить нас?

— Кто защитит нас от врагов?..

— Вот потому-то я и собрал вас, я хочу предупредить об опасности, хочу, чтобы вы научились отличать, кто ваш друг и кто недруг. До сих пор вы знали только одного врага — горцев. Но не о них я буду сейчас говорить с вами. Живите с ними в мире, вам нечего бояться их. Больше того, вы должны объединиться с мана тамо, потому что их, так же, как и вас, подстерегает общий враг.

Раскрыв рты, в смятении слушают папуасы. О чем это все толкует Маклай? Какие еще могут быть у них враги, кроме мана тамо? Но ведь Маклай никогда не обманывал их.

— Слушайте же внимательно, слушайте и постарайтесь хорошенько запомнить то, что я скажу вам,— продолжает Маклай, и лицо его становится еще бледнее.— Я уезжаю от вас и не знаю, скоро ли мне удастся вернуться. А пока меня не будет, сюда могут прийти и даже, я думаю, непременно придут, другие люди, такие же белые, как я, в такой же одежде, с такими же светлыми волосами.— Он снимает соломенную шляпу и проводит рукой по своей каштановой, уже тронутой сединой вьющейся шевелюре.— Они привезут с собой такие же вещи и приедут на таких же кораблях, но это будут совсем иные люди, чем Маклай. Берегитесь их, не верьте им, что бы они ни обещали вам, как бы ни уверяли в дружбе. На их судах будут разные флаги, но цель будет одна. Обманом, насилием постараются они сделать вас своими рабами. Они будут похищать вас, ваших жен, ваших детей. Они увезут в неволю и продадут вас плохим людям.

Солнце ярко освещает фигуру Маклая и толпу, замершую от страха перед надвигающейся бедой.

— Мы не отпустим тебя, Маклай! — слышится чей-то сдавленный голос. Как бы очнувшись, все начинают говорить разом.

— Не уезжай от нас, не покидай нас, Маклай!

— Как мы будем без тебя бороться с белыми людьми?

— Если тебе плохо у нас, мы сделаем, чтобы тебе жилось лучше!

— Мы построим тебе новый дом!

— Мы отдадим тебе в жены самую красивую девушку!

Деревня Горенду. Слева — буамбрамбра.

Рисунки Миклухо-Маклая.

— Быть может, твои слуги не хотят больше оставаться на нашем острове, тогда отпусти их. Мы сами будем служить тебе. Мы будем очень стараться.

Но Маклай качает головой.

— Нет, дело не в слугах. Если бы я мог, я остался бы с вами навсегда. Но у меня на родине мать, сестра, братья. Я их не видел много лет и вот уже много месяцев ничего не знаю о них. Шхуна, которую вы видели на берегу, случайно зашла сюда, она не привезла мне вестей с моей родины. Если я не воспользуюсь ее приходом и останусь здесь, я долгие годы ничего не узнаю о моих близких.

— Тогда обещай нам, что ты вернешься!

— Вернусь, обещаю вам.

— Ты не оставишь нас в беде? Ты приедешь, если нам будет грозить опасность?

— Я сказал, что вернусь. Слово Маклая одно!

— Слово Маклая — одно — балал Маклай худи! — проносится по толпе.

— Мы верим тебе, Маклай! Мы будем ждать тебя!

Маклай поднимает руку, и снова все смолкает.

— Я еще не кончил. Я не сказал вам самого главного.

— О-о-о Маклай, говори, мы слушаем тебя!

— Выслушайте и запомните мои советы, они могут вам пригодиться. Если придут на ваш остров белые люди, никогда не выходите к ним навстречу с оружием в руках, никогда первые не нападайте. Лишь только вы заметите на море дым приближающегося корабля, немедленно отошлите в горы женщин и детей. Ну вот, теперь все. Маклай все сказал.— Усталым движением он проводит рукою по лбу.

Но папуасы не расходятся. Потрясенные, молча стоят они, словно вглядываясь в страшное будущее.

Коды-Боро первый нарушает молчание. Он осторожно дотрагивается до руки Маклая, словно прося извинения за вопрос, который он хочет задать.

— Скажи, Маклай, ведь не может быть, что все белые люди — наши враги? Вот ты тоже белый человек, а ты наш друг. Что, если приедет твой брат? Как нам отличить друга от недруга? Научи нас.

Долгий, внимательный взгляд светлых глаз с удивлением останавливается на Коды-Боро. А ведь старик, пожалуй, прав. Удастся ли сдержать слово и вернуться на Новую Гвинею? А что, если здоровье сыграет плохую шутку? Доктора давно предупреждали. Надо быть готовым ко всему. И тогда кто знает, не захочет ли брат Миша приехать сюда, чтобы продолжить дело брата?

— Ты прав, Коды-Боро, благодарю тебя.— Он по-папуасски пожимает своему приятелю левую руку.

Наступает глубокая тишина. Папуасы терпеливо ждут — Маклай думает.

— Кажется, я нашел выход,— говорит он после небольшого раздумья.— Слушайте же! Если сойдет на ваш берег мой брат или друг, вы сразу узнаете его. Вы узнаете его: он засвистит в кин-кан-кан — вот так.— Маклай подносит к губам свисток, и знакомые, давно полюбившиеся папуасам звуки разливаются в прозрачном воздухе.— Он засвистит в кин-кан-кан и скажет вам на языке Бонгу: «Маклай — брат мой, и вы — мои братья!»

— Маклай — брат мой, и вы — мои братья! — с благоговением повторяют папуасы.— Будь спокоен, Маклай, мы хорошо встретим этого человека!

— Ну вот! А в остальном я полагаюсь на вас. Поручаю вам мой дом и мои вещи.

— О Маклай, мы будем охранять твой дом и твои вещи, мы будем ухаживать за твоим садом, и когда ты вернешься, все будет так, как будто ты только вчера покинул «таль Маклай». Ни один человек, будь то чужеземец или житель нашего острова, не посмеет прикоснуться к двери твоего дома. Мы обещаем тебе, Маклай!

Так говорит Коды-Боро, и все хором повторяют:

— Мы обещаем тебе, Маклай!

— Спасибо вам. А теперь идите по домам. У Маклая еще очень много дел. Я позову вас, и мы простимся перед отъездом.

— Э-а-ба, Маклай! Мы придем провожать тебя. Мы все придем.

Грустно понурив головы, один за другим папуасы плетутся по тропинке к лесу. Николай Николаевич долго смотрит им вслед, потом поднимается по ступенькам крыльца и тяжело опускается в кресло.

«Что же ты сделал? Что ты сделал, безумец?» — с горечью спрашивал он себя.

«Ты разрушил дело своей жизни, вот что ты сделал! — отвечает он.— Погублено все, чего ты достиг путем нечеловеческих усилий. День за днем, месяц за месяцем старался ты завоевать доверие туземцев, а теперь сам запретил им верить белому человеку. Сам, своими руками все уничтожил! Понимаешь ли ты это?»

«Да, понимаю,— отвечает он.— Но я не мог поступить иначе, даже если бы это стоило мне жизни. Я только выполнил свой долг. Значит, все правильно. И довольно думать об этом. Пора приниматься за укладку вещей. Мне бы очень не хотелось, чтобы

шхуна с достойнейшими представителями высшей расы задержалась здесь из-за меня хотя бы на один лишний день».

— Мебли! Сале! Скорей за работу!

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Маленькая шхуна под английским торговым флагом держит курс на северо-запад. Шхуна называется «Цветок клевера», хотя ни она сама, ни тем более ее обитатели не имеют ни малейшего сходства ни с этим скромным цветком, ни с цветами вообще. Шкипер то и дело сердито кричит на матросов, срывая на них свое дурное настроение. Из-за русского путешественника, за которым он зашел на Новую Гвинею, пришлось потерять много времени. Шхуна теперь, пожалуй, уже приближалась бы к Сингапуру. А тут еще штили, встречные западные ветры. Шкипер очень жалеет, что послушал своего патрона господина Шомбурга, который просил его на всякий случай зайти на Новую Гвинею за Миклухо-Маклаем. Господин Шомбург так и сказал: на всякий случай. Он и сам, видно, был далеко не уверен, что его русский клиент не отплыл на каком-нибудь случайно проходившем мимо судне. Шомбург даже не послал почты, скопившейся в Сингапуре, чем очень огорчил путешественника. Ведь этот чудак уже полтора года отрезан от всего мира. Он ничего не знал о войне России с Турцией, о падении Константинополя! Что же заставляет этого еще молодого человека заживо похоронить себя в столь негостеприимных местах? Зачем он стремится сюда, не страшась ни дикарей-людоедов, ни губительного климата, ни лихорадки? Все это представляется шкиперу весьма странным. Не иначе, как этот русский открыл здесь золотые россыпи. Собственно говоря, именно эта мысль руководила шкипером, когда он направил свою шхуну к берегам Новой Гвинеи. Он надеялся кое-что поразведать во время стоянки. Через некоторое время можно было бы вернуться и уже без всякой помехи обследовать берег, а быть может, и увезти с собой кое-кого из чернокожих.

Так думал шкипер, но, увы, надеждам его не суждено было осуществиться. И причиной неудачи был не кто иной, как сам Маклай. Можно не сомневаться, что именно благодаря его внушениям английские моряки были встречены чернокожими если не с открытой враждой, то с крайней подозрительностью. Выражение их лиц, их поведение красноречиво говорили о том, что гостям безопаснее оставаться на борту шхуны.

На обратном пути у экватора начались штили. Скудный запас провианта шел к концу, несколько человек из команды умерло — по-видимому, от тропической лихорадки. На шхуне был настоящий ад! И только один человек хотя и страдал от лихорадки не меньше других, почти не выходил из своей душной каюты. Шкипер возмущенно пожимал плечами. Странный человек этот русский! Или он не замечает того, что творится на борту?

Напрасно беспокоился шкипер. Этот человек видел все, но после плавания на «Морской птице» и знакомства с ее шкипером О'Кифом его было трудно чем-либо удивить. Он не желал попусту тратить драгоценное время и в промежутках между мучительными приступами лихорадки работал. Он спешил сообщить Географическому обществу о своем втором путешествии на берег Маклая. Он заранее предвидел возражения и недовольство товарищей. В самом деле, отчего, отодвинув на второй план задачи зоологические, занялся он изучением быта туземцев? Они вправе задать ему этот вопрос. Дошли ли до них его письма, отправленные с О'Кифом? Он был далеко не уверен в этом. Однако он докажет им, что был прав.

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ

Эту занятную собачку зовут Сильвией. Хозяйка ее, англичанка, утверждает, что владеет самой маленькой в мире собачкой. Если измерить Сильвию, то окажется, что ее рост (от кончиков ушей до кончиков лап) всего... 13 сантиметров! Собака весила при рождении 42 грамма. Теперь ей пять месяцев, и весы показывают 283 грамма.

Выкормили Сильвию соской, но теперь у собаки аппетит лучше, чем у более крупных ее «родственников», других йоркширских терьеров. Иной раз им приходится охранять от нее свою миску, как это вы видите на снимке.

Я чуть повыше двух спичечных коробок.

Я могу поместиться в рюмке, как цветок.

А аппетит у меня лучше, чем у такой большой собаки.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Молекулы на привязи

Вчера мы шли из школы, и один из нас сказал, что гелий, водород и многие другие газы улетают с Земли. Тогда я стал спорить, что они не могут улететь: чтобы оторваться от Земли, у них должна быть скорость 11 километров в секунду.

Сергей Орлов,
г. Бакал.

В вашем споре, Сергей, ты был не прав, хотя для того, чтобы покинуть Землю, действительно надо иметь очень большую скорость — 11 километров в секунду. И все же газы нашей атмосферы улетают от Земли, и в первую очередь легкие газы — водород и гелий. Происходит это вот почему. Все газы состоят из мельчайших движущихся частиц — молекул. Эти частицы, как рой мошкары, мечутся в разные стороны; сталкиваясь друг с другом, меняют направление. Средняя скорость движения молекул — несколько сотен метров в секунду. А некоторые из них летят с гораздо большей скоростью. Это те, что случайно несколько раз ударялись о соседние молекулы, которые их как бы подтолкнули. Скорость движения таких молекул может быть больше 11 километров в секунду, они могут оторваться от Земли, если, конечно, на своем пути не встретятся с другими молекулами, то есть если они находятся у верхнего края атмосферы. Надо сказать, что таких молекул совсем немного и их потеря не страшна для Земли.

А вот на Луне — там другое дело. Сила притяжения там маленькая. И постепенно движущиеся молекулы все покинули Луну. Она осталась без атмосферы. Иногда, во время извержения вулканов, Луна окутывается газовой оболочкой, которая, однако, вскоре рассеивается в космическом пространстве.

Ю. Калинин

РЫБЬЯ МЕТРИКА

Я очень хочу узнать, как определяют возраст рыб.

Вера Круглова,
г. Куйбышев.

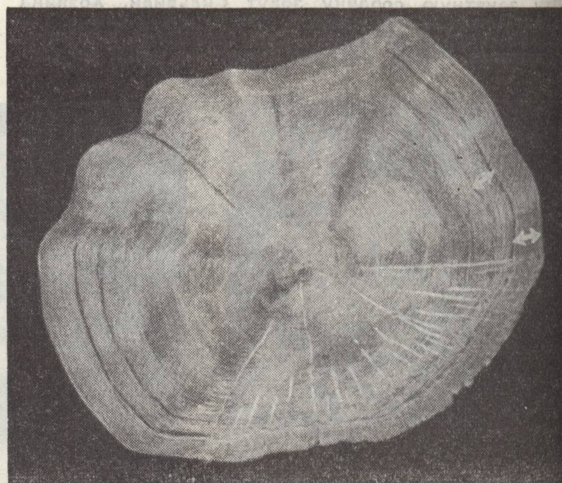
А ты знаешь, Вера, как определяют возраст деревьев? На торце срезанного дерева есть кольца. Если их подсчитаешь, то узнаешь, сколько этому дереву лет. Дерево растет летом. Под корой у него откладывается слой новых клеток. Зимой дерево не растет, и откладывание клеток прекращается. Так и образуются годичные кольца, по которым можно подсчитать возраст дерева.

Подобные же годичные кольца образуются на чешуе рыб. Летом рыба хорошо питается, и каждая чешуйка у нее за это время увеличивается. Зимой рыба находится в полусонном состоянии, она почти ничего не ест, рост ее прекращается. Чешуя в это время тоже не растет.

Так на чешуе образуются годичные кольца, по которым можно узнать возраст рыбы. Обычно берут чешуйку из средней части тела над боковой линией. Рассматривают ее в лупу и подсчитывают кольца.

Возраст рыбы можно определить и по ее «слуховым камешкам», или отолитам, которые находятся в слуховых капсулах — в ямках по бокам на голове рыб. Они так же, как и чешуя, отражают рост рыбы.

Чешуйки некоторых рыб, осетра, например, или фаламиды, ничего не рассказывают о том, сколько лет их владельцам. Но в плавниках осетров есть колючие острые лучи. Если их распилить поперек, то на срезах под микроскопом видны такие же кольца, как и на чешуйках у других рыб. А у фаламиды кольца образуются в ямках позвонков.

Так выглядит увеличенная чешуйка леща. Стрелочками показан годовой прирост.

К. Кочетков

НЕХИТРЫЕ ИСТОРИИ С ЗАГАДОЧНЫМИ КОНЦАМИ

Четыре пассажира в купе дальнего поезда — моряк, тракторист, студент и железнодорожный служащий,— чтобы скоротать время, взялись рассказывать друг другу различные забавные случаи из своей жизни. И удивительное дело: кто бы что ни рассказывал, история его неизменно заканчивалась какой-либо головоломкой, разгадывать которую он предлагал своим собеседникам.

НОМЕР ЛОТЕРЕЙНОГО БИЛЕТА

Соревнуясь в скорости с поездом, по шоссе мчался автомобиль.

— «Москвич» последнего выпуска,— заметил тракторист, любуясь новенькой машиной.— У меня точно такой же. И представьте себе, не покупал — выиграл по вещевой лотерее. Впрочем, удивляться нечему, очень уж любопытный номер был на моем лотерейном билете.

Разумеется, спутники тракториста заинтересовались, что это за счастливый номер.

— Пятизначное число с редкостным сочетанием цифр,— сказал тракторист.— Судите сами: первый знак в этом числе равен разности третьего и четвертого знаков; второй равен частному от деления третьего знака на первый; третий равен произведению первого и второго знаков; четвертый равен сумме первого и второго знаков; пятый равен частному от деления четвертого знака на первый. И наконец, если вам покажется, что этих данных недостаточно, могу добавить, что разность первого и пятого знаков равна единице. Ну, теперь-то вы, конечно, догадаетесь, что это было за число, подарившее мне машину!

ЧАСЫ ДОСУГА

ДНЕМ ИЛИ ВЕЧЕРОМ?

— Я еду на республиканскую спартакиаду,— рассказывал студент.— Не хочу хвастаться, но в прошлом году мне удалось занять призовое место в состязаниях по метанию молота.

Спутники пожелали спортсмену успехов и на предстоящих соревнованиях.

— Постараюсь не обмануть ваших ожиданий,— пообещал студент.—Должен, однако, сказать, что в этом виде спорта как, впрочем, и в некоторых других, связанных с метанием снарядов, успех порой зависит не только от самого спортсмена и его тренированности. Даже при хорошей погоде имеет значение, тепло или холодно в день состязаний, а также днем или вечером они проводятся.

Не пускаясь в дальнейшие подробности, студент предложил своим спутникам самим решить, опираясь на законы природы, когда результаты в метании молота будут выше — в теплый или в холодный день? И днем или вечером?

КОМУ ПРИШЛО ПИСЬМО?

— У нас на корабле,— начал свой рассказ моряк,— пятеро комсомольцев давно уже ведут дружескую переписку с товарищами из Болгарии, тоже моряками. Вот раз застаю я их всех вместе и показываю письмо с болгарским штемпелем. «Угадайте,— говорю,— кому из вас? Пока не угадаете, не отдам».

Задал я парням нелегкую задачу. «Не мне»,— сказал Соколов и даже рукой махнул. «Я думаю, это Голубеву»,— заявил Коркин. Услышав это, Голубев замотал головой. «Письмо, братцы, Юрьеву»,— сказал он. «А по-моему, письмо мне»,— что-то очень уверенно объявил Маслов.

Из четырех предположений, высказанных ребятами, только одно оказалось верным. Так я им и сказал. «В таком случае дело ясное, и я знаю, кому письмо»,— обрадованно говорит вдруг один из них и шепчет мне на ухо свою фамилию. «Верно,— удивился я и передал ему письмо.— Но как же ты догадался?»

А ведь догадаться-то и в самом деле нетрудно!

КОВАРНАЯ ЗАДАЧА

— Моя очередь рассказывать загадку,— сказал железнодорожник.— Вспоминается мне день, который я долгое время считал самым несчастным в моей мальчишеской жизни. Я в ту пору играл центра нападения за сборную нашей улицы. И случись такая беда, что за час до состязания вгорячах сказал я грубое слово отцу, и он меня наказал, да как! Начертил вот эту задачку и сказал: «Знаю, что торопишься. Так вот, пока не ре-

$$(\square - \square) - (\square - \square) = 34$$

шишь, не выпущу». И комнату запер на ключ. Видите, какая она, задачка-то, была! Надо дорисовать числа, полузакрытые квадратиками. Вроде просто, а поди попробуй! Лучше бы он меня высек тогда. Три часа просидел взаперти, пока решение нашел. Расстроен был, где уж тут до смекалки! Без меня игру провели. Но вам-то торопиться некуда, да ведь и решений-то тут может быть несколько. Ну, кто быстрее сообразит?

(По материалам, присланным Л. Церлюком (Сталинград), В. Белоусовым (Москва), В. Клочковым (Москва) и А. Завьяловым (Ивановo).

ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 8 И 10

В НОВОЙ КВАРТИРЕ

1. Клавиатура у пианино. 2. Кран самовара. 3. Кружки лыжных палок. 4. Ключ стенных пружинных часов. 5. Каблуки у сапог. 6. Крючок на раскладной шахматной доске. 7. Каркас абажура. 8. Камеры велосипедных колес. 9. Козырек фуражки. 10. Колеса детской коляски.

СЕМИЦВЕТНЫЕ ЧАСЫ

По расположению годичных колец на пне дерева старый рыболов определил, где находится север. Наблюдать же радугу можно только в направлении, прямо противоположном положению солнца. Сопоставив направление к середине радуги со странами света, он установил, что солнце должно быть на юго-западе, это соответствовало примерно трем часам пополудни.

ПОСМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО

Совершенно одинаково одеты 3-й и 7-й клоуны.

РЕБУСЫ

1. Блокноты. 2А. Ступень. Б. Арба. В. Крупа. 3А. Вид. Б. Ява. В. Ворон. 4А. Пенал. Б. Набойка. 5. Надстройка. 6. Подушка. 7А. Сапог. Б. Топот. 8А. Трус. Б. Удочка. 9. Заноза. 10А. Суп. Б. Усы. 11. Каштан. 12. Отвар. 13А. Изба. Б. Излом. 14. Восток. 15А. Модель. Б. Желе. 16А. Курсант. Б. Поток.

ПОЛМИНУТЫ НА РАЗДУМЬЕ

1. Башмаки — приспособление для торможения колес вагонов. 2. Кошка. 3. Ушную раковину. 4. По полям шляпы. 5. Из слова «жаворонок» — слово «ворон». 6. Ерш, которым чистят ламповые стекла, на уху не годится. 7. Морской, речной гладью. 8. Буква «р». 9. Из газетной «утки». 10. О сапожном гвозде. 11. На кузнечном горне. 12. Из меха, который в баяне, аккордеоне и т. п. 13. В доменной или мартеновской печи.

Содержание

На вклейках:
Иллюстрации к очерку «Завтра Москвы».

На обложке:
Цветная фотография А. Жилякова.

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе (заместитель редактора) В. И. Орлов, В. А. Поддубная (ответственный секретарь), М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, Д-47. Первая улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 07196. Подписано к печати 31/X 1960 г. Тираж 535 000 экз. Изд. № 1841. Заказ № 2817.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.